Т33
235

Д. Н. Ушаковъ,
приватъ-доцентъ Московскаго Университета.

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ.

ОЧЕРКЪ ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ, ОТНОШЕНІЯ ЕГО КЪ ЯЗЫКУ И ВОПРОСА О ЕГО РЕФОРМѢ.

Переработано изъ лѣтнихъ лекцій 1911 г. при педагогическихъ курсахъ Московскаго О-ва воспитат. и учительн.

МОСКВА—1911.
Издатель В. С. Спиридоновъ.
Моховая, уг. Тверской, д. Варварин. Акц. О-ва.
Телефонъ № 120-93.

Т33
235

Д. Н. Ушаковъ,
приватъ-доцентъ Московскаго Университета.

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ.

ОЧЕРКЪ ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ, ОТНОШЕНІЯ ЕГО КЪ ЯЗЫКУ И ВОПРОСА О ЕГО РЕФОРМѢ.

Переработано изъ лѣтнихъ лекцій 1911 г. при педагогическихъ курсахъ Московскаго О-ва воспитат. и учительницъ.

Москва—1911.
Издатель В. С. СПИРИДОНОВЪ.
Моховая, уг. Тверской, д. Варварин. Акц. О-ва.
Телефонъ № 120—95.

03 0.3.
12686
ИМПЕРАТОРСКІЙ
РОССІЙСКІЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ
МУЗЕЙ.
№ 401005

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1911.

Посвящается

памяти

моего учителя

Владимира Петровича

Шереметевскаго.

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русское правописаніе можетъ въ настоящее время привлекать къ себѣ вниманіе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ связи съ вопросомъ о его реформѣ, поднятымъ — и не впервые — уже десять лѣтъ тому назадъ, и во-вторыхъ, въ связи съ вопросомъ о методахъ обученія ему,—вопросомъ, который въ послѣдніе годы особенно выдвинулся благодаря успѣхамъ экспериментальной дидактики и, можетъ быть, не безъ вліянія того оживленія, которое было вызвано въ педагогическомъ мірѣ вопросомъ о реформѣ.

Правильному отношенію къ обоимъ указаннымъ вопросамъ практики мѣшаетъ постоянно встрѣчающійся у насъ въ образованномъ обществѣ недостатокъ извѣстныхъ теоретическихъ свѣдѣній, а именно, правильнаго, т.-е. научнаго, пониманія явленій языка и отношенія ихъ къ письму. Это плодъ обычной постановки преподаванія грамматики въ нашей средней школѣ съ давнихъ поръ. Когда-нибудь, когда уничтожится пропасть между грамматикой школьной и научной, устранится и этотъ недостатокъ: общее образованіе не будетъ заключать въ себѣ превратныхъ понятій о языкѣ на ряду съ правильными свѣдѣніями въ другихъ областяхъ знанія; но пока этотъ недостатокъ существуетъ, онъ мѣшаетъ правильно судить и разбираться въ тѣхъ вопросахъ, которые такъ или иначе связаны съ языкомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, захотимъ ли мы судить о томъ или иномъ проектѣ реформы или о томъ или иномъ пріемѣ обученія правописанію, намъ одинаково необходимо ясно понимать, въ чемъ цѣли и свойства всякаго правописанія, въ какомъ отношеніи стоятъ буквы русскаго письма къ звукамъ русскаго языка и, наконецъ, въ чемъ заключается грамотность, какъ умѣнье правильно читать и писать слова.

Общедоступному изложенію этихъ теоретическихъ основъ и посвященъ главнымъ образомъ мой очеркъ, переработанный изъ читанныхъ мною лекцій, организованныхъ московскими педагогическими курсами лѣтомъ 1911 г. Важнѣйшимъ я считаю выясненіе отношенія буквъ къ звукамъ, такъ какъ именно въ этой области, какъ убѣждаетъ меня собственный опытъ преподавателя русскаго языка въ средней и высшей школѣ, глубже всего укореняются тѣ превратныя представленія о языкѣ, о которыхъ говорилось выше.

Что же касается одного изъ практическихъ вопросовъ, вопроса о преподаваніи правописанія, то я затрогиваю его лишь постольку, поскольку онъ непосредственно связанъ съ теоретическимъ изложеніемъ, и, не считая себя спеціалистомъ въ первоначальномъ обученіи, воздерживаюсь отъ личныхъ практическихъ указаній въ этой области.

По другому вопросу, о реформѣ правописанія, мнѣ представлялось полезнымъ изложить вкратцѣ ходъ дѣла и главнѣйшія основанія за и противъ реформы,—въ особенности въ виду того, что мы, можетъ быть, стоимъ наканунѣ новыхъ шаговъ въ этомъ дѣлѣ (въ 1910—11 гг. возобновлены работы орѳографической подкомиссіи при академіи наукъ, прерванныя въ 1904 г.), но я, хотя и сторонникъ упрощенія русскаго правописанія, не ставилъ себѣ прямой цѣлью его пропаганду здѣсь, въ этомъ очеркѣ, и старался быть вполнѣ объективнымъ. Поставивъ себѣ главной цѣлью въ этой книгѣ изложеніе теоретическихъ основъ, я не желалъ бы мимоходомъ навязывать своихъ мнѣній по вопросамъ практики. Но я вовсе не хочу ихъ и скрывать: мнѣ представляется свѣтлымъ будущее нашей школы, когда учитель, усвоивъ *раціональные методы*, приложитъ ихъ къ обученію *упрощенному* правописанію.

Однако я думаю также, что цѣннѣе усовершенствованія самого правописанія усовершенствованіе въ пониманіи его природы; само оно не можетъ быть научнымъ или ненаучнымъ, но отношеніе къ нему можетъ быть ненаучнымъ и тогда мѣшать и дѣятелю реформы и преподавателю. Своей книгой я желалъ бы только помочь—тому, кто въ этомъ нуждается,—усвоить правильный взглядъ на взаимныя отношенія письма и языка. А это, между прочимъ, лучшее введеніе и въ пріобрѣтеніе научныхъ свѣдѣній о самомъ языкѣ.

Д. Ушаковъ.

ГЛАВА I.

Письмо и правописаніе.

Мы пишемъ для того, чтобъ передать свои мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда это невозможно сдѣлать устной рѣчью. Казалось бы поэтому, что самымъ лучшимъ письмомъ было бы такое, которое прямо передавало бы самыя мысли, являлось бы картинкой тѣхъ предметовъ, о которыхъ мы думаемъ. Дѣйствительно, такъ и возникало искусство письма: на зарѣ этого искусства человѣкъ старался итти именно такимъ прямымъ путемъ; первобытное письмо *картинное* (пиктографія). Въ трудахъ по исторіи культуры [1]) можно встрѣтить образчикъ пиктографіи — прошеніе, поданное президенту Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ индѣйскими племенами; это—рисунокъ, на которомъ эти племена изображены въ видѣ рыбы, журавля, медвѣдя и др. животныхъ, именами которыхъ племена назывались и отъ которыхъ вели свое баснословное происхожденіе; сердце и глаза всѣхъ ихъ соединены линіями, что должно обозначать единодушіе ихъ просьбы, а предметъ просьбы—нѣсколько озеръ—изображены тутъ же, и къ этому изображенію проведена также линія. Но, понятно, подобное «письмо» представляетъ большія трудности для читателя, такъ какъ предоставляетъ догадываться, въ какія отношенія поставить въ мысли изображенные предметы. Мышленіе наше не такъ просто, предметами мысли являются у насъ не только представленія видимыхъ предметовъ, и все, что поотвлеченнѣе, не можетъ быть передано такъ непосредственно, а требуетъ условности. Понятно, поэтому, почему пиктографія нигдѣ не вылилась въ систему безъ утраты своей непосредственности. Этотъ «прямой» путь оказался неудобнымъ для тѣхъ цѣлей, которымъ служитъ письмо у культурныхъ народовъ. Однако достоинство пиктографическаго знака, передающаго мысль сразу, несомнѣнно, и потому знаки пиктографическаго характера мы можемъ встрѣтить и при существованіи иной системы письма, разумѣется, въ очень ограниченной сферѣ употребленія. Такъ, знакомъ △ въ геометріи мы замѣняемъ слово

[1]) Напр., въ Исторіи культуры Липперта, Спб., 1894, стр. 283.

треугольникъ, знаками ☽○ въ календарѣ обозначаемъ первую четверть луны, полнолуніе, знакомъ ☞ желаемъ обратить вниманіе читателя, напр., на объявленіе въ газетѣ, или указываемъ направленіе, сюда же относятся таблички съ изображеніями топора, ведра, лѣстницы и т. п. на избахъ въ нашихъ деревняхъ для указанія того, съ чѣмъ хозяинъ данной избы долженъ являться на пожаръ.

Подобно пиктографіи прямо передаетъ предметы мысли и *идеографія*, но здѣсь для изображенія предметовъ употребляются уже не картинки ихъ, а условные знаки. Идеографическое письмо мы встрѣчаемъ у древнихъ египтянъ (іероглифы), теперь у китайцевъ. Достоинствомъ такого письма является то, что его до извѣстной степени можно читать, не зная языка писавшаго; такъ, говорятъ, китайскія письмена читаютъ и японцы и корейцы каждый на своемъ языкѣ. Но идеографія представляетъ громадное неудобство тѣмъ, что она чрезвычайно трудна для усвоенія: китайскому письму, гдѣ до сорока тысячъ знаковъ, почти невозможно выучитьсл вполнѣ. Понятно, что идеографическое письмо не получило широкаго распространенія, разъ явилось болѣе удобное для усвоенія письмо. Но, подобно пиктографическимъ, мы охотно прибѣгаемъ, гдѣ это возможно, и къ идеографическимъ знакамъ. Таковы всѣ наши цифры, таковы знаки $<$ $>$ (меньше и больше), $^0/_0$, $\sqrt{25}$, $2\times2=4$, К°, стрѣлки ← → въ желѣзнодорожныхъ указателяхъ, означающія приходъ и отходъ поѣздовъ, наконецъ, сокращенія: т.-е., и т. д., Мм. Гг. (милостивые государи) и другія. Вотъ примѣры соединенія пиктографіи съ идеографіей: А. П. Чеховъ † 2/VI 1904, $\triangle ABC > \triangle DEF$ и т. п.

Намъ не важно въ данномъ случаѣ, какъ человѣчество дошло до болѣе удобной системы письма. Болѣе удобнымъ путемъ передачи мыслей оказался путь обходный: вмѣсто того, чтобъ изображать самый предметъ, прибѣгли къ посредству языка и стали передавать на письмѣ названіе предмета, обозначая отдѣльными знаками (буквами) звуки, изъ которыхъ это слово состоитъ. Такое письмо называется *звуковымъ* въ широкомъ смыслѣ слова, подъ которымъ понимается и письмо «слоговое», въ которомъ отдѣльная буква (одна или съ какимъ-либо значкомъ) передаетъ цѣлый слогъ, и письмо «звуковое» въ узкомъ смыслѣ, въ которомъ отдѣльная буква назначена для передачи отдѣльнаго звука. Вторая разновидность звукового письма существуетъ у громаднаго большинства пишущихъ народовъ и обыкновенно представляется намъ единственно возможнымъ письмомъ. Безспорное удобство звукового письма заключается въ легкости его усвоенія, такъ какъ для того, чтобы писать, нужно запомнить сравнительно небольшое количество знаковъ (буквъ). Трудно было только дойти до такой системы, потому что предварительно нужно было замѣтить, что слова расчленяются на слоги и звуки.

Итакъ, звуковымъ, въ отличіе отъ другихъ системъ, мы назы-

ваемъ такое письмо, которое основано на передачѣ буквами звуковъ, безразлично, точна или неточна эта передача. Если же обратить вниманіе на степень точности, то ни въ одномъ извѣстномъ намъ звуковомъ письмѣ полной точности нѣтъ. Можно думать, что въ моментъ возникновенія звуковое письмо бываетъ наиболѣе точнымъ (идеальной точности никогда не можетъ быть). Любое извѣстное намъ звуковое письмо пережило долговременную исторію, въ теченіе которой разными путями появлялись и подъ вліяніемъ различныхъ причинъ удерживались неточности, и всюду, какъ и въ русскомъ письмѣ, мы найдемъ, что одна и та же буква не всегда означаетъ одинъ и тотъ же звукъ и что одинъ и тотъ же звукъ въ разныхъ случаяхъ можетъ выражаться не одной и той же буквой. Только съ точки зрѣнія соблюденія всѣхъ усвоенныхъ пріемовъ письма, изъ которыхъ многіе не могутъ быть провѣрены на слухъ, можно говорить о «правильномъ» или «неправильномъ» письмѣ, — является понятіе «правописанія», или «орѳографіи». Имѣя въ виду основной принципъ звукового письма, можно сказать, что усвоеніе звукового письма легко (легче идеографическаго), такъ какъ нужно усвоить небольшое количество знаковъ; имѣя же въ виду любое правописаніе, мы не скажемъ, что достачно усвоить буквы, чтобы писать правильно.

Вмѣсто термина «точный звуковой» въ отличіе отъ просто «звуковой» мы обыкновенно во избѣжаніе недоразумѣнія употребляемъ терминъ «*фонетическій*» и говоримъ: фонетическое письмо, фонетическое правописаніе, фонетическая запись и т. п., когда хотимъ обозначить письмо съ точной передачей звуковъ въ отличіе отъ письма обычнаго, неточнаго, хотя само слово «фонетическій» собственно значитъ то же, что русское «звуковой».

ГЛАВА II.

Фонетическая транскрипція и обычное письмо.

Отсутствіе точности въ передачѣ буквами звуковъ въ обычномъ письмѣ вовсе не является безусловнымъ недостаткомъ, такъ какъ для практическихъ цѣлей, которымъ служитъ письмо, точность вовсе не обязательна; наоборотъ, неточное звуковое письмо можетъ быть проще и легче. Пользуясь мѣткими выраженіями ученыхъ, высказывавшихся о правописаніи, можно сказать, что «цѣль правописанія—ясное начертаніе образованнаго языка простѣйшими средствами» (Раумеръ); поэтому практическое письмо является «общедоступной передачей звуковъ» (Коршъ) и «относится къ рѣчи, какъ грубый эскизъ къ тщательно нарисованной картинѣ» (Пауль); «какъ устная рѣчь символически изображаетъ мысли, такъ письмо символически устную рѣчь» (Томсонъ).

Но несмотря на то, что любое извѣстное намъ практическое письмо обходится безъ точности, можетъ быть все-таки точность въ немъ возможна и желательна? Нѣтъ, точное звуковое письмо, фонетическое, не можетъ быть общедоступнымъ, а потому нежелательно. Чтобъ убѣдиться въ сложности фонетическаго письма, необходимы наглядные примѣры. Намъ не придется фантазировать, стоитъ только обратиться къ тѣмъ случаямъ, когда по необходимости приходится заботиться о точной передачѣ звуковъ. Къ ней мы прибѣгаемъ въ наукѣ о языкѣ (языковѣдѣніе), когда изучаемъ самые звуки. Для точной передачи звуковъ не годится ни одна изъ существующихъ азбукъ: въ каждой не хватитъ буквъ и окажутся лишнія. Поэтому, если мы прибѣгнемъ въ цѣляхъ точной передачи русскаго произношенія, мѣстнаго или литературнаго, къ русской азбукѣ, то намъ придется часть буквъ выбросить, а съ другой стороны, или придумать новыя или старыя снабдить разными различительными значками. За такимъ искусственнымъ письмомъ, употребляемымъ въ научныхъ цѣляхъ, утвердилось названіе *фонетической транскрипціи*.

Напримѣръ, мы знаемъ, что въ различныхъ русскихъ говорахъ звукъ **е**, напр., въ словѣ с е л о, произносятъ различно; въ практическомъ письмѣ представители всѣхъ различныхъ мѣстныхъ произношеній могутъ писать одинаково с е л о; но въ *діалектологіи* (ученіе народныхъ говоровъ), гдѣ именно эти звуковыя различія и изучаются, мы по необходимости должны писать с е л о, с ёл о (сѣверновеликорусскіе говоры), с я л о, с и л о (южновеликорусскіе), а если въ какомъ-нибудь говорѣ произносятъ не **е** и не **и**, а звукъ на слухъ средній между ними, мы прибѣгнемъ къ условному обозначенію въ родѣ с е^{и}л о или с и^{е}л о. Подобнымъ образомъ написаніе в о д а въ діалектологическомъ сочиненіи обозначаетъ произношеніе этого слова со звукомъ **о** (въ «окающихъ» сѣверновеликорусскихъ говорахъ), а литературное произношеніе со звукомъ **а**, которое слышится также и въ говорахъ («акающихъ» южновеликорусскихъ) мы передадимъ написаніемъ в а д а; для извѣстныхъ говоровъ намъ потребуется в ы д а, потребуются и условные знаки, если въ говорѣ окажется здѣсь не **ы**, а звукъ, хотя и близкій къ нему, но не тождественный съ нимъ.

Точно такъ же, изучая литературное произношеніе, мы открываемъ въ немъ чрезвычайное разнообразіе звуковъ, котораго и не подозрѣвали и котораго не передашь обычнымъ письмомъ.

Эти различія, существующія въ языкѣ, игнорируются нами, когда мы слушаемъ чужую рѣчь съ цѣлью усвоить ея содержаніе, и нивеллируются въ обычномъ письмѣ. Въ фонетической же транскрипціи, которая и примѣняется съ цѣлью передать эти различія, *каждый* звукъ долженъ имѣть особое обозначеніе. Необходимость въ транскрипціи съ очевидностью выяснится изъ чтенія слѣдующихъ главъ. Мало того, въ послѣдующихъ главахъ мнѣ придется къ ней

и прибѣгать, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно будетъ показать произношеніе, не совпадающее съ правописаніемъ, при чемъ, смотря по надобности, я буду писать слово фонетически или цѣликомъ или же по отношенію только къ тому звуку, о которомъ будетъ итти рѣчь.

Понятно, что и фонетическая транскрипація можетъ быть разной степени точности.

Въ приложеніи I-мъ я даю образчики фонетической транскрипціи связной рѣчи въ произношеніяхъ: мѣстномъ и литературномъ.

ГЛАВА III.

Понятіе о физіологіи звуковъ рѣчи.

Такъ какъ въ школѣ говорятъ о звукахъ только затѣмъ, чтобъ потомъ выучить правильно писать, то само собой главное вниманіе обращается на буквы, а не на звуки, и намъ на первыхъ порахъ очень трудно отрѣшиться отъ буквъ и услыхать въ языкѣ то, чего мы не видимъ на письмѣ. Не такъ трудно, впрочемъ, замѣтить, что ъ не обозначаетъ особаго звука, что нѣтъ разницы въ произношеніи **е** и **ѣ**, **и** и **і**, **ф** и **ѳ**,—нетрудно, словомъ, замѣтить лишнія буквы; но гораздо труднѣе убѣдиться, что звуковъ въ нашей рѣчи гораздо больше, чѣмъ буквъ въ азбукѣ. Выраженіе «каждый звукъ» употреблено мною въ предшествующей главѣ, конечно, не только въ смыслѣ звука, имѣющаго соотвѣтственную букву въ азбукѣ, а звука, въ дѣйствительности существующаго въ нашей рѣчи.

Какіе же звуки существуютъ въ нашей рѣчи? Этимъ вопросомъ занимается наука языковѣдѣніе въ томъ отдѣлѣ, который называется *фонетикой* (ученіе о звукахъ), и ставитс. этотъ вопросъ примѣнительно къ тому или другому данному языку опредѣленной эпохи, такъ какъ звуки мѣняются въ языкѣ съ теченіемъ времени. Фонетика опирается на другую науку, *физіологію звуковъ рѣчи*, разсматривающую, какіе органы рѣчи (гортань, языкъ, небо, зубы, губы) какую именно работу производятъ для образованія того или иного звука. Открывается безконечное разнообразіе комбинацій, въ которыя приходятъ органы рѣчи, и, слѣдовательно, безконечное разнообразіе звуковъ, возможныхъ въ человѣческой рѣчи. Не всѣ различія уловимы человѣческимъ ухомъ. Изучаются звуки и съ акустической (на слухъ) и съ физіологической стороны (по образованію), между прочимъ, и при помощи спеціальныхъ инструментовъ. Фонетика опредѣляетъ, какіе изъ возможныхъ въ человѣческой рѣчи звуковъ существуютъ (или существовали—если изученіе касается прошлаго) въ данномъ языкѣ. Это детальное изученіе звуковъ человѣческой рѣчи или звуковъ того или иного языка имѣетъ цѣну для тѣхъ

научныхъ выводовъ, которые языковѣдѣніе дѣлаетъ о томъ, какъ живетъ, развивается человѣческій языкъ. Понятно, что съ точки зрѣнія этой науки, изучающей ту духовную дѣятельность человѣка, которая называется языкомъ, правописаніе совершенно безразлично: оно—костюмъ, въ которомъ случайно является данный языкъ въ данную эпоху; языковѣду, если онъ изучаетъ языкъ по письменнымъ памятникамъ, всегда предварительная работа — опредѣлить, какіе живые звуки скрываются за мертвымъ письмомъ, а мы знаемъ, что всякое правописаніе условно, неточно.

Изъ физіологіи звуковъ рѣчи мы узнаёмъ, что всѣ звуки рѣчи образуются *шумомъ*: или отъ *треніе* воздуха, выдыхаемаго нами и проходящаго по щели, которая получается при *сближеніи* органовъ (наприм., языка и неба, губъ и проч.), или отъ *разрыва* воздухомъ полнаго *смыканія* тѣхъ же органовъ. Къ этому шуму, того и другого происхожденія, можетъ присоединяться еще и *голосъ*, т.-е. звукъ, происходящій отъ дрожанія голосовыхъ связокъ въ гортани, при чемъ въ однихъ звукахъ голосъ преобладаетъ надъ шумомъ, въ другихъ шумъ преобладаетъ надъ голосомъ, третьи состоятъ изъ одного только шума, безъ голоса. Различія въ звукахъ зависятъ еще отъ ширины щели между образующими органами (въ этомъ различіе — съ физіологической стороны несущественное, съ акустической болѣе значительное — такъ называемыхъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ), отъ мѣста, гдѣ образуются щель или смыканіе органовъ, отъ напряженнаго или ненапряженнаго состоянія языка и другихъ условій.

Тѣ звуки, которые мы называемъ *гласными*, всѣ образуются бо́льшимъ или меньшимъ сближеніемъ языка съ небомъ, при чемъ наиболѣе узкая щель, получающаяся при гласныхъ, шире тѣхъ щелей, которыя получаются при образованіи согласныхъ. По *степени* поднятія языка къ небу мы различаемъ гласные верхняго, средняго и нижняго образованія, по *мѣсту* поднятія—гласные передняго, средня́го и задняго ряда (языкъ поднимается къ переднему, или къ среднему, или къ заднему небу); но этимъ числомъ, девятью, не исчерпываются всѣ возможныя комбинаціи органовъ рѣчи для образованія гласныхъ; оно должно быть учетверено, такъ какъ, во-первыхъ, въ каждомъ изъ указанныхъ положеній языкъ можетъ находиться въ напряженномъ и ненапряженномъ состояніи, и гласные звуки могутъ быть *напряженными и ненапряженными*, — а во-вторыхъ, всѣ гласные могутъ произноситься или съ вытянутыми впередъ округленными губами или безъ этого (гласные *лабіализованные и нелабіализованные*). Въ дѣйствительности и этими 36-ю типами не ограничиваются гласные звуки; понятія: «переднее», «среднее», «заднее» небо, «верхнее», «среднее», «нижнее» образованіе — понятія условныя; степень лабіализаціи и напряженія можетъ быть различна; стало быть, въ дѣйствительности существуетъ кромѣ указанныхъ

еще и промежуточные типы. Все это условія, отъ которыхъ зависитъ *качество* гласныхъ (т.-е. то, что одинъ звукъ будетъ а, другой э, третій и и т. д.); но, кромѣ качества, звуки, и въ томъ числѣ гласные, могутъ быть различнаго *количества* (долгіе, краткіе, очень краткіе), различной *высоты*, или тона, могутъ произноситься съ различной *силой* выдыханія (на этомъ основаніи рядъ звуковъ расчленяется на такъ называемые слоги) и съ различной полнотой *голоса* (въ русскомъ языкѣ очень распространены гласные «полуглухіе», т.-е. съ неполнымъ образованіекъ голоса).

Согласные различаются по мѣсту образованія, т.-е. по тому, гдѣ образуется или щель или смыканіе органовъ, и могутъ быть *задне-небными, средне-небными, зубными, зубно-губными, губными* и др., и въ каждомъ изъ этихъ классовъ — или *фрикативными* (образуемыми треніемъ въ щели; отъ латинскаго слова, означающаго «тереть») или *взрывными* (образуемыми разрывомъ смыканія), а тѣ и другіе, въ свою очередь — или *глухими*, если образуются безъ голоса, или *звонкими*, если образуются съ голосомъ. Среди согласныхъ, образуемыхъ съ голосомъ, есть такіе, въ которыхъ голосъ преобладаетъ надъ шумомъ; они называются *сонорными*; физіологически они близки къ гласнымъ. Есть согласные *слитные*, происшедшіе отъ сліянія въ одинъ новый звукъ двухъ: одного — взрывнаго и другого — фрикативнаго; таковы, напр., ц изъ т + с, ч изъ т + ш и др.

Эти краткія свѣдѣнія изъ физіологіи звуковъ рѣчи я привелъ для того, чтобы было на что опираться, когда ниже придется говорить о живыхъ звукахъ русскаго языка. Замѣчу, что въ нашу задачу не входитъ полнѣйшій, исчерпывающій обзоръ звукового состава русскаго языка, и я ограничусь самымъ необходимымъ.

ГЛАВА IV.

Отношеніе русскаго правописанія къ русскому языку.

Разсмотримъ теперь, какіе звуки русскаго языка соотвѣтствуютъ тѣмъ или инымъ буквамъ на письмѣ. При этомъ подъ русскимъ языкомъ мы будемъ понимать только русскій литературный языкъ, примѣнительно къ которому и существуетъ (но не возникало) наше обычное письмо, а литературное произношеніе по происхожденію своему основано на московскомъ говорѣ.

Естественно говорить сначала о гласныхъ, затѣмъ о согласныхъ; но нѣкоторыя явленія нашего правописанія гласныхъ буквъ объясняются только въ связи съ извѣстными свойствами согласныхъ звуковъ, а потому мнѣ придется по необходимости нарушать въ изложеніи этотъ порядокъ.

§ 1. **Гласные звуки.** Представимъ себѣ при помощи таблицы главнѣйшіе типы гласныхъ звуковъ человѣческой рѣчи, пока безъ различій въ напряженіи; *часть* русскихъ гласныхъ звуковъ распредѣлится въ ней слѣдующимъ образомъ:

	Передніе.	Средніе.	Задніе.	
Нелабіализованные.	и	ы		Верхн.
	э			Средн.
			а	Нижн.
Лабіализованные.			у	Верхн.
			о	Средн.
				Нижн.

Чтобъ обозначить звуки, мы прибѣгли къ буквамъ обычнаго русскаго письма. Не думаю, чтобъ возникло сомнѣніе, о какихъ звукахъ здѣсь идетъ рѣчь; но въ виду того, что говорилось уже и что ниже будетъ еще говориться о неточности въ соотвѣтствіи буквъ звукамъ, слѣдуетъ сказать, что здѣсь, конечно, приведены тѣ звуки, которые представляются намъ при первомъ взглядѣ на эти буквы, если мы видимъ ихъ отдѣльно. Такъ же произносятся эти *звуки* и въ словѣ, если стоятъ въ слогѣ подъ удареніемъ. Если мы захотимъ говорить о *буквахъ* **и, э, ы, а, у, о,** то онѣ являются, сталобыть, въ этомъ звуковомъ значеніи только въ ударяемыхъ слогахъ (буква **и**, впрочемъ, не всегда, см. § 21).

Итакъ, у насъ есть въ числѣ гласныхъ звуковъ передніе нелабіализованные: *и*—верхняго и *э*—средняго образованія, средній нелабіализованный верхняго образованія *ы*, задній нелабіализов. нижн. образ. *а*, задніе лабіализованные: *у*—верхняго и *о*—средняго образованія.

§ 2. Напряженные и ненапряженные оттѣнки гласныхъ звуковъ. Всѣ эти звуки бываютъ, въ зависимости отъ разныхъ условій, и напряженными и ненапряженными; другими словами, въ дѣйствительности, въ языкѣ имѣется по двѣ разновидности каждаго изъ этихъ звуковъ, которыя мы обыкновенно не различаемъ въ

рѣчи, если не обратимъ на это спеціальнаго вниманія, и не отмѣчаемъ на письмѣ (во французскомъ правописаніи различаются напряженное, такъ называемое закрытое é и è открытое ненапряженное). Въ русскомъ языкѣ э напряженно передъ слѣдующей мягкой согласной, напр., въ э т и, гдѣ т мягко, и ненапряженно передъ твердой, напр., въ э т а. Произнося нѣсколько разъ попеременно э т а, э т и, можно пріучиться ухомъ различать два оттѣнка звука э и почувствовать напряженіе въ языкѣ при произнесеніи одного изъ нихъ. Тѣ же оттѣнки въ другихъ звукахъ подмѣтить гораздо труднѣе: **и, ы, у** напряженны, когда на нихъ удареніе, **а** и **о**, повидимому, тогда, когда они стоятъ передъ или послѣ **л** твердаго (напр. **а** и **о** въ с т а л ъ, с т о л ъ отличаются отъ тѣхъ же звукахъ въ с т а н ъ, с т о н ъ напряженіемъ). Такимъ образомъ, изъ шести буквъ: **а, у, о, и, э, ы** каждая обозначаетъ по два оттѣнка звука; собственно говоря, мы въ правѣ сказать, что эти шесть буквъ обозначаютъ 12 звуковъ. Въ практическомъ письмѣ едва ли можетъ встрѣтиться необходимость различать эти оттѣнки; въ фонетической транскрипціи, конечно, ихъ различаютъ тѣмъ или инымъ способомъ.

§ 3. Буква о въ значеніи а, буква е въ значеніи и. Въ нашемъ практическомъ письмѣ буква **о** передаетъ не только два трудно различимые оттѣнка звука **о**; она передаетъ постоянно и звукъ **а**, именно когда находится въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ, иначе говоря: въ первомъ предударномъ слогѣ, напр. в о д а́, п р и х о́ ж у́ произносимъ в а д а́, п р и х а ж у́. Первоначально въ русскомъ языкѣ звукъ **о** произносился вездѣ, гдѣ пишется; но впослѣдствіи онъ измѣнялся, и въ этомъ положеніи—въ первомъ предударномъ слогѣ—перешелъ въ **а** въ такъ называемыхъ а́кающихъ говорахъ, къ числу которыхъ относится и московскій; въ такъ называемыхъ о́кающихъ онъ сохранился, и тамъ произносятъ, какъ пишемъ: в о д а́, м о р о́ з ъ.

Подобнымъ образомъ и по тѣмъ же историческимъ причинамъ буквы **е** или **ѣ** передаютъ звукъ **и** (или въ произношеніи нѣкоторыхъ, москвичей же, очень близкій къ **и**) въ томъ же положеніи, т.-е. въ первомъ предударномъ слогѣ: п е р о́, п р и н е с у́, с ѣ д о́ й, у б ѣ д и́ т ь произносятъ п и р о́, п р и н и с у́, с и д о́ й, у б и д и́ т ь (или п е ⁿ р о́, п р и н е ⁿ с у́, с е ⁿ д о́ й, у б е ⁿ д и́ т ь). О звуковыхъ значеніяхъ буквы **е** намъ придется еще неоднократно говорить ниже.

§ 4. Буквы ѣ, і, ѵ[1]. Если сравнить нашу таблицу съ такъ называемыми гласными буквами нашей азбуки, то въ таблицу не попали

[1]) Въ 1885 г. Гротъ писалъ, что ижицу можно считать исключенной изъ русской азбуки, однако въ 1901 и далѣе мы находимъ возможнымъ говорить опять о необходимости ее исключить (см. въ гл. X).

ѣ, і, ѵ, е, я, ю, потому что эти буквы не обозначаютъ какихъ-либо особыхъ звуковъ, которые не обозначались бы также и помѣщенными въ таблицу буквами.

Буква ѣ обозначала особый звукъ, отличавшійся отъ е въ древнерусскомъ языкѣ; этотъ звукъ въ исторіи нашего языка совпалъ съ е, буква же осталась—одинъ изъ очень многочисленныхъ случаевъ, когда правописаніе передаетъ не то, что есть, а что было въ языкѣ.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы теперь мы всюду писали ѣ тамъ, гдѣ онъ былъ въ старину: накопилось много ошибокъ, освященныхъ долговременнымъ употребленіемъ и вошедшихъ въ правило; отсюда много случаевъ, въ которыхъ мы пишемъ ѣ тамъ, гдѣ нужно бы по происхожденію писать е, и наоборотъ. Такъ, мы пишемъ ѣ, гдѣ нужно было бы е: вездѣ, гдѣ, здѣсь, змѣй, змѣя, индѣецъ, рѣдька, рѣшето, сѣдло, цвѣлъ, цвѣсти (но цвѣтъ правильно); болѣ, менѣ, далѣ, долѣ; въ именахъ Сергѣй, Алексѣй и мн. др. (но Матвѣй и нѣк. др. правильно). Пишемъ е, гдѣ нужно было бы ѣ: блескъ, брежжиться, ведро, векша, водолей, вообще, давеча, деверь, дребезги, древле, древній, запретъ, клевретъ, клей, клещи, колебать, лекарь (по Гроту лѣкарь), мезга, мелкій (мель, мелочь), не въ негдѣ, некуда, некогда (и въ значеніи «когда-то» и въ значеніи «нѣтъ времени» писалось ѣ), некого, нечего, некому и т. под., ночлегъ, опека, песокъ, пестъ, плескъ, преніе, прилежный, семья, темя, трескъ и нѣк. др., въ окончаніи — ель: добродѣтель, кисель, колыбель, купель, обитель и др. (дѣятель и т. п. правильно); въ глаголахъ съ длительнымъ значеніемъ, какъ изрекать, летать, метать, подстрекать, угнетать и др. (по происхожденію: мести, но мѣтати и т. п.); наконецъ, число этихъ случаевъ пополняется громаднымъ количествомъ заимствованныхъ церковнославянскихъ словъ съ производными безъ такъ называемаго полногласія: безбрежный (русское берегъ, ц.-сл. брѣгъ), влеку (русское волоку), вредъ (рус. вередъ), время (рус. веремя, извѣстное изъ памятниковъ), древесный (рус. дерево, ц.-сл. дрѣво), жребій (рус. жеребей), млечный (напр., путь; рус. молочный, ц.-сл. млѣко; но правильно пишемъ ц.-сл. плѣнъ при рус. полонъ), предъ (рус. передъ), приставка пре- (рус. пере-, сравн. ц.-сл. прѣвратити, рус. переворотить), прежде (сравн. рус. опережать), среда (рус. середа), чрезъ (рус. черезъ) и мн. др. Если бы подсчитать, то мы не чаще пишемъ ѣ правильно, чѣмъ неправильно по происхожденію.

Буквы і и ѵ всегда обозначали тотъ же самый звукъ, что и буква и; изъ этихъ трехъ буквъ двѣ всегда были лишнія въ русскомъ письмѣ; онѣ всѣ были взяты въ славянскую азбуку изъ гре-

ческой, а въ греческой азбукѣ ихъ существованіе объясняется тѣмъ же свойствомъ всякаго правописанія, на которое было указано по поводу нашихъ ѣ и е: въ греческомъ правописаніи продолжали различаться звуки прошлаго, совпавшіе въ одномъ. Буква ѵ въ русскомъ правописаніи употреблялась исключительно въ тѣхъ словахъ, взятыхъ изъ греческаго языка, въ которыхъ и по-гречески писалась эта буква (сѵнодъ, мѵро). Подобной буквой, употребляющейся впрочемъ, не только въ греческихъ словахъ, во французской азбукѣ является **у** (игрэкъ — «i grec», т.-е. «греческое и»). Такъ какъ **и, і** и ѵ имѣютъ совершенно одинаковое звуковое значеніе, то, конечно, въ нашу таблицу совершенно безразлично можно было бы помѣстить любую изъ нихъ.

О звуковомъ значеніи буквъ **е, я, ю** удобнѣе сказать ниже, когда буду говорить объ обозначеніи согласныхъ въ русскомъ письмѣ, а теперь скажу о буквахъ **ъ, ь и й.**

§ 5. **Буквы ъ и ь.** Буквами ъ и ь обозначались существовавшіе въ древне-русскомъ языкѣ особые гласные звуки («полуглухіе»), которые въ позднѣйшую эпоху или исчезли или перешли—ъ въ **о**, а ь въ **е**, напр. древнія **сънъ, съна, вьсь, вься** перешли въ **сон, сна, вес** (съ **с** мягкимъ), **вся**. Съ исчезновеніемъ звуковъ ъ и ь, буквы ъ и ь въ концѣ словъ по привычкѣ продолжали писаться, а такъ какъ передъ ъ согласный звукъ былъ твердымъ, а передъ ь—въ эту эпоху—мягкимъ, то буквы ъ и ь стали сознаваться, какъ «твердый» и «мягкій» знаки. Въ этой роли ъ и ь употребляются и понынѣ; однако, вслѣдствіе многихъ перемѣнъ и въ языкѣ и въ письмѣ, ъ нерѣдко пишется теперь тамъ, гдѣ предшествующій согласный мягкій, а ь тамъ, гдѣ согласный твердый. Конечно, еслибъ ъ не существовалъ уже въ нашей азбукѣ когда-то въ другой роли, то для обозначенія твердости не стали бы придумывать буквы: твердость обыкновенно въ другихъ правописаніяхъ, а частью и въ нашемъ, остается необозначенной; обозначать ее, собственно, излишне, разъ обозначается мягкость. Обозначеніе твердости и мягкости при помощи особыхъ буквъ сложилось, стало быть, у насъ до извѣстной степени случайно: нелегко исключаются изъ письма буквы (еще труднѣе вводятся новыя) — такова сила привычки.

Еще въ одномъ значеніи употребляются въ нашемъ правописаніи буквы ъ и ь; его часто въ нашихъ грамматикахъ называютъ не совсѣмъ вѣрно «слогораздѣлительнымъ», имѣя въ виду случаи, въ родѣ **отъѣздъ, объявить**, гдѣ ъ дѣйствительно показываетъ слогораздѣлъ, и забывая о случаяхъ, въ родѣ **съѣздъ, пью**, гдѣ всего по одному слогу; или **съемка**, гдѣ слогораздѣлъ между **м** и **к**. Объ этомъ см. § 15.

§ 6. Буква й. Буква **й**, такъ называемое и краткое [1]), обозначаетъ звукъ и, не образующій слога, *неслоговой*, какъ называютъ въ физіологіи звуковъ рѣчи. Дѣло въ томъ, что на каждый слогъ въ рѣчи приходится отдѣльное выдыханіе; тотъ звукъ въ слогѣ, который произносится главнымъ напоромъ выдыхаемаго воздуха, называется *слоговымъ*, или слогообразующимъ, а тѣ звуки, которые произносятся, такъ сказать, за одно съ нимъ, той же порціей воздуха, называются *неслоговыми*. Отсюда видно, что различіе между слоговыми и неслоговыми звуками является различіемъ въ силѣ. Всѣ звуки, и гласные и согласные, теоретически могутъ быть и слоговыми и неслоговыми. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ человѣческомъ языкѣ слоговыми бываютъ гласные, а согласные — неслоговыми; однако во многихъ языкахъ извѣстны слоговые согласные, чаще всего **р и л**, и чуть ли не во всѣхъ — неслоговые гласные. Наше **й** одинъ изъ такихъ случаевъ. Итакъ, главное отличіе **й** отъ **и**, напр., въ **с а р а й** (един. ч.) въ отличіе отъ **с а р а и** (множ. ч.), не въ *количествѣ* (оно можетъ быть даже и не короче), а въ *силѣ*: оно, значитъ, не короче, а слабѣе.

§ 7. О названіи „полугласная“. Букву **й**, а часто и буквы **ъ** и **ь** называютъ «полугласными». Такъ какъ гласными или согласными могутъ быть звуки, а не буквы, то школьныя выраженія: гласная буква, согласная буква, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ: буква, обозначающая гласный звукъ, согласный звукъ. Но въ школьномъ пониманіи гласныхъ и согласныхъ кроется ненаучное мнѣніе о томъ, что гласная можетъ образовать слогъ, а согласная нѣтъ. Это—смѣшеніе понятія о гласномъ и согласномъ звукѣ съ понятіемъ о звукѣ слоговомъ и неслоговомъ. Правда, въ русскомъ литературномъ языкѣ слоговыми звуками обыкновенно являются гласные, однако нельзя сказать, чтобъ неслоговыми являлись только согласные, такъ какъ гласный звукъ, именно **й**, постоянно встрѣчается въ качествѣ неслогового. Но стоитъ только вслушаться въ произношеніе, какъ мы натолкнемся на возможность слоговыхъ согласныхъ и въ нашемъ произношеніи; таково произношеніе **И в а н о в н а** въ четыре, а не пять слоговъ: И-ва-н-на, гдѣ въ 3-мъ слогѣ нѣтъ гласнаго, а одинъ согласный **н**, на который и приходится особое выдыханіе воздуха, т.-е. **н** слоговой. Наше письмо не отмѣчаетъ (да ему и нѣтъ надобности отмѣчать) эти оттѣнки произношенія, но это обстоятельство не оправдываетъ указаннаго смѣшенія понятій.

Такимъ же образомъ ходячій терминъ «полугласная буква» слѣдуетъ понимать въ смыслѣ «буква, обозначающая полугласный звукъ». Но что такое «полугласный» звукъ? Наука не знаетъ полу-

---

[1]) Или, какъ говорятъ у насъ въ школѣ, „и съ краткой“, создавъ новое слово „кратка“, которымъ называютъ значокъ надъ буквой и.

гласныхъ звуковъ; а въ школьномъ пониманіи «полугласнаго» звука коренится то же смѣшеніе гласнаго съ слоговымъ: «полугласный», очевидно, понимается какъ такой гласный звукъ, который не обладаетъ обычнымъ свойствомъ гласнаго.

Такимъ образомъ, если названіе «полугласная» въ примѣненіи къ буквѣ **й** еще можно до извѣстной степени оправдать, какъ и названія «гласная», «согласная» буква, разъяснивъ себѣ, въ чемъ условность этого названія, то примѣненіе того же названія къ буквамъ **ъ** и **ь** не имѣетъ уже никакого смысла, такъ какъ эти буквы, какъ мы знаемъ, никакихъ звуковъ не обозначаютъ.

§ 8. **Лишніе гласные звуки.** Отрѣшаясь отъ впечатлѣнія письма и прислушиваясь къ языку, мы легко замѣтили лишнія *буквы;* такими оказались **і, ѵ, ѣ, ъ** и **ь**. По поводу **ь** спѣшу оговориться, что «лишними» я назвалъ эти буквы только въ томъ смыслѣ, что онѣ не обозначаютъ особыхъ, отдѣльныхъ звуковъ.

Тѣмъ же способомъ мы замѣчаемъ—можетъ быть, не съ тою же легкостью—лишніе *звуки* въ языкѣ, т.-е. такіе, для которыхъ нѣтъ въ азбукѣ особыхъ буквъ.

Я говорилъ (§ 2) объ оттѣнкахъ, напряженномъ и ненапряженномъ, гласныхъ звуковъ. Но по историческимъ причинамъ не обозначаются на письмѣ и болѣе крупныя различія въ звукахъ.

§ 9. **Полуглухой гласный звукъ.** У насъ въ языкѣ давно существуетъ гласный звукъ, который не получилъ особой буквы. Это нелабіализованный средній звукъ средняго образованія; значитъ, того же ряда какъ **ы**, но отличающійся отъ него, какъ **э** отличается отъ **и**, или **о** отъ **у**; кромѣ того, онъ всегда является въ видѣ полуглухого, что̀ затрудняетъ наблюденіе его. Въ таблицѣ ему мѣсто въ первой клѣткѣ подъ **ы**, оставленной тамъ пустою. Этотъ звукъ въ томъ говорѣ русскаго языка, изъ котораго образовался литературный, появился на мѣстѣ старыхъ **о** и **а**, именно тамъ, гдѣ **о** и **а** были безъ ударенія и стояли въ слогахъ, не непосредственно предшествующихъ ударяемому, или въ слогахъ за ударяемымъ, говоря иначе, въ предударныхъ, но не въ первомъ предударномъ, и въ поударныхъ. Передается этотъ звукъ въ нашемъ правописаніи по старому, буквами **о** и **а** [1]).

[1]) Этотъ полуглухой звукъ въ школѣ называется „сомнительной гласной“. Нелишне замѣтить, что тамъ, при обученіи письму, „сомнѣніе“ касается того, что̀ писать въ этомъ случаѣ: **а** или **о**. Относительно же звука обыкновенно думаютъ, что онъ не то **о**, не то **а**, или средній между **о** и **а**. Что это мнѣніе ошибочно, видно изъ приведеннаго выше физіологическаго опредѣленія этого звука, откуда можно видѣть, что онъ не есть какая-либо разновидность **о** или **а**, а если по условіямъ образованія его сближать съ какимъ-либо звукомъ, то съ **ы**; и на слухъ онъ ближе именно къ **ы**. Связывать же его съ **о** и **а** заставляетъ впечатлѣніе отъ буквъ.

Приводя ниже примѣры, мы за неимѣніемъ въ азбукѣ буквы прибѣгнемъ для фонстическаго обозначенія его къ буквѣ ъ (употребленіе ея въ этомъ условномъ значеніи привилось въ русскихъ трудахъ по языку, въ фонетической транскрипціи, въ которой она уже не нужна, какъ твердый знакъ, такъ какъ твердость остается необозначенной).

Такъ, полотно́, захочу́ или выгоды, по́дати произносимъ пълатно́, зъхачу́, выгъды, по́дъти. Замѣчу, что и этотъ звукъ ъ является и съ напряженнымъ и съ ненапряженнымъ оттѣнкомъ.

§ 10. Еще полуглухой гласный звукъ. Подобнымъ же образомъ, въ тѣхъ же положеніяхъ, буквы **и** и **е** передаютъ полуглухіе звуки, которые на слухъ или ближе къ **и** или къ **е** или же въ произношеніи другихъ, москвичей же, одинъ звукъ, полуглухой **и**. Обозначимъ условно обѣ разновидности этого звука безразлично буквой **ь**. Такъ, пелена́, прихожу́, но́симъ, ве́черъ произносятъ пьлина́, прьхажу́, но́сьм, ве́чьр.

§ 11. Выводъ изъ наблюденій надъ гласными. Изъ этихъ примѣровъ, а также изъ приведенныхъ въ § 3 нетрудно замѣтить извѣстную закономѣрность въ появленіи того или иного неударяемаго звука въ произношеніи тамъ, гдѣ одинаково пишутся буквы **а, о** или **е, и**. Указаніе на лежащій въ основѣ этого явленія законъ русскаго языка я сдѣлаю въ концѣ главы (§ 24), такъ какъ звуковое значеніе многихъ буквъ и ихъ сочетаній, съ которымъ при этомъ придется имѣть дѣло, еще не выясненъ нами. А пока мы на приведенныхъ случаяхъ познакомились съ важнымъ для нашей цѣли фактомъ существованія въ языкѣ звуковъ, обозначаемыхъ на письмѣ не особыми буквами, а тѣми же, которыми обозначаются и другіе звуки. Объясняется этотъ фактъ въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что языкъ продолжаетъ измѣняться послѣ того, какъ правописаніе уже установилось.

§ 12. Согласные звуки. Буквы щ и ѳ. *Часть* согласныхъ звуковъ русскаго языка, для которыхъ есть соотвѣтствующія буквы, представимъ въ таблицѣ (см. стр. 21).

Въ таблицѣ нѣтъ **щ**, потому что эта буква не обозначаетъ особаго звука: ей соотвѣтствуетъ въ литературномъ московскомъ произношеніи долгій мягкій звукъ ш [1]), или въ нерѣдко встрѣчающемся

---

[1]) Такъ слѣдуетъ опредѣлить его физіологически. Болѣе общедоступно можно назвать его двойнымъ *мягкимъ* ш (шьшь), имѣя въ виду обычный пріемъ въ нашемъ письмѣ передавать двойной буквой долгіе согласные звуки (длинный, масса). Замѣчу кстати, что звукъ, обозначаемый одной буквой ш, *твердый* и *не-*

произношенiи не московскаго происхожденiя—звуковое сочетанiе шч. Всѣ эти произношенiя (а въ говорахъ есть и другiя) произошли изъ произношенiя шт, и само начертанiе буквы щ ведетъ свое начало со времени такого произношенiя: оно произошло изъ связи буквъ ш и т : $\frac{\text{ш}}{\text{т}}$ — шт — щ. такъ что буква щ, хоть это и не видно изъ современнаго ея начертанiя, передаетъ звуки прошлаго, а не теперешнiе. А принимая во вниманiе теперешнiя произношенiя, мы должны сказать, что буква щ обозначаетъ или извѣстную разновидность того же звука, который обозначается буквой ш, или сочетанiе тѣхъ же звуковъ, которые обозначаются буквами ш и ч. Въ этомъ смыслѣ можно бы назвать букву щ лишнею.

Въ таблицѣ нѣтъ и ѳ. Это вполнѣ лишняя буква, такъ какъ обозначаетъ то же, что и буква ф. Она взята изъ греческой азбуки и употребляется только въ тѣхъ заимствованныхъ изъ греческаго языка словахъ, въ которыхъ и по-гречески она писалась, а въ греческомъ она обозначала особый звукъ, не ф, но который мы въ этихъ заимствованныхъ словахъ стали произносить за ф.

Другихъ «лишнихъ», ни въ какомъ смыслѣ слова, согласныхъ *буквъ* въ русскомъ письмѣ нѣтъ.

			Задненеб.[1])	Среднеб.	Зубные	Зубногубные	Губные
Шумные	взрыв.	глух.	к		т		п
		звонк.	г		д		б
	фрикатив.	глух.	х		с ш ц ч	ф	
		звонк.			з ж	в	
Сонорные					р л н		м

Наблюденiе надъ языкомъ и въ области согласныхъ, какъ это

долгiй. А звукъ ш *твердый* и *долгiй* („двойное“ твердое *ш*) появляется у насъ въ произношенiи только изъ слiянiя старыхъ звуковъ сш, зш и буквой щ не обозначается; напр., с ш п л ъ (*шшыл*), б е з ъ ш у м а (*бишшу́ма*). О такихъ случаяхъ см. въ концѣ главы V-й.

[1]) Въ школьныхъ грамматикахъ заднеязычные согласные г, к, х обыкновенно называютъ „гортанными“. Это названiе невѣрно, потому что они образуются не въ гортани, и неудобно еще тѣмъ, что, кромѣ нихъ, существуетъ въ языкахъ особый классъ звуковъ, образующихся дѣйствительно въ гортани.

мы видѣли въ области гласныхъ, откроетъ намъ по сравненію съ письмомъ лишніе *звуки* и оттѣнки звуковъ.

§ 13. Звукъ γ. Въ числѣ задненебныхъ звуковъ, кромѣ взрывнаго глухого к, взрывнаго звонкаго г и фрикативнаго глухого х, показанныхъ въ таблицѣ, есть еще фрикативный звонкій, мѣсто котораго осталось въ таблицѣ незаполненнымъ; онъ образуется тамъ же и такъ же, какъ х, но съ участіемъ голоса, какъ г; если же сравнить его съ г, то онъ образуется тамъ же и тоже съ участіемъ голоса, но не такъ же, не смыканіемъ задней части языка съ заднимъ небомъ, а лишь сближеніемъ; поэтому этотъ звукъ можно тянуть, какъ можно тянуть х, и какъ нельзя тянуть взрывные к и г.

Этотъ задненебный фрикативный звонкій звукъ принято изображать въ транскрипціи греческой буквой γ («гамма»). Въ русскомъ литературномъ языкѣ онъ встрѣчается въ немногихъ словахъ, каковы: Господь, Бога, благо, богатый и нѣк. др. Число этихъ словъ различно у отдѣльныхъ лицъ, и у младшихъ поколѣній москвичей ихъ меньше, чѣмъ у старшихъ. Такая кажущаяся странность объясняется тѣмъ, что звукъ γ искусственно перенятъ москвичами изъ произношенія уроженцевъ Бѣлоруссіи и Малороссіи, когда они въ XVII и XVIII вѣкахъ стояли во главѣ церкви, науки и литературы. Понятно, что оно было именно въ книжныхъ словахъ и считалось когда-то признакомъ образованности. Слѣдовательно, это—традиція, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе и все суживающая свои предѣлы. Что же касается говоровъ русскаго языка, то этотъ звукъ чрезвычайно широко распространенъ, а именно во всѣхъ южновеликорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ слышится всюду, а не только въ нѣсколькихъ словахъ, звукъ γ вмѣсто г, и только въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ — а къ нимъ по своей основѣ принадлежитъ московскій—слышится звукъ г. Необходимо замѣтить, что для южновеликоруса, бѣлоруса и малоруса, если они никогда не слыхали иного произношенія буквы г, кромѣ своего роднаго, неясно, о какомъ звукѣ идетъ рѣчь, такъ какъ, естественно, съ буквой г у нихъ соединяется представленіе объ одномъ существующемъ въ ихъ языкахъ звукѣ. Единственное средство здѣсь—прислушаться къ звуку г въ произношеніи москвича или сѣверновеликоруса (не въ словѣ Господи и т. п.).—Такъ или иначе, но въ нашемъ письмѣ буквой г обозначаются два звука, существующіе въ литературномъ языкѣ.

§ 14. **Незадненебные г, к, х.** Звуки, которые мы обозначаемъ буквами г, к, х, не всѣ образуются въ заднемъ небѣ. Въ сочетаніяхъ, подобныхъ гэ, кэ, хэ, они образуются такъ же, какъ и задненебные, но не тамъ же, а въ среднемъ небѣ. Такіе звуки уже не тѣ же г, к, х, что въ сочетаніяхъ, напр., га, ка, ха, хотя и звучатъ

на слухъ почти совершенно такъ же. Они должны были бы быть помѣщены въ таблицѣ въ графу съ надписью «средненебные». Но такіе средненебные г, к, х очень рѣдки въ русскомъ языкѣ. Что же касается мягкихъ г, к, х, напр., въ сочетаніяхъ г и, к и, х и, г е, к е, х е, то они у насъ въ языкѣ на каждомъ шагу; они образуются еще ближе къ зубамъ, стало-быть еще болѣе отличаются физіологически отъ г, к, х задненебныхъ, хотя на слухъ все-таки очень близки къ нимъ. Такимъ образомъ, еще передъ нами случай обозначенія въ письмѣ однѣми и тѣми же буквами различныхъ физіологически звуковъ.

§ 15. **Звукъ j.** Въ числѣ средненебныхъ звуковъ есть одинъ, извѣстный въ очень многихъ языкахъ и существующій и въ нашемъ, но по свойствамъ нашего правописанія не обозначаемый на письмѣ. Это средненебный фрикативный звонкій, соотвѣтствующій, слѣдовательно, звуку γ задненебнаго ряда. Звукъ этотъ носитъ особое названіе «йотъ» [1]) и обозначается знакомъ j. Онъ слышится тамъ, гдѣ мы пишемъ я, ю, е (ѣ) не послѣ согласной. Видѣть здѣсь j, такъ сказать, воочію, мѣшаетъ намъ именно то, что онъ не пишется у насъ, и въ школьномъ пониманіи, гдѣ мы все подставляемъ буквы вмѣсто звуковъ, намъ въ я, ю, е представляются какіе-то особые, отдѣльные гласные звуки («мягкіе») только потому, что въ правописаніи у насъ имѣются эти особыя, отдѣльныя буквы. Въ дѣйствительности же, произнесенные съ удареніемъ—отдѣльно, или въ началѣ слова, или послѣ гласной—я, ю, е (ѣ) представляютъ собой цѣлые слоги, состоящіе изъ согласнаго звука и гласныхъ а, у, э. Этотъ согласный и есть йотъ. Слѣдовательно, я, ю, е(ѣ) = j + а, j + у, j + э подобно тому, какъ б а, б у, б э = б + а, б + у, б + э. Въ этомъ легко убѣдиться, если протянуть я, ю, е: въ концѣ будетъ слышаться а, у, э, какъ услышимъ ихъ, протянувъ б а, б у, б э. Такимъ образомъ можно уловить этотъ j въ отдѣльности («выдѣлить», какъ говоримъ мы при обученіи грамотѣ по звуковому методу) и привыкнуть его произносить. На слухъ онъ ближе всего къ гласному звуку и, отличаясь отъ него болѣе энергичнымъ шумомъ, обусловленнымъ бо́льшей узостью щели при образованіи всякаго согласнаго сравнительно съ гласнымъ, о чемъ упоминалось въ гл. III (стр. 12); изъ согласныхъ онъ близокъ къ х мягкому, но отличается отъ него присутствіемъ голоса (j звонкій, а х глухой звукъ).

Не надо упускать изъ вида, что гласные звуки а, э слышатся послѣ j, только *подъ удареніемъ;* мы уже видѣли (§§ 9 и 10), что въ положеніи безъ ударенія эти звуки не оставались безъ перемѣнъ и переходили въ другіе; поэтому понятно, что въ слогахъ *безъ ударенія* буквы я, е(ѣ) представляютъ собою сочетанія j не съ а, э, а

[1]) Пишутъ это слово чаще *іотъ*; собственно, по-русски надо бы писать *ётъ*.

съ иными звуками. Напр., гласные въ первомъ слогѣ словъ я м а и я в л е н і е разные. Гласные безъ ударенія разсмотримъ въ § 24. Но и подъ ударéніемъ гласные послѣ j представляютъ разные оттѣнки, кромѣ напряженности и ненапряженности; эти новые оттѣнки разсматривать считаю излишнимъ, но указаніе на нихъ сдѣлаю въ § 20.

Такимъ образомъ мы въ письмѣ не обозначаемъ особой буквой существующаго въ языкѣ согласнаго звука и пишемъ такъ, напр., я м а, ю г ъ, е с т ь, ѣ с т ь, м о я, м о ю, м о е й, п о ѣ х а т ь, п ь я н ы й, п ь ю, п о д ъ ѣ з д ъ, ч ь е й, какъ будто бы въ этихъ словахъ были особые гласные. Въ другихъ правописаніяхъ, напр., въ нѣмецкомъ буква **j** существуетъ и, напр., слово, означающее «да» и произносимое такъ же, какъ русское «я», пишется j а. Въ старинномъ русскомъ письмѣ сочетанія звуквъ **j** + **а**, **у**, **э** передавались тоже такъ, что можно различить оба входящіе въ составъ ихъ звука, а именно, j обозначался палочкой, приставленной къ буквѣ спереди: **ꙗ**, **ѥ**; а буква **е** безъ палочки обозначала то же, что наше **э**. Впослѣдствіи вмѣсто **ꙗ**, **ѥ** стали писать **я**, **е**, въ которыхъ нѣтъ уже никакихъ намековъ на йотъ, который былъ и есть въ произношеніи; такъ и вышло, что эти буквы стали обозначать каждая по два звука сразу (цѣлый слогъ); о буквѣ **е** слѣдуетъ добавить, что она продолжала употребляться въ старомъ своемъ значеніи лишь въ тѣхъ немногихъ словахъ, гдѣ былъ одинъ звукъ э, безъ j (э т о т ъ), пока въ XVIII вѣкѣ для этихъ случаевъ не ввели новой буквы **э**. Что касается буквы **ю**, то она же употреблялась и въ старину; въ ней до сихъ поръ удержалась эта палочка, обозначавшая **j**; по виду этой буквы, кстати сказать, можно бы подумать, что она передаетъ j + о, а не j + у; это оттого, что по происхожденію своему **ю** — упрощенное начертаніе вмѣсто **юу**, такъ какъ звукъ **у** обозначался въ старину **оу**; упрощеніе же это не грозило никакимъ недоразумѣніемъ, такъ какъ въ ту эпоху въ языкѣ не было сочетаній j о.

Что касается такихъ случаевъ, гдѣ **ъ** и **ь** являются въ такъ называемой (не совсѣмъ вѣрно, см. § 5) «слогораздѣлительной» роли, то въ нихъ **ъ** или **ь** стоятъ передъ буквами **я**, **ю**, **е**, (**ѣ**), которыя, какъ мы сейчасъ видѣли, обозначаютъ гласные звуки съ j передъ ними. Такъ о б ъ я в л е н ъ — объявленъ, п ь ю — пју, ч ь е й — чјэй, д в у х ъ я р у с н ы й — двухјарусный, с ъ ѣ з д ъ — сјэздъ, ш ь ю — шју, р у ж ь я́ — ружја. Стало-быть тамъ, гдѣ **ъ** или **ь** пишется между согласной и гласной буквой, тамъ въ произношеніи у насъ сочетанія: согласный + j + гласный [1]). И необходимо имѣть въ виду, что въ этихъ случаяхъ **ъ**, **ь** далеко не всегда являются «твердымъ» и «мягкимъ» знаками, потому что, напр., въ о б ъ я в л е н ъ, о т ъ ѣ з д ъ

[1]) Слѣдуетъ упомянуть о написаніи **ъ** между согласной и гласными буквами не **я**, **ю**, **е**, (**ѣ**), которое еще встрѣчается въ печати, напр., о б ъ и г р а т ь, вмѣсто о б ы г р а т ь, о т ъ и с к а т ь вм. о т ы с к а т ь, гдѣ ни слогораздѣла, ни звука j нѣтъ,

звуки б, т передъ j въ московскомъ произношеніи мягки, а въ шью, ружья—ш, ж тверды.

Мы опредѣлили въ этомъ § звуковое значеніе буквъ я, ю, е (ѣ) *не послѣ согласной*, т.-е. послѣ гласной, послѣ ъ и ь, въ началѣ слова. А *послѣ согласной* онѣ имѣютъ другое значеніе, о которомъ скажу въ § 17 въ связи съ мягкостью согласныхъ. Въ § 18 укажу и еще одно значеніе, которое одна изъ этихъ буквъ, именно е (рѣдко ѣ), имѣетъ иногда какъ послѣ, такъ и не послѣ согласной.

§ 16. Мягкость согласныхъ. Представленіе о мягкомъ согласномъ звукѣ настолько обычно, что я неоднократно говорилъ о мягкости, не объяснивъ физіологической природы этого явленія. Теперь, переходя къ этому явленію, нужно сказать, что одно изъ самыхъ превратныхъ школьныхъ пониманій касается именно его. Въ школьныхъ грамматикахъ говорятъ о мягкихъ гласныхъ, имѣя въ виду цѣль—обученіе письму. На самомъ дѣлѣ, не гласные звуки, а согласные могутъ быть твердыми и мягкими. Гласные звуки, стоя послѣ согласныхъ, могутъ вызывать смягченіе этихъ послѣднихъ, таковы именно передніе гласные, т.-е. и, э, а сами они ни мягки ни тверды. Школьное названіе «мягкія гласныя», примѣняемое тамъ, какъ всегда, къ буквамъ, можно условно понимать въ смыслѣ буквъ, обозначающихъ гласные звуки и пишущихся послѣ мягкихъ согласныхъ, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что, при непослѣдовательности нашего правописанія, въ немъ есть немало случаевъ, гдѣ «мягкая гласная» пишется послѣ твердой согласной и наоборотъ (таковы, какъ увидимъ, сочетанія жи съ одной стороны, и ча съ другой).

Явленіе, условно [1]) называемое въ наукѣ смягченіемъ, состоитъ въ томъ, что языкъ для образованія мягкаго звука при всей той работѣ, которая нужна для соотвѣтствующаго твердаго, направляется еще извѣстной своей частью къ переднему небу, становясь приблизительно въ то положеніе, которое нужно для образованія гласныхъ и или э; какъ будто, произнося твердый согласный, мы въ то же время готовы произнести и или э. Слѣдовательно, физіологически разница между б и бь, т и ть и т. д. въ томъ, что образованіе вторыхъ осложнено еще извѣстной работой въ переднемъ небѣ. Это осложненіе отзывается на слухъ тѣмъ оттѣнкомъ, который мы и называемъ мягкостью. Въ русскомъ языкѣ почти всѣ согласные могутъ быть и тверды и мягки; всегда тверды ц, ж краткое и ш краткое (буквы ж и ш); всегда мягко ч.

а одинъ звукъ ы; или, напр., съузить, съумѣлъ, безъупречный вм. сузить, сумѣлъ, безупречный, гдѣ также ни слогораздѣла, ни звука j нѣтъ. Эти написанія съ ъ—сохраненіе старины, написанія безъ ъ—уступка выговору.

[1]) Выраженіе „мягкій звукъ“ такое же переносное, какъ „острое зрѣніе“, „тяжелый запахъ“ и т. п. (перенось съ предметовъ одного ощущенія на предметы другого).

§ 17. **Обозначеніе мягкости согласныхъ на письмѣ. Значеніе буквъ я, ю, е (ѣ).** Обращаясь къ письму, мы прежде всего отмѣтимъ отсутствіе буквъ для мягкихъ согласныхъ въ отличіе отъ твердыхъ. Какими же способами обозначается у насъ мягкость согласныхъ? Не передъ гласной она обычно обозначается «мягкимъ знакомъ», напр., въ концѣ словъ: конь, или передъ согласной: нянька, тоньше, или же остается необозначенной: денщикъ, тончайшій, птичка, трудность (н, ч, с мягкіе). Эта непослѣдовательность объясняется частью тѣмъ, что вѣдь ь случайно сталъ у насъ мягкимъ знакомъ (ср. стр. 17) и, стало-быть, тамъ, гдѣ не было когда-то звука ь, тамъ и не пишется буквы ь, частью же укоренившимися ошибками противъ историческаго письма, возведенными практикой въ правило (таково, напр., птичка). Мягкость *согласныхъ* передъ гласными передается у насъ условно написаніемъ особыхъ буквъ для *гласнаго* звука; въ такой роли и являются у насъ буквы я, ю, е (ѣ). Такъ, напр., слово пять, гдѣ слышатся звуки: п мягкій, а, т мягкій, пишемъ четырьмя такими буквами, какъ будто бы хотѣли изобразить: п твердый, не а, т твердый и еще какой-то звукъ. Наконецъ, передъ и мягкость согласнаго остается не обозначенной.

Вотъ то другое (ср. стр. 25) звуковое значеніе буквъ я, ю, е (ѣ), которое раскрывается намъ лишь при правильномъ пониманіи мягкости согласныхъ: эти буквы *въ слогѣ подъ удареніемъ* условно передаютъ звуки а, у, э и при этомъ даютъ еще знать, что передъ ними согласный мягкій. Эта условность очень удобна тѣмъ, что избавляетъ отъ необходимости имѣть особыя буквы или какіе-либо значки надъ буквами для обозначенія мягкихъ согласныхъ [1]). А ихъ пришлось бы имѣть очень много (почти для всѣхъ согласныхъ).

Такой условный пріемъ не придуманъ нарочно, а возникъ, такъ сказать, самъ собою. Дѣйствительно, *написанія подобнаго рода возникли вовсе не для обозначенія мягкости согласныхъ*, а оказались впослѣдствіи условными обозначеніями ея по той причинѣ, что сами продолжали оставаться безъ перемѣнъ и тогда, когда въ произношеніи предшествовавшихъ согласныхъ совершились перемѣны (т.-е. когда согласные стали здѣсь произноситься мягко). Таковъ общій характеръ возникновенія этого пріема. Но для уясненія себѣ его хотя бы и въ общихъ чертахъ, надо имѣть въ виду, во-первыхъ, что этотъ пріемъ возникъ уже въ древнемъ церковнославянскомъ

---

[1]) Особыя буквы для мягкихъ согласныхъ существуютъ, напр., въ современномъ сербскомъ письмѣ, гдѣ это не представляетъ неудобствъ, такъ какъ мягкихъ согласныхъ звуковъ въ сербскомъ языкѣ очень мало, напр., звуки н, л твердые изображаются н, л, а мягкіе — њ, љ, и пишется коњ, коња, коњу, њива (конь, коня, коню, нива). Въ польскомъ письмѣ мягкость обозначается двояко: не передъ гласной — значкомъ, передъ гласной — чрезвычайно условно, буквой i, и пишется, напр., koń, konia, koniowi (конь, коня, коню).

письмѣ, на которомъ основано наше, а во-вторыхъ, что такое широкое развитіе мягкости согласныхъ, какъ теперь въ русскомъ языкѣ, явленіе не исконное. Въ древнемъ церковнославянскомъ и первоначально въ древнерусскомъ языкахъ только немногіе согласные бывали и твердыми и мягкими (л, н, р), немногіе были всегда мягки (таковы ж, ч, ш, щ, ц), и остальные, т.-е. большинство, были только твердыми. Понятно, что первоначально только при перваго рода согласныхъ могла представляться надобность обозначать мягкость. При нихъ, когда они оказывались мягки передъ звуками а, у, э, и писали ꙗ, ю, ѥ, а передъ звукомъ и и передъ звукомъ ь ихъ мягкость обозначали извѣстнымъ значкомъ. Древнія написанія нꙗ, ню, нѥ и т. п. такъ же условны, какъ и наши, такъ какъ читались, какъ наши н я, н ю, н е, а не н ъ я, н ъ ю, н ъ э, какъ можно было бы думать, зная, что ꙗ, ю, ѥ (§ 15) обозначали не послѣ согласной j a, j y, j э. Оказывается, что въ еще болѣе раннюю эпоху въ языкѣ (не русскомъ) здѣсь и были именно сочетанія н j a, н j y, н j э и т. п. (т.-е. произносили, если написать по теперешнему, н ъ я, н ъ ю, н ъ е) съ согласными твердыми, а что н, л, р стали мягки именно тамъ, гдѣ за ними былъ j, и именно въ связи съ нимъ,— иначе говоря, нj, лj, рj перешли въ н, л, р мягкіе. Преемницами старыхъ буквъ, ꙗ, ѥ являются теперь я, е. Объ этой послѣдней мы уже знаемъ, что она, въ отличіе отъ ѥ, обозначала первоначально то же, что наше э (стр. 24); она обозначала этотъ звукъ и послѣ согласныхъ,—другими словами, согласные передъ звукомъ э были тверды. Древнецерковнославянскія н е, с е, т е и т. п. не были условными написаніями, потому что читались н э, с э, т э и т. п. Они стали условными у насъ, когда мы ихъ заимствовали и стали примѣнять для передачи своихъ слоговъ, а уже въ древнерусскомъ языкѣ согласные передъ звукомъ э стали произноситься мягко, т.-е. слоги н е, с е, т е и т. п. стали звучать такъ, какъ звучатъ теперь.

Напомню, что и въ этомъ § звуковое значеніе буквъ я, ю, э послѣ мягкихъ согласныхъ (какъ раньше послѣ j въ § 15) выяснено лишь для слоговъ *подъ удареніемъ*. О гласныхъ безъ ударенія см. § 24.

§ 18. **Звукъ о послѣ мягкихъ согласныхъ. Значеніе буквы ё.** Теперь, наконецъ, возможно указать и *еще одно значеніе буквы* е въ современномъ правописаніи какъ послѣ согласной, такъ и не послѣ согласной (ср. стр. 25). Общеизвѣстно, что буква е произносится также и за ё. Прежде всего отмѣтимъ, что въ слогѣ *подъ удареніемъ* встрѣчаются произношенія буквы е и за ё и не за ё, а *безъ ударенія* ё не бываетъ. Затѣмъ отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какой же гласный звукъ произносится въ этомъ ё, напр., е л к а, м о е, п ь е т ъ, н е с ъ, д а е т ъ, и д е т ъ, р в е т ъ, ч е р н ы й, п о с в я щ е н н ы й? Этотъ гласный—о, въ чемъ нетрудно убѣдиться, протянувъ

слогъ; нынѣшнее правописаніе допускаетъ даже букву **о** въ этихъ случаяхъ послѣ мягкихъ **ч щ**: крючокъ, мечомъ, плющомъ. Слѣдовательно буква **е**, когда она произносится за **ё**, обозначаетъ: 1) *не послѣ согласной* — звуки **jo**, напр., елка, мое, 2) *послѣ согласной* — мягкость предшествующаго согласнаго и звукъ **о**. Какъ видимъ, эти различія однородны съ различіями въ звуковомъ значеніи **я, ю** и **е** (ѣ). Вслѣдствіе разныхъ причинъ оказалось, что въ нашемъ правописаніи звуку **о** послѣ мягкаго согласнаго въ нѣсколькихъ словахъ соотвѣтствуетъ буква **ѣ**: таковы гнѣзда, сѣдла, звѣзды, цвѣлъ, пріобрѣлъ и нѣкоторыя другія. Въ двухъ случаяхъ: сѣдла и цвѣлъ буква **ѣ** пишется теперь по ошибкѣ; тутъ никогда не было звука **ѣ**; въ первомъ словѣ былъ звукъ **е** и писали первоначально седьло; понятно, что этотъ **е** перешелъ въ **ё (о)**, какъ въ вёдра, а **ѣ** стали ошибочно писать въ этомъ словѣ подъ вліяніемъ сѣсть, гдѣ всегда былъ звукъ **ѣ**; во второмъ словѣ былъ звукъ **ь**: цвьлъ, который перешелъ въ **ё**, какъ пьсъ въ пёсъ; а **ѣ** стали въ немъ ошибочно писать подъ вліяніемъ **ѣ** въ цвѣтъ, гдѣ всегда былъ звукъ **ѣ** (такъ же ошибочно пишутъ **ѣ** и въ цвѣсти вм. стараго цвисти). Что касается гнѣзда и звѣзды, то здѣсь всегда былъ **ѣ**, который самъ по себѣ не давалъ **ё**, а стали говорить гнёзда и звёзды по образцу весло—вёсла, село—сёла, весна—вёсны, ветла—вётлы и т. п., такъ же, слѣдовательно, и гнѣздо—гнёзда, звѣзда—звёзды. Подобнымъ образомъ по образцу мету—мёлъ, веду—вёлъ, везу—вёзъ, бреду—брёлъ возникло произношеніе пріобрѣту—пріобрёлъ. Эти такъ называемыя *новообразованія по аналогіи* возникаютъ въ языкахъ въ силу психической ассоціаціи между однородными въ какомъ-либо отношеніи словами. Въ указанныхъ случаяхъ эти новообразованія стали возможны, конечно, лишь тогда, когда **ѣ** по звуку совпалъ съ **е**. Значеніе звука **о** буква **е** въ нашемъ правописаніи пріобрѣла опять-таки вслѣдствіе того, что правописаніе часто запаздываетъ сравнительно съ языкомъ и изображаетъ не то, что есть, но то, что было въ языкѣ, а при заимствованномъ письмѣ—часто то, что было въ языкѣ чужомъ. Правописаніе буквы **е** установилось, потому что въ церковнославянскомъ произношеніи не было **ё**, и установилось раньше, чѣмъ въ русскомъ произношеніи первоначальный звукъ **э** послѣ мягкаго согласнаго и **j** успѣлъ окончательно перейти въ звукъ **о**.

Слѣдуетъ прибавить, что **ё** слышится теперь подъ удареніемъ обыкновенно передъ твердымъ согласнымъ: дёготь, но деньги, сёла, но сельскій. Это потому, что звукъ **э** перешелъ въ **о** именно при условіи слѣдующаго твердаго согласнаго, не переходя въ **о**, если этого условія не было. Однако мы найдемъ случаи съ **ё** и передъ мягкимъ согласнымъ, напр., ведёте, тётя и др. Въ этихъ случаяхъ стали говорить **ё** подъ вліяніемъ родственныхъ

словъ съ вполнѣ правильнымъ ё, напр., в е д ё м ъ, т ё т к а, гдѣ ё передъ твердыми согласными. Съ другой стороны, есть случаи, гдѣ передъ твердымъ согласнымъ не находимъ ожидаемаго ё; эти случаи разнаго рода: въ однихъ **е** такое же подражательное; въ другихъ согласный отвердѣлъ позже, а когда **э** переходилъ въ **о**, былъ еще мягкимъ,—таковы о т е ц ъ, у ч е б н ы й; третьи представляютъ собою чужія слова: или иностранныя вродѣ к а д е т ъ, или книжныя, церковнославянскія, вродѣ н е б о, п е р с т ъ, к р е с т ъ, ч у д е с ъ, с у д е б ъ, искусственно сохраняющія чужое произношеніе (сравн. свое: н ё б о, н а п ё р с т о к ъ, к р ё с т н ы й); наконецъ, въ четвертыхъ мы просто по ошибкѣ издавна пишемъ **е** вмѣсто ѣ, который въ нихъ былъ, а звукъ ѣ не переходилъ самъ по себѣ въ **о**; таковы б л е с к ъ и др. (см. § 4).

§ 19. **Звуки j и й.** Разсматривая звуковое значеніе буквъ **я, ю, е**(ѣ), мы открыли существованіе въ русскомъ языкѣ звука **j**, который по образованію близокъ къ гласному **и** (§ 15). И на слухъ онъ близокъ къ **и**, именно къ **й**, т.-е. и неслоговому (такъ какъ и самъ **j** неслоговой звукъ). Сравните произношенія словъ «да я» и «дай а»; въ первомъ случаѣ **j** (д + а + j + а), во второмъ — **и** неслоговое (д + а + й + а). Эта близость является причиной того, что въ произношеніи **й** является на мѣсто ожидаемаго **j**, а **j** на мѣсто ожидаемаго **й**; и въ своей исторіи оба эти звука иногда совпадали. Я не стану останавливаться на различеніи этихъ звуковъ въ современномъ русскомъ произношеніи. Однако при оцѣнкѣ точности въ передачѣ звуковыхъ оттѣнковъ буквами слѣдуетъ имѣть въ виду, что буквы **я, ю, е**(ѣ) могутъ обозначать не только **ja, jy, jэ, jo**, но и **йа, йу, йэ, йо**. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ я для простоты говорилъ выше объ одномъ **j**, можно было, слѣдовательно, говорить и объ **j** и объ **й**. То же и ниже.

§ 20. **Еще оттѣнки звуковъ а, у, о.** Теперь сдѣлаю и еще одно замѣчаніе объ оттѣнкахъ гласныхъ звуковъ, котораго нельзя было сдѣлать до разсмотрѣнія явленія мягкости согласныхъ. Тѣ звуки **а, у, о**, которые слышатся подъ ударені́емъ послѣ **j** и мягкихъ согласныхъ и передаются буквами **я, ю, е** представляютъ разные оттѣнки, потому что, въ зависимости отъ различій сосѣднихъ звуковъ, они образуются неодинаково. Напр., звукъ **а** въ в а л ъ вполнѣ задній звукъ [1]), звукъ **а** въ в я л ъ нѣсколько передвинулся въ своемъ образованіи впередъ, звукъ **а** въ в я л ь передвинулся въ томъ же направленіи еще больше. Я не стану останавливаться подробнѣе на различеніи этихъ *заднихъ*, *среднихъ* и *переднихъ* **а, у, о**; прибавлю еще, что и они также могутъ быть въ свою очередь и напряженными

[1]) См. таблицу гласныхъ, стр. 14.

и ненапряженными (§ 2). Въ фонетической транскрипціи, конечно, могутъ различаться всѣ эти оттѣнки.

§ 21. **Шипящіе и ц.** Выше я замѣтилъ уже (стр. 25), что такъ называемыя въ школѣ «мягкія гласныя» въ дѣйствительности пишутся теперь часто послѣ твердыхъ согласныхъ и наоборотъ. Это случилось потому, что согласные звуки первоначально мягкіе отвердѣвали послѣ того, какъ уже установилось правописаніе, а частью по другимъ причинамъ. Сюда относится главнымъ образомъ правописаніе гласныхъ послѣ шипящихъ и ц.

Когда-то звуки **ж, ч, ш, щ, ц**—всѣ были только мягки; теперь же **ж, ш, ц** тверды, а **ч** и **щ** остались мягкими. Разсмотримъ, какія сочетанія звуковъ въ произношеніи соотвѣтствуютъ принятымъ въ правописаніи сочетаніямъ этихъ буквъ съ гласными въ слогахъ *подъ удареніемъ* (о гласныхъ безъ ударенія въ § 24). Мы пишемъ послѣ всѣхъ нихъ **а, у**, что не противорѣчитъ произношенію, такъ какъ послѣ всѣхъ нихъ мы произносимъ звуки **а, у**; но употребленіе **а, у** послѣ мягкихъ **ч** и **щ** противорѣчитъ употребленію **я, ю** послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ: если мы пишемъ **н я, н ю, т я, т ю** и др., то было бы послѣдовательно писать и **ч я, ч ю, щ я, щ ю**.

Мы пишемъ послѣ всѣхъ нихъ **е**; но если мы **е** употребляемъ для обозначенія мягкости предшествующей согласной, то употребленіе **е** послѣ твердыхъ **ж, ш, ц** противорѣчитъ произношенію, и послѣдовательно было бы писать **ж э, ш э, ц э**; съ другой стороны, употребленіе **е** послѣ мягкихъ **ч** и **щ** вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія обозначенія мягкости буквой **е** въ **н е, т е** и др., но непослѣдовательно, если сравнить съ **ч а, ч у, щ а, щ у**, гдѣ мягкость остается необозначенной.

Мы пишемъ послѣ всѣхъ нихъ **и**, допуская **ы** послѣ **ц** въ русскихъ словахъ (хотя произношеніе **ц** въ какомъ-нибудь русскомъ **ц ы п л е н о к ъ** совершенно такое же, какъ и въ иностранномъ **ц и в и л и з а ц і я**). Здѣсь ужъ разница не только въ мягкости или твердости согласныхъ, а и въ томъ, что послѣ мягкихъ у насъ гласный звукъ **и**, а послѣ твердыхъ звукъ **ы** [1]). Такъ, написаніе **и** послѣ **ч** и **щ** не противорѣчитъ произношенію, но противорѣчитъ ему написаніе того же **и** послѣ **ж, ш** и **ц**, такъ какъ слоги **ж и, ш и, ц и** звучатъ **ж ы, ш ы, ц ы**. Нетрудно видѣть, что написаніемъ **ц ы** для русскихъ словъ сдѣлана уступка произношенію, которой не сдѣлано для **ж ы** и **ш ы**.

---

[1]) Русскому языку теперь несвойственно сочетаніе твердаго согласнаго съ **и** (какъ, напр., въ нѣмецкомъ **T i s c h** сравнительно съ русск. **т и ш ь**); иначе говоря, согласный передъ **и** мы теперь произносимъ мягко; первоначально въ русскомъ языкѣ согласные передъ **и** тоже не были мягки и смягчились тогда же, когда смягчились передъ звуками **э** и **ь**.

Въ такихъ случаяхъ, какъ ружье, шью, понятно, буква ь представляетъ собой только сохраненіе старины на письмѣ; современному произношенію соотвѣтствовало бы ружъе, шъю (ср. § 15).

Наконецъ, всѣ ихъ мы снабжаемъ въ концѣ словъ и «твердымъ» и «мягкимъ» знаками. Сразу можно сдѣлать вѣрное предположеніе, что тутъ ужъ мы имѣемъ дѣло не съ сохраненіемъ старины на письмѣ, не съ уступкой новому произношенію, а съ какимъ-то инымъ принципомъ. Въ старину писали послѣ нихъ только ь, потому что звука ъ послѣ этихъ мягкихъ согласныхъ не бывало: ночь, вещь, рожь, плѣшь; плачь (повел. накл.), рѣжь, ѣшь; а также: врачь, плачь (существит.), товарищь, ножь, шалашь, конецъ; род. п. мн. ч.: тучь, свѣщь (отъ свѣща), кожь, чашь, дѣвицъ—вообще всюду. Если бы мы въ правописаніи сдѣлали уступку произношенію, то ожидали бы сохраненія во всѣхъ этихъ случаяхъ ь послѣ ч и щ и замѣны его буквой ъ послѣ ж, ш и ц. Но мы сохранили его въ именахъ женск. рода: ночь и т. п., чѣмъ поддерживаемъ видимую связь ихъ со словами той же грамматической категоріи, какъ кость; то же въ повелит. наклоненіи плачь и т. п. для связи съ кинь и т. п.; замѣнили старый ь новымъ ъ въ именахъ муж. рода плачъ и т. п. для связи съ столъ и т. п.; то же въ род. мн. тучъ и т. п. для связи съ рукъ и т. п. Тутъ буквы являются въ совершенно особой роли, которую онѣ очень нерѣдко играютъ въ различныхъ правописаніяхъ [1]),—въ роли, такъ сказать, грамматическихъ сигналовъ, конечно, только для глаза и никакъ не для уха.

Звуковое значеніе сочетаній буквъ шипящихъ и ц съ гласными *подъ удареніемъ* и буквами ъ, ь можно наглядно видѣть изъ слѣдующей таблицы, сравнивая любое изъ нихъ съ помѣщеннымъ въ верху того же столбца сочетаніемъ съ т, при чемъ т здѣсь условно изображаетъ всякій иной согласный, не шипящій и не ц. Такъ, напр., видно, что ча подобно тя, т.-е. заключаетъ согласный мягкій, что же или жѣ подобно тэ, т.-е. заключаетъ согласный твердый, что жь и жъ одинаково подобны тъ и т. д.

та	ту	тэ	то	ты	тъ
жа	жу	же, жѣ	жо, же	жи	жъ, жь
ша	шу	ше, шѣ	шо, ше	ши	шъ, шь
ца	цу	це, цѣ	цо, це	ци, цы	цъ, ць.

тя	тю	те	тё	ти	ть
ча	чу	че, чѣ	че, чо	чи	чь, чъ
ща	щу	ще, щѣ	ще, що	щи	щь, щъ.

[1]) Сравни непроизносимый s для обозначенія множ. ч. во французскомъ правописаніи.

Сочетанія съ буквой **е**: **жс**, **ще** и т. п. попадаются въ таблицѣ по два раза, подъ **тэ** и **то** или подъ **те** и **тё**, потому что **е** послѣ шипящихъ передаетъ у насъ то звукъ **э**, то звукъ **о**.

§ 22. **Глухіе и звонкіе согласные.** Намъ остается разсмотрѣть еще одно крупное явленіе въ области передачи на письмѣ согласныхъ звуковъ. Мы знаемъ, что согласные звуки бываютъ *глухіе* и *звонкіе;* взглянувъ на нашу таблицу согласныхъ на стр. 21 съ прибавкой къ нимъ звука γ, о которомъ говорилось въ § 13, мы видимъ, что каждому глухому есть соотвѣтствующій звонкій: к—г, х—γ, т—д, с—з, ж—ш, ф—в, п—б. Но буквы, назначенныя, такъ сказать, для передачи глухихъ звуковъ, передаютъ въ современномъ правописаніи также и звонкіе звуки, и наоборотъ. Это произошло оттого, что послѣ того, какъ установилось правописаніе, глухіе въ нѣкоторыхъ положеніяхъ перешли въ звонкіе (а въ другихъ положеніяхъ остались глухими), и наоборотъ, звонкіе перешли въ глухіе (оставшись въ другихъ положеніяхъ звонкими). А именно, *глухіе передъ звонкими стали сами звонкими, а звонкіе передъ глухими и въ концѣ словъ стали глухими.* Такъ, глухой **с** передъ звонкимъ **д** перешелъ въ звонкій **з**, и мы говоримъ, напр., **здѣлать**, но пишемъ по-старому **сдѣлать**; звонкій **з** передъ глухимъ **к** перешелъ въ глухой **с**, и мы говоримъ, напр., **скаска**, но пишемъ **сказка**; то же въ концѣ слова: **гласъ**, но пишемъ **глазъ**. Подобнымъ образомъ глухимъ звукамъ въ произношеніи **ш, т, ф, п** соотвѣтствуютъ на письмѣ буквы **ж, д, в, б**, напр., въ словахъ: **тяжкій, гладкій, лавка, пробка** (произносимъ **тяшкій, глаткій, лафка, пропка**); то же въ концѣ словъ: **ножъ, садъ, ровъ, лобъ**, — произносимъ **нош, сат, роф, лоп**; такихъ примѣровъ можно привести сотни: здѣсь вездѣ произносились прежде звонкіе звуки, память о которыхъ сохраняется на письмѣ. Что касается буквы **г**, то она въ такихъ положеніяхъ соотвѣтствуетъ въ произношеніи двумъ звукамъ: **к и х**, какъ въ другихъ положеніяхъ она соотвѣтствуетъ двумъ же звукамъ: **г и γ**; совершенно правильно глухой **к** въ этихъ положеніяхъ получился изъ звонкаго **г**, а глухой же **х**—изъ звонкаго же **γ**; напр., **нога, ногъ** произносимъ **нога, нокъ** — **Бога, Богъ** произноситъ **Боγа, Бохъ**, или **ноготь, ногти** произносимъ **ноготь, нокти**[1]). Подобнымъ же образомъ звонкимъ звукамъ въ произношеніи **д, з** соотвѣтствуютъ на письмѣ буквы **т, с**, напр., въ словахъ **молотьба, просьба** (произносимъ **молодьба, прозьба**); эти буквы тоже только воспоминаніе о бывшихъ когда-то здѣсь звукахъ. И къ иностраннымъ словамъ мы примѣнимъ свое обыч-

[1]) При **коготь** произносимъ не **кокти**, какъ бы ожидали, а **кохти**: произношеніе естественное для тѣхъ, кто произноситъ **коγоть** и, можетъ быть, перенятое у нихъ.

ное произношеніе и, напр., экзаменъ вокзалъ произнесемъ эгзаменъ, вогзалъ.

Повидиму, такъ естественно въ языкѣ сочетаніе глухого съ глухимъ, звонкаго со звонкимъ, что является вопросъ, какъ могли существовать глухіе передъ звонкими, а звонкіе передъ глухими? Вообще въ языкахъ это вполнѣ возможно, и въ русскомъ были и есть такія немногія комбинаціи, напр., глухого с со звонкимъ в, гдѣ глухой остается: свѣтъ; однако въ громадномъ большинствѣ подобныхъ комбинацій произошли указанныя выше измѣненія звуковъ. Но дѣло въ томъ, что сами эти комбинаціи возникли не раньше, чѣмъ исчезли изъ произношенія въ русскомъ языкѣ звуки ъ или ь (см. стр. 17), когда-то стоявшіе между согласными. Такъ, сосѣдства с и д въ словѣ сдѣлать, з и к въ словѣ сказка, ж и к въ словѣ тяжкій и т. п. не было, пока между ними были звуки ъ или ь, пока эти слова звучали съдѣлать, сказъка, тяжькій и т. п. Точно такъ же и въ концѣ словъ согласные звонкіе не раньше перешли въ глухіе, чѣмъ исчезъ стоявшій за ними звукъ ъ или ь. Напомню, что въ серединѣ словъ букву ъ перестали писать (сохранивъ лишь въ случаѣ «слогораздѣла»), букву ь сохранили, а частью по ошибкѣ перестали писать (ср. п т и ч к а на стр. 26), въ концѣ словъ буквы ъ и ь сохранили, однако, тоже не всегда точно (ср. стр. 31). Гдѣ былъ звукъ ь, тамъ согласный является мягкимъ, хотя бы этотъ согласный, по указанному правилу, и измѣнился изъ звонкаго въ глухой или наоборотъ; такъ, въ п р о с ь б а звукъ с мягкій перешелъ въ мягкій же з, или въ концѣ словъ: г л а д ь, к н я з ь, л ю б о в ь, д р о б ь мягкіе д, з, в, б перешли въ мягкіе же т, с, ф, п: глать, княсь, любофь, дропь. Намъ извѣстенъ случай позднѣйшаго отвердѣнія звуковъ ж и ш (стр. 30); понятно, что въ результатѣ двухъ процессовъ въ языкѣ: перехода звонкихъ въ глухіе и отвердѣнія ж, въ словахъ, напр., тяжькій или рожь вмѣсто ж мягкаго получился въ произношеніи ш твердый: т я ш к і й, р о ш.

Надо замѣтить, что переходъ глухихъ въ звонкіе передъ звонкими, который мы видѣли въ серединѣ словъ, наблюдается и въ концѣ словъ при тѣсной ихъ связи въ рѣчи со слѣдующими за ними словами, если они начинаются со звонкаго; такъ, с ъ д у ш о й произнесемъ з д у ш о й, к ъ д о м у — г д о м у, н а ш ъ д о м ъ—н а ж д о м, н о с ъ б о л и т ъ—н о з б о л и т, в е с ь д е н ь—в е з ь д е н ь и т. п.; такъ какъ глухому х соотвѣтствуетъ звонкій γ, то х въ такихъ случаяхъ переходитъ именно въ него: с л ы х ъ б ы л ъ—с л ы γ б ы л. Подобнымъ образомъ вмѣсто ц, представляющаго собой сліяніе глухихъ тс (см. стр. 13), произносимъ звонкое сочетаніе дз: о т е ц ъ б о л е н ъ—о т е д з б о л е н, а вмѣсто ч, представляющаго сліяніе глухихъ тш, — звонкое дж: д о ч ь б о л ь н а — д о д ж ь б о л ь н а; для дж можно подобрать примѣры и въ серединѣ слова: таково а л ч б а («голодъ», церковнославянское слово, встрѣченное мною въ стихотворе-

нiи В. Брюсова) или народное у ч б а («ученье»), которыя произнесемъ а л д ж ь б а́, у д ж ь б а́. Конечно, и наоборотъ: согласные звонкіе въ концѣ слова при тѣсной связи его въ рѣчи со слѣдующимъ словомъ, начинающимся съ глухого, сами переходятъ въ глухіе; но мы уже говорили, что звонкіе вообще въ концѣ словъ перешли въ глухіе; теперь, въ виду только что изложеннаго, мы можемъ выразиться точнѣе: согласные звонкіе въ абсолютномъ концѣ слова, т.-е. безъ тѣсной связи съ послѣдующемъ словомъ, а также въ тѣсной связи съ слѣдующимъ словомъ, начинающимся съ глухого, перешли въ глухіе; въ тѣсной же связи со словомъ, начинающимся со звонкаго, остались звонкими, т.-е. н о ж ъ въ концѣ рѣчи или передъ паузой произнесемъ н о ш, а также н о ж ъ т в о й—н о ш т в о й, но н о ж ъ д л и н н ы й—н о ж д л и н н ы й; м о р о з ъ, м о р о з ъ с и л ь н ы й—м о р о с, м о р о с с и л ь н ы й, но м о р о з ъ б ы л ъ—м о р о з б ы л.

Наконецъ, слѣдуетъ указать, что при установившемся пріемѣ сохранять на письмѣ старыя буквы вопреки новому произношенію, въ нашемъ правописаніи накопилось не мало случаевъ уступокъ произношенію: это, такія же ошибки, какъ л о т к а, ф х о т ъ, з д о б н ы й, но только вошедшія въ правило. Таково с в а д ь б а вмѣсто стараго с в а т ь б а (т видимъ въ с в а т ъ); таковы г д ѣ, з д ѣ с ь, в е з д ѣ, происшедшія изъ к ъ д е, с ь д е с ь, в ѣ с ь д е; слѣдовательно, если пишемъ к ъ д о м у, с д ѣ л а т ь, то послѣдовательно было бы к д е, с ь д е с ь, в е с ь д е (кстати видимъ, что и ѣ здѣсь ошибочный съ исторической точки зрѣнія); таково з д о р о в ы й изъ стараго с ъ д о р о в ы й; таково же, но обратно, з а т х л ы й изъ з а д ъ х л ы й (корень тотъ же, что въ д о х н у т ь, д у х ъ), которое ждали бы въ видѣ з а д х л ы й, какъ произносимое п о т х о д и т ь изъ п о д ъ х о д и т ь пишемъ п о д х о д и т ь; таково л ѣ с т н и ц а, при л ѣ з т ь; таково же правописаніе и с,- н и с-, в о с-, р а с- или р о с-, которыя мы пишемъ передъ глухими (но только не передъ с!), сохраняя въ нихъ принадлежащее имъ з передъ звонкими,—правописаніе правильное фонетически и неправильное исторически; сравнительно съ правописаніемъ этихъ приставокъ непослѣдовательно сохраненіе всюду з въ б е з- и ч р е з-, ч е р е з-,—правильное исторически и неправильное фонетически.

§ 23. **Выпаденіе согласныхъ.** Въ связи съ исчезновеніемъ изъ произношенія звуковъ ъ и ь стоитъ еще одно явленіе въ русскомъ правописаніи въ области согласныхъ. Когда исчезли гласные звуки ъ и ь, въ нѣкоторыхъ словахъ образовались трудныя для произнесенія группы согласныхъ; онѣ упрощались тѣмъ, что тѣ или иные согласные звуки перестали въ этихъ группахъ произноситься; буквы же остались. Такъ произносится п р а з н и к ъ, а пишется п р а з д н и к ъ изъ стараго п р а з д ь н и к ъ; таковы же слова: с е р д ц е,

солнце, поздно, постлать, лѣстница (отмѣчены непроизносимыя буквы) и многія другія.

§ 24. Гласные безъ ударенія. Разсматривая наше правописаніе въ сравненіи съ произношеніемъ, мы постоянно встрѣчаемся съ тѣмъ, что одна и та же буква обозначаетъ въ слогѣ подъ ударéніемъ одинъ, а безъ ударенія другой звукъ: вóдка, водá произносимъ вóдка, вадá. Это слѣдствіе того, что одинъ и тотъ же звукъ подъ ударéніемъ и безъ ударенія въ исторіи русскаго языка имѣлъ различную судьбу: могъ сохраняться подъ ударéніемъ и переходить въ другой звукъ безъ ударенія или переходить и въ томъ и другомъ положеніи, но въ разные звуки. Кромѣ того, мы видимъ, что и въ слогахъ безъ ударенія одна и та же буква обозначаетъ разные неударяемые звуки. Это слѣдствіе того, что одинъ и тотъ же звукъ въ разныхъ слогахъ безъ ударенія измѣнялся неодинаково. Уже въ § 11, гдѣ я отложилъ до конца главы разсмотрѣніе безударныхъ гласныхъ; я указалъ, что въ ихъ измѣненіяхъ наблюдается извѣстная закономѣрность. Дѣйствительно, при всемъ различіи неударяемыхъ гласныхъ, мы можемъ замѣтить, что онѣ являются съ разной степенью звучности и силы, смотря по тому, ближе или дальше стоятъ онѣ отъ ударенія. А однимъ изъ главнѣйшихъ фактовъ въ исторіи гласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ была потеря ими звучности и силы, если онѣ были безъ ударенія, — потеря въ различной степени, смотря по различному положенію ихъ относительно ударяемаго слога.

Вслѣдствіе этого теперь самымъ, такъ сказать, отчетливымъ изъ *неударяемыхъ* оказывается гласный въ 1-мъ предударномъ [1]) слогѣ; глуше и слабѣе—во 2-мъ предударномъ и въ 1-мъ поударномъ; а въ 3-мъ предударномъ и во 2-мъ поударномъ гласные опять оказываются нѣсколько звучнѣе и сильнѣе (отчетливѣе). Такъ, мы видѣли уже (§§ 3 и 9), что буквы **а** и **о** въ различныхъ по положенію неударяемыхъ слогахъ обозначаютъ теперь звуки: или отчетливый **а** или полуглухой **ъ**. Подобное различіе мы видѣли и въ звуковомъ значеніи буквъ **е** и **и** (§§ 3 и 10). Три раза еще, на стр. 23, 27 и 30, по отношенію къ буквамъ **я, ю, е** и къ буквамъ, пишущимся послѣ шипящихъ и **ц**, я оговаривался, что въ слогахъ безъ ударенія онѣ обозначаютъ не тѣ звуки, которые — подъ ударéніемъ и которые тамъ были указаны.

Теперь посмотримъ на примѣрахъ, какъ произносятся старые звуки **а, о, и** и **э** (первоначальный или изъ **ѣ**, безразлично) въ каждомъ изъ пяти указанныхъ безударныхъ положеній, не исключая и тѣхъ, которыхъ уже приходилось касаться.

[1]) Считая отъ ударяемаго слога къ началу слова.

I. Старый звукъ **а** послѣ твердыхъ, въ томъ числѣ *ц*, но не послѣ *ж* и *ш*:

		Произношеніе [1]):
1-й предударн. слогъ:	сады́	са-ды́
2-й » » :	садово́дъ	съ-да-во́т
3-й » » :	правопо-добный	пръ-въ-па-до́бнъй
1-й поударный » :	про́далъ	про́-дъл
2-й » » :	про́бовалъ	про́-бъ-въл

Тѣ же звуки въ царя́, царедво́рецъ, пареубі́йца, лі́цамъ, у́лицамъ.

II. Старый звукъ **о**:

1-й предударн. слогъ:	вода́	ва-да́
2-й » » :	водово́зъ	въ-дабо́с
3-й » » :	водоотво́дъ	въ-дъ-ат-во́т
1-й поударный » :	по́водъ	по́въ-т
2-й » » :	на́волока	на́-въ-лъ-къ

III. Старый звукъ **э** послѣ мягкихъ, въ томъ числѣ *ч* и *щ*, и послѣ j:

1-й предударн. слогъ:	несу́	ни-су́ (не[и]-су́)
2-й » » :	несена́	нь-си-на́
3-й » » :	перенести́	пь-рь-ни-сти́
1-й поударный » :	вы́несу	вы́-нь-су
2-й » » :	вы́несемъ	вы́нь-сь-м

Тѣ же звуки, въ чеса́ть, честолю́біе, пла́чемъ и т. п., въ щено́къ, щепети́льный, о́бщемъ и т. п.

Послѣ j [2]):

1-й предударн. слогъ:	*ѣ*зда́	јиз-да́ (је[и]з-да́)
2-й » » :	*е*стество́	јь-сти-ство́
3-й » » :	*е*стество-зна́нію	јьс-ть-ства-зна́ньју
1-й поударный » :	по́*ѣ*здъ	по́-јьст
2-й » » :	де́лаетъ	де́лъ-јьт

Примѣчаніе. Въ поударныхъ слогахъ j (или *й*) можетъ исчезать, и въ произношеніи слышаться одинъ звукъ *ь*: де́льът, абы́чьъм, по́ччюъм (дѣлаетъ, обычаемъ, потчуемъ) и т. п.

---

[1]) О значеніи условныхъ знаковъ *ѣ* и *ъ* см. §§ 9 и 10; о звукахъ *и* и *е*[и] см. § 3.

[2]) Слѣдуетъ имѣть въ виду § 19.

IV. Старый звукъ и послѣ мягкихъ, въ томъ числѣ *ч* и *щ*:

1-й предударн. слогъ:	*пришёлъ*	при-шо́л
2-й » » :	*принима́лъ*	прь-ни-ма́л
3-й » » :	*приговорйлъ*	прь-гъ-ва-рйл
1-й поударный » :	*вы́лижу*	вы́-ль-жу
2-й » » :	*за́втрашнимъ*	за́ф-тръш-ньм

Тѣ же звуки въ *число́*, *чистота́*, *мо́чимъ* и т. п., въ *щипа́ть*, *пла́чущимъ* и т. п.

V. Старый звукъ **а** послѣ мягкихъ, въ томъ числѣ *ч* и *щ*, и послѣ j:

1-й предударн. слогъ:	*пята́къ*	пи-та́к (пе[и]-та́к)
2-й » » :	*пятачо́къ*	пь-та-чо́к
3-й » » :	*священному́ченикъ*	свь-щьн-на-му́чьньк
1-й поударный » :	*при́нято*	при́-нь-тъ
2-й » » :	*прихотямъ*	при́-хъ-тьм

Послѣ *ч*:

1-й предударн. слогъ:	*часы́*	чи-сы́ (че[и]-сы́)
2-й » » :	*часово́й*	чь-са-во́й
3-й » » :	*чадолюби́вый*	чь-дъ-лю́би́въй
1-й поударный » :	*ту́чами*	ту́чь-ми
2-й » » :	*вы́дачамъ*	вы́-дъ-чьм

Тѣ же звуки въ *щаве́ль*, *ро́щамъ* и т. п.

Послѣ j [1]:

1-й предударн. слогъ:	*язы́къ*	ји-зы́к (је[и]-зык)
2-й » » :	*языка́*	јь-зы-ка́
3-й » » :	*языковѣдъ*	јь-зы-ка-ве́т
1-й поударный » :	*помо́ями*	па-мо́-јь-ми
2-й » » :	*дѣлаясь*	де́-лъ-јьс

Примѣчаніе. О произношеніи поударныхъ слоговъ и здѣсь слѣдуетъ замѣтить то же, что сказано въ примѣчаніи къ отдѣлу III; такъ: *дѣлъјьс* и *дѣлъъс* (дѣлаясь), *помо́йјьми* и *помо́ьми* (помоями), *слу́чьјьм* и *слу́чььм* (случаямъ).

[1] Слѣдуетъ имѣть въ виду § 19.

VI. Старый звукъ **а** послѣ *ж*, *ш*:

1-й предударн. слогъ	: шары́	шы-ры́
2-й » »	: шаловли́въ	шъ-лав-ли́ф
3-й » »	: шарообра́зный	шъ-ръ-аб-ра́знъй
1-й поударный »	: кры́шами	кры́шъ-ми
2-й » »	: дѣте́ныши	ди-тё́нышъ-ми

Тѣ же звуки въ жара́, ко́жамъ и т. п.

VII. Старый звукъ **э** послѣ тѣхъ же *ж*, *ш* и послѣ *ц*:

1-й предударн. слогъ	: шесто́й	шы-сто́й
2-й » »	: шестокры́лый	шъ-ста-кры́лъй
3-й » »	: шестокрыла́тый	шъ-стъ-кры-ла́тъй
1-й поударный »	: на́шему	на́-шъ-му
2-й » »	: дѣте́ныши	дь-тё́-нышъм

Тѣ же звуки въ жена́, женоподо́бный, ры́жему и т. п., въ цъна́ [1]), цълова́ть, па́льцемъ и т. п.

VIII. Старый звукъ **и** послѣ *ж*, *ш* и *ц*:

1-й предударн. слогъ	: широ́кій	шы-ро́къй
2-й » »	: широча́йшій	шъ-ра-ча́йшъй
3-й » »	: широкоплечій	шъ-ръ-ка-пле́чьй
1-й поударный »	: бы́вшимъ	бы́ф-шъ-м
2-й » »	: па́давшимъ	па́-дъф-шъм

Тѣ же звуки въ живо́тъ, животворя́щій и т. п., цико́рій, цивилиза́ція, ста́нція и т. п.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ прежде всего, что различны первоначально звуки безъ ударенія часто совпадали въ своей исто ріи; такъ, одинаковые звуки получились изъ первоначальныхъ а и э послѣ *мягкихъ* и j; такъ же совпали звукъ **а** послѣ *ж* и *ш* звуки э и и послѣ нихъ же и *ц*; совпали **а** и **о** послѣ *твердыхъ*.

---

[1]) Но цълуй, поцълуй произносится цалуй, пъцалуй.

Это увидимъ нагляднѣе, если сведемъ результаты всѣхъ указанныхъ примѣненій въ слѣдующей табличкѣ:

	Предударные слоги			Ударяемый слогъ.	Поударные слоги	
	3-й	2-й	1-й		1-й	2-й
I. А послѣ тверд., но не *ж*, *ш*. II. О	Ъ	ъ	а	—	ъ	Ъ
III. Э послѣ мягк. и j V. А послѣ мягк. и j	Ь	ь	и($е^{и}$)	—	ь	Ь
IV. А послѣ мягк.	Ь	ь	и	—	ь	Ь
VI. И послѣ *ж*, *ш*. VII. Э послѣ *ж*, *ш* и *ц*. VIII. И послѣ *ж*, *щ* и *ц*.	Ъ	ъ	ы	—	ъ	Ъ

Примѣчаніе. III, IV и V разъединены только потому, что въ произношеніи однихъ поколѣній москвичей для III и V въ 1-мъ предударномъ слогѣ встрѣчается звукъ $е^{и}$, какъ сказано уже въ § 3; въ произношеніи же другихъ совпали и III, и IV, и V. Значитъ, въ произношеніи первыхъ различаются, а въ произношеніи другихъ звучатъ одинаково, напр., лиса и лѣса, лежу́ и лижу́, плету́ и плиту́ и т. п.

Изъ этой сводной таблички нагляднѣе видна и та закономѣрность, о которой говорилось. Видно, что всѣ разнообразныя измѣненія неударяемыхъ звуковъ давали въ результатѣ въ 1-мъ предударномъ слогѣ отчетливые звуки (полной звучности и силы): **а, и, $е^{и}$, ы**, а въ другихъ неударяемыхъ слогахъ дали полуглухіе ъ или ь, при чемъ въ 3-мъ предударномъ и 2-мъ поударномъ эти ъ или ь (напечатаны крупнымъ шрифтомъ) нѣсколько звучнѣе и сильнѣе своихъ сосѣдей.—Я не буду останавливаться на этихъ различіяхъ въ силѣ (равно какъ и въ количествѣ) полуглухихъ звуковъ; однако считаю нужнымъ замѣтить, что они имѣютъ силу достаточную для того, чтобы образовать слогъ (ср. § 6): они — гласные слоговые; если же вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ условій (произношенія или сосѣдства) сила ихъ еще уменьшится, то это можетъ повести къ исчезновенію полуглухого звука, а съ нимъ—и слога. Такъ выпадаютъ 2-й предударный или 1-й поударный, какъ самые слабые, въ произношеніи: гърдавóй (городовой) вмѣсто гъръдавóй, пърнису́ (перенесу) вм. пьрьнису́, пьтялты́ннъй (пятиалтынный) вмѣсто пьтьалты́ннъй, на́влъкъ (наволока) вм. на́въл'къ, про́влъкъ (проволока) вм. про́въл'къ, фсёткн (все-таки) вм. фсёт'кн и др.

Остались и останутся безъ разсмотрѣнія другіе безударные слоги, кромѣ разсмотрѣнныхъ пяти, напр., 4-й предударный, 3-й поударный и др. Въ нихъ появляются тѣ же полуглухіе разной силы.

А въ предѣлахъ разсмотрѣнныхъ пяти безударныхъ слоговъ слѣдуетъ отмѣтить, что старые **а** и **о**, если стоятъ въ абсолютномъ началѣ слова (т.-е. внѣ тѣсной связи въ рѣчи съ предшествующимъ словомъ, напр., въ началѣ рѣчи или послѣ паузы), звучатъ не какъ ъ, а какъ **а**: зътварѝл, но атварѝл, однако въ тѣсной связи: вчирá онъ тварѝл. То же относительно **и**: прьгатóвьли, но изгатóвьли.

То же и относительно неударяемыхъ **а**, **о** въ *концѣ* слова, напр., сѝла, бы́ло, дѣ́вочка, рáдостно, осóба, осóбо: въ извѣстныхъ случаяхъ (при извѣстныхъ условіяхъ рѣчи) вмѣсто ъ они звучатъ болѣе похоже на слухъ на **а** (а «среднее», § 20), но никогда не достигаютъ силы и звучности, такъ сказать, настоящаго а, который слышится подъ удареніемъ или въ 1-мъ предударномъ слогѣ.

Наконецъ, внѣ нашего разсмотрѣнія остались звуки **ы** и **у** въ неударяемыхъ слогахъ. Они тоже теряютъ часть своей звучности и силы, но не измѣняются на слухъ такъ рѣзко, какъ старые звуки **а**, **о**, **э**. Въ этомъ отношеніи они сходны съ **и** (см. IV), который тоже не измѣняется рѣзко (вѣдь **ь** условно обозначаетъ именно полуглухой **и**); но объ **и** нужно было сказать въ виду совпаденія его исторіи съ исторіей **э**. Оттѣнки **у** и **ы** въ разныхъ безударныхъ слогахъ можно наблюдать на примѣрахъ вродѣ сундýк, сундукá, рыбáк, рыбакá и т. п. При этомъ надо имѣть въ виду, что звукъ **ы** можно слушать и тамъ, гдѣ пишется **и** послѣ **ж**, **ш**, **ц** (ср. § 21).

Что касается безударныхъ старыхъ **э** и **и** въ *концѣ* слова, то они, теряя часть своей звучности, являются на слухъ болѣе отчетливымъ оттѣнкомъ **и**, чѣмъ звукъ **ь**; въ той разновидности произношенія, о которой говорилось въ § 3, вмѣсто такого **и** изъ стараго **е** является полуглухое **е**^{ц}; напр., въ полѣ — ф поли (ф поле^{ц}), пойдете — пайдёти (пайдёте^{ц}), лошади (лошъди). О произношеніи окончаній въ такихъ словахъ, какъ поле, море, и во множ. ч. прилагат. —ые, —іе, будетъ сказано въ § 25.

§ 25. Правописаніе нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаній. Говоря въ этой главѣ объ отношеніи звуковъ языка къ буквамъ, я не задаюсь цѣлью ни перечислить всѣ случаи неточности письма, ни указать во всѣхъ подробностяхъ «правильнаго» московскаго литературнаго произношенія. Мнѣ хотѣлось раскрыть главнѣйшіе пріемы, выработавшіеся исторически въ передачѣ звуковъ буквами; тѣмъ не менѣе какъ въ области письма, такъ и въ области произношенія я не только старался не упустить изъ виду крупныхъ явленій, но

не избѣгалъ при случаѣ говорить и о мелкихъ. Нѣкоторыя мелкія, однако, останутся незатронутыми.

Но нельзя обойти молчаніемъ правописанія нѣкоторыхъ окончаній формъ склоненія и спряженія. Въ этой области мы встрѣчаемся съ сохраненіемъ на письмѣ старины: своей, русской, и чужой, церковнославянской, съ чѣмъ уже неоднократно встрѣчались; но кромѣ того, именно здѣсь болѣе всего мы встрѣчаемся съ искусственнымъ пріемомъ, примѣнимымъ во многихъ правописаніяхъ, а именно, съ различеніемъ на письмѣ такихъ грамматическихъ формъ, которыя въ языкѣ не различаются; большинство изъ разобранныхъ ниже написаній (не всѣ) и являются такими «грамматическими сигналами» для глаза, какъ я выразился на стр. 31.

Окончанія *существит.* ср. р. въ имен. п. ед. ч. —**о** и въ род. пад. —**а**, если на нихъ нѣтъ ударенія, какъ дѣ́ло, дѣ́ла, произносятся одинаково (звукъ ъ, см. § 10); одинаково же произносятся также по́ле и по́ля (звукъ ь[а] полуглухой)[1]). Различныя окончанія на письмѣ теперь для насъ при чтеніи—только знаки разныхъ падежныхъ формъ.

Чрезвычайно близки, хотя и не тождественны, звуки въ концѣформъ въ по́ле и въ по́лѣ; такія незначительныя различія обыкновенно не передаются въ практическомъ письмѣ; сейчасъ они для насъ тоже не болѣе, какъ грамматическіе сигналы при чтеніи.

О подобной роли буквъ ъ и ь, которую онѣ играютъ въ правописаніи имен. и вин. пад. ед. ч. существительныхъ м. и ж. рода и род. пад. мн. ч. существительныхъ женск. рода, говорилось уже, по другому поводу, на стр. 31.

Въ *прилагательныхъ* муж. рода въ им. пад. ед. ч. мы пишемъ бѣ́лый, синій, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ здѣсь окончанія **-ой, -ей**, что̀ видно подъ удареніемъ: злой, слѣ́пой, самъ-третій. Безъ ударенія **-ой, -ей** въ литературномъ произношеніи, по общему правилу, перешли въ **-ъй, -ьй** съ полуглухими звуками передъ **-й** (§ 24). Полуглухой звукъ ъ, правда, близокъ къ ы (ср. § 9), а полуглухое и еще ближе къ полнозвучному и, но съ точки зрѣнія обычнаго пріема узнавать «сомнительную гласную», посмотрѣвъ ее подъ удареніемъ, было бы послѣдовательно писать, какъ и писали часто въ старину, бѣ́лой, синей. Окончанія же **-ый, -ій** просто-напросто взяты изъ церковнослав. письма, а въ церковнослав. языкѣ, дѣйствительно, были именно эти окончанія и не было окончаній **-ой, -ей** (злый, слѣ́пый). — Если не обращать вниманія на звуки, что̀ вполнѣ возможно въ письмѣ, а смотрѣть на извѣстное окончаніе — безразлично какого происхожденія,—какъ на признакъ грамматической формы при чте-

[1]) Такой условный знакъ указываетъ, что этотъ звукъ болѣе открытый на слухъ оттѣнокъ того звука, который мы обозначаемъ ь, см. § 10.

нiи, то и допущеніе **-ой** для злой, слѣпой и т. п., согласно выговору, является излишнимъ. Если обратить вниманіе на звуки, то хотя **ы, і** и ближе къ слышащимся тутъ полуглухимъ **ъ** и **и**, однако написаніе **о, е** выигрываетъ въ послѣдовательности, такъ какъ буквы **о** и **е** постоянно употребляются у насъ въ соотвѣтствіи съ этими звуками (§ 24); кромѣ того, по происхожденію своему окончанія **-ой, -ей** являются русскими.—Слѣдуетъ прибавить, что произношеніе **-ій** въ прилагат. на **-гій, -кій,** и **-хій,** напр., жгучій, широкій, тихій, — произношеніе искусственное, навѣянное правописаніемъ; живое (и литературное) произношеніе этого окончанія такое же, какъ **-ый** въ бѣлый, добрый или **-ой**, напр., въ существительн. шапкой, прислугой, рубахой. Иначе говоря, прилагат. на **-гій, -кій, хій** произносятся такъ, какъ если бы въ окончаніи писалось не **-ій,** а **-ый**.

Въ род. п. ед. ч. окончанія **-аго, -яго** являются также церковнославянскими заимствованіями. Въ произношеніи теперь у насъ не **г,** а **в**, и гласныя не тѣ, такъ что фонетически мы написали бы добръвъ, синьвъ; первоначально въ русскомъ языкѣ здѣсь были окончанія **-ово, -ево.** Первое и сейчасъ слышно подъ удареніемъ: зловъ, что пишемъ съ недавнихъ поръ злого, вмѣсто прежняго злаго. О второмъ можно заключить изъ произношенія третьёводни (пишется третьягодни) гдѣ **-ёво** по правилу изъ **-ево** подъ удареніемъ (см. § 18). Допущеніе правописанія **ого** для окончаній подъ удареніемъ съ точки зрѣнія «грамматическаго сигнала», конечно, тоже является излишнимъ; въ качествѣ такого сигнала для формы род. падежа ед. ч. самымъ удобнымъ было бы, конечно, единое окончаніе, безразлично какое, вмѣсто трехъ: аго, ого, яго.

Окончанія жен. р. **-ая, -яя** произносятся совершенно такъ же, какъ окончанія средн. р. **-ое, -ее;** сравн. добрая мать и доброе дѣло, синяя лента и синее море. Это значитъ, что въ имен. п. ед. ч. прилагательныхъ не различаются теперь въ языкѣ формы женскаго и средняго рода. Но на письмѣ мы продолжаемъ ихъ различать: это только грамматическій сигналъ.

Совершенно такъ же не различаются въ языкѣ формы прилагательныхъ во множ. числѣ, но уже всѣхъ трехъ родовъ. Произношеніе одинаково: добрые мужчины, добрыя женщины, добрыя дѣти; то же и съ окончаніями **-іе, -ія.** На письмѣ не различаемъ женск. и средн. рода, но различаемъ мужескій. Въ старину встрѣчаются разныя окончанія, но одинаковыя для всѣхъ трехъ родовъ: -ые, -ыя, -ыи, -ыѣ (также -іе и т. д.). Это колебаніе устранено только Ломоносовымъ, который понималъ, что здѣсь одно произношеніе и что въ сущности безразлично какъ писать, и выразился такъ: «приличнѣе» писать для муж. р. -ые, -іе, а для жен. и средн. -ыя, -ія. Такъ искусственно установлено наше правило.

Такими же грамматическими сигналами являются написанія *мѣстоименія* **ея** для род. пад. и **ее** для вин.; произношеніе въ обоихъ случаяхъ одно: е ё. Это различеніе подобно различенію м и р а, м і р а— и прибавимъ еще изъ недавняго прошлаго — м v р а, что̀ для глаза представляетъ извѣстное удобство. Кстати: сама форма е ё по происхожденію является именно русской формой родит., употребляемой также въ смыслѣ и винительнаго (какъ употребляется, напр., о т ц а, е г о, и х ъ и въ смыслѣ родит. и въ смыслѣ винит. пад.); если бъ сохранилась старая форма винит., то она звучала бы **ю**, сравн. м о ю, ч ь ю. А написаніе е я только передѣлка церковнослав. написанія формы род. п.: въ церковнослав. языкѣ род. и вин. различались (род. ѣѧ, вин. ѣ).

Такого же искусственнаго происхожденія и грамматическіе сигналы **они, одни** для муж. и средн. и **онѣ, однѣ** для женск. рода,— но только безъ участія церковнослав. языка. Въ литературномъ произношеніи существуетъ только о н и, о д н и для всѣхъ трехъ родовъ, какъ с в о и, ч ь и. Произношеніе о н ѣ, о д н ѣ существуетъ въ народныхъ говорахъ, но опять-таки для всѣхъ трехъ родовъ, какъ и с в о ѣ, ч ь ѣ для всѣхъ родовъ. Сравн. народную пословицу: хлѣбъ-соль на столѣ, а руки своѣ. Написанія о н ѣ, о д н ѣ—это плодъ проникновенія живого мѣстнаго произношенія въ литературное письмо.

Въ формахъ *спряженія* мы пишемъ двоякія *личныя окончанія*: или **-ешь, -етъ, -емъ, -ете** или **-ишь, -итъ, -имъ, -ите**. Въ языкѣ имъ соотвѣтствуютъ нѣсколько иныя различія. Подъ удареніемъ въ окончаніи гласный **о**: н е с ё ш, н е с ё т и т. д. (ср. § 18) или гласный **и**: г о р и ш, г о р и т и т. д.; безъ ударенія одно окончаніе, съ тѣмъ полуглухимъ звукомъ, въ который перешли одинаково и звукъ **е** и звукъ **и** безъ ударенія, и который по происхожденію изображается или буквой **и** или буквой **е**: сравн. б у д и ш ь, б у д и т ъ и т. д. (отъ «будить») съ б у д е ш ь, б у д е т ъ и т. д. (отъ «быть»). Можно сказать, что въ языкѣ различія между «двумя спряженіями» сохранились только подъ удареніемъ.

То же совпаденіе двухъ спряженій мы найдемъ и въ 3 л. мн. ч. Двоякія окончанія **-ут, -ат** (пишутся **-у т ъ, -а т ъ** или **-ю т ъ, -я т ъ** послѣ мягкой согласной) слышны лишь подъ удареніемъ: н е с у т ъ, с и д я т ъ, а безъ ударенія написанія **-ютъ** (**-утъ**) и **-ятъ** (**-атъ**) одинаково мы произносимъ **-ютъ** (**-утъ**); сравн. с т р о я т ъ и р о ю т ъ: мы произносимъ с т р о ю т ъ, а также д ы ш у т ъ, д е р ж у т ъ, л ю б ю т ъ, к о с ю т ъ, п р о и з н о с я т с я, б у д ю т ъ (отъ «будить»).— Этимъ совпаденіемъ двухъ спряженій безъ ударенія въ языкѣ и объясняются тѣ постоянныя орѳографическія ошибки въ этой области, съ которыми хорошо знакомъ всякій учитель.

Укажу и въ области глагольныхъ окончаній грамматическій сигналъ. Это **ь** *въ неопредѣленн. наклоненіи передъ* **-ся**. Формы: ж е н и т с я (3 л. ед. ч.) и ж е н и т ь с я, х в а л и т с я и х в а л и т ь с я,

сердится и сердиться въ произношеніи различаются теперь только удареніемъ: окончаніе и 3 л. ед. ч., и неопр. наклоненія въ языкѣ одно -ц ц а (точнѣе, -ц ц ъ). Сохраненное отъ старины на письмѣ **-ться** удобно для глаза при чтеніи и совершенно противорѣчитъ произношенію. Написаніе **-чься**, напр., у л е ч ь с я, ближе къ произношенію, такъ какъ обычнѣе въ литературной рѣчи произносимъ у л е́ ч ь с а; отъ произношенія у л е́ ц ц а, которое нельзя назвать недопустимымъ и въ литературной рѣчи, написаніе -ч ь с я, конечно такъ же далеко какъ и -т ь с я. Для грамматическихъ сигналовъ не важно произношеніе, а важно единство въ написаніи; здѣсь оно достигается употребленіемъ -ь с я во всѣхъ случаяхъ.

О подобной же роли ь въ правописаніи формъ *повелит. наклоненія*, въ родѣ ѣ ш ь, р ѣ ж ь, говорилось уже, по другому поводу, на стр. 31.

ГЛАВА V.

Звуковое значеніе буквъ.

Разбираясь въ отношеніи письма къ языку въ предшествующей главѣ, мы могли достаточно убѣдиться въ томъ, что «письмо—вещь условная» (слова К. Аксакова), и что писанный, такъ сказать, языкъ не равняется языку произносимому. Мы встрѣтились въ письмѣ съ неточностями разнаго характера и разнаго происхожденія; мы встрѣтились съ «лишними» буквами и «лишними» звуками, — съ тѣмъ, что одинъ звукъ можетъ передаваться разными буквами, и одна буква, наоборотъ, можетъ соотвѣтствовать разнымъ звукамъ. Если въ русскомъ письмѣ, какъ и въ другихъ, эти несоотвѣтствія и ограничены извѣстными предѣлами, то предѣлы все-таки чрезвычайно широки, и, главное, неопредѣленны и случайны: не будетъ преувеличеніемъ сказать, что вообще въ практическомъ письмѣ всякая буква можетъ обозначать всякій звукъ; такова природа этого условнаго костюма, въ которомъ является языкъ.

Сопоставляя языкъ произносимый съ языкомъ писаннымъ и объясняя при этомъ происхожденія различныхъ явленій русскаго правописанія, я указалъ различныя звуковыя значенія, въ которыхъ являются буквы русской азбуки. Но по свойству дѣла мнѣ приходилось въ предшествующей главѣ исходить отъ языка и говорить объ однихъ и тѣхъ же буквахъ въ разныхъ мѣстахъ. Считаю нелишнимъ все то, что тамъ говорилось о звуковомъ значеніи буквъ, свести теперь въ общую картину, исходя отъ *буквъ* азбуки. Этимъ сводомъ воспользуюсь также и для того, чтобы добавить нѣкоторыя частности, которыя считаю нелишними, но которыя не нашли себѣ мѣста въ предшествующемъ изложеніи. Чтобъ этотъ сводъ могъ служить и для справокъ, дѣлаю ссылки, если о данномъ значеніи буквы говорилось; при этомъ цифры обозначаютъ §§, если не прибавлено «стр.».

Буква **А** пишется тамъ, гдѣ слышатся *звуки:*

1) **подъ удареніемъ:**

а *ахъ, садъ,* 1, *жаръ, часъ,* стр. 30.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2, и по мѣсту образованія, 20.

2) **безъ ударенія:**

а въ началѣ слова: *а*таманъ, стр. 40.
а въ 1-мъ предударн. слогѣ не послѣ *ж, ш,—ч, щ:* с*а*ды, 24, I.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2.
ы въ 1-мъ предударн. слогѣ послѣ *ж, ш:* ж*а*ра, 24, VI.
Оттѣнокъ ы^{и}, т.-е. звукъ болѣе передній, чѣмъ *ы* (промежуточный между *и* и *ы*) въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ: ж*а*рѣ, стр. 12—13.
и или е^{и} (3) въ 1-мъ предударн. слогѣ послѣ *ч, щ:* часы, 24, V.
ъ не въ 1-мъ предударн. слогѣ не послѣ *ч, щ:* садоводъ и др. 24, I, шаловливъ и др. 24, VI, нв*а*, крыш*а*, жниц*а*, стр. 40.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2.
ь не въ 1-мъ предударн. слогѣ послѣ *ч, щ:* часовой и др. 24, V.
ь^{а} (стр. 41) въ концѣ слова послѣ *ч* и *щ:* дач*а*, рощ*а*.

Б [1])

б твердый: *б*ылъ,—мягкій: *б*илъ, стр. 26.
п твердый: ра*б*ство, 22,—мягкій: дро*б*ь, 22.

В

в твердый: *в*алъ,—мягкій: *в*ить, стр. 26.
ф твердый: рука*в*ъ, 22,—мягкій: кро*в*ь, 22.

Г

г твердый задненебный: дуга, 14,—мягкій незадненебный: дуги, 14 и стр. 26.
к твердый задненебный: дугъ, 22.
ɣ твердый задненебный: Бога, 13,—мягкій незадненебн.: боги, 14.
х твердый задненебный: Богъ, стр. 32, легкій, мягкій.
в твердый: въ окончаніяхъ: -аго, -его, -ого, -яго, стр. 42, и въ словѣ сегодня.

Д

д твердый: *д*алъ,—мягкій: *д*иво, стр. 26.
т твердый: са*д*ъ, 22,—мягкій: ся*д*ь, 22.

[1]) Чтобы не повторять одного и того же почти при каждой согласной, я не привожу здѣсь условій, при которыхъ появляются звуки твердые и мягкіе, глухіе и звонкіе, а ограничиваюсь примѣромъ и ссылкой, такъ какъ условія эти несложны (§§ 17 и 22).

Е

1) не послѣ согласной:

Подъ удареніемъ:

jэ или **йэ** (19) *ель, моей, чьей*, 15.
jo или **йо** (19) *елка, вдвоемъ, пьетъ*, 15.

Безъ удареніе:

jи или **йи** (19) или же **je**^{и} или **йе**^{и} (3) въ 1-мъ предударн. слогѣ: *его*, 24, III.
Вмѣсто jи, йи возможенъ одинъ **и**: *его* (ивó).
jи или **йи** (19) или же одинъ **и**: *злые, добрые*, стр. 42.
jь или **йь** (19) не въ 1-мъ предударн. слогѣ: *естество* и др., 24, III.
Вмѣсто jь, йь въ поударныхъ слогахъ возможенъ одинъ **ь**: *дѣлаетъ* и др., 24, III, примѣч.
Оттѣнокъ **jь**^{а} или **йь**^{а}: *злое, доброе*, стр. 41.

2) послѣ согласной, кромѣ ж, ш, ц,

при чемъ буква Е условно указываетъ и на мягкость предшествующаго согласнаго (кромѣ *ч* и *щ*, которые бываютъ только мягкими):

Подъ удареніемъ:

э *пень*, 17, *честь, щедрый*, стр. 30.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2.
о *песъ*, 18, *черный, щетка*, 21.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2.

Безъ удареніе:

и или **е**^{и} (3) въ 1-мъ предударн. слогѣ: *несу, чесать, щенокъ*, 24, III.
и или **е**^{и} (3) въ концѣ слова: *пойдете, крѣпче, проще*, стр. 40.
ь не въ 1-мъ предударн. слогѣ: *пелена* и др., *честолюбіе* и др., *щепетильный* и др., 24, III.
Оттѣнокъ **ь**^{а}: *поле, вѣче, рубище*, стр. 41.

3) послѣ согласныхъ ж, ш, ц,

при чемъ буква Е не указываетъ на свойство предшествующаго согласнаго, такъ какъ *ж, ш, ц* бываютъ только твердыми:

Подъ удареніемъ:

э *жесть, шесть, церковь*, стр. 30.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2.

о жесткій, шерстка, отцевъ (встрѣчается еще въ печати вмѣсто отцовъ), 18, 21.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2.

Безъ ударенія:

ы въ 1-мъ предударн. слогѣ: жена, шестой, церковный, 24, VII.
Оттѣнокъ ы" послѣ *ж* и *ш* передъ мягкимъ согласнымъ: женѣ, шести. Сравн. подъ буквой А.

ъ въ концѣ слова: даже, тише, колѣнце.

ъ не въ 1-мъ предударн. слогѣ: шестокрылый, женоподобный, церемонія и др., 24, VII.

4) послѣ всякой согласной,

подъ ударенiемъ и безъ ударенія,

при чемъ буква Е не указываетъ на свойство предшествующаго согласнаго:

э въ иностранныхъ словахъ, при произношеніи ихъ на иностранный ладъ, съ твердымъ согласнымъ передъ э: Бернъ, Версаль и др.

Ж

ж только твердый: *ж*аръ, *ж*ить, 21.

ш только твердый: но*ж*ъ, ро*ж*ь, 22.

З

з твердый: *з*аря,—мягкій: грози́ть, стр. 26.

с твердый: глаз*ъ*, 22,—мягкій: кня*з*ь, 22.

И

1) не послѣ согласной:

ји или йи (19) послѣ буквы ъ: волчь*и*, плать*и*це, чь*и*мъ.

и не послѣ ъ: *и*зготовили, стр. 40, сара*и*, тро*и*ца, поцѣлу*и*, *и*хъ.
Вмѣсто *и* въ началѣ слова встрѣчается йи: *и*хъ (йих).

ы въ началѣ слова при тѣсной связи его въ рѣчи съ предшествующимъ, если это послѣднее оканчивается на твердый согласный: объ *ив*ѣ (аб*ы́*ви), мы*ш*ь *и* крыса (мы́*ш*ыкры́съ), отъ *иску́ш*енія (аты́скуш*ы́*нья[a]); сравн. правописаніе обы́скать, отыгра́ться вмѣсто прежнихъ об*ъи*скать, отъиграться.

2) послѣ согласной, кромѣ ж, ш, ц:

(буква И—условный знакъ мягкости, см. букву Е № 2).

и подъ ударенiемъ: п*и*ли, везл*и*, ч*и*стый, грач*и*, щ*и*.

и безъ ударенія: въ концѣ слова: деревн*и*, тучи, рощ*и*, стр. 40.

и безъ ударенія: въ 1-мъ предударн. слогѣ: пр*и*шелъ, ч*и*сло, щ*и*пать, 24, III.

ь безъ ударенія: не въ 1-мъ предударн. сл.: пр*и*хожу, ч*и*стота и др. 24, III.

3) **послѣ ж, ш, ц:**

(буква И не указываетъ свойства согласнаго, см. Е № 3).

ы подъ удареніемъ: ж*и*ли, ш*и*ли, ц*и*фра, нож*и*, 21.

ы безъ ударенія: въ концѣ слова: кож*и*, крыш*и*, стр. 40.

ы » » въ 1-мъ предуд. сл.: ж*и*вотъ, ш*и*рокій, 24, VIII.

Оттѣнокъ ы^{и} послѣ *ж* и *ш* передъ мягкимъ согласнымъ: ж*и*вѣй. Ср. подъ А.

ъ безъ ударенія: не въ 1-мъ предударн. слогѣ: ж*и*вотворящій, ц*и*вилизація и др. 24, VIII.

І

Равна по значеніямъ буквѣ И.—Особый случай: произношеніе за ъ въ такомъ положеніи, въ какомъ буква И за *ъ* не произносится, является въ окончаніяхъ прилагат.: *-гій*, *-кій*, *-хій*: упруг*і*й, широк*і*й, тих*і*й, стр. 42.

К

к твердый задненебный: *к*отъ, 14,—мягкій незадненебный: *к*итъ, 14 и стр. 26.

г твердый задненебный: *к*ъ зубамъ, э*к*заменъ, 22.

х твердый задненебный: не *к*ъ кому (не́*х*къму).

γ твердый задненебный: *к*ъ горѣ (при *γ*гаре́ возможо и *г*гаре́).

Л

л твердый: *л*отъ,—мягкій: *л*ить, стр. 26.

М

м твердый: *м*оре,—мягкій: *м*илый, стр. 26.

Н

н твердый: *н*осъ,—мягкій: *н*изъ, стр. 26, де*н*щикъ, 17.

О

1) **подъ удареніемъ:**

о *о*нъ, в*о*ръ, 1, душ*о*й, меч*о*мъ, стр. 31 и 59.

Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2, и по мѣсту образованія, 20.

2) безъ ударенія:

о въ рѣдкихъ случаяхъ, напр., въ словахъ *о*нъ, *но*, когда они теряютъ свое удареніе, тѣсно примыкая въ рѣчи къ сосѣднему слову: *о*нъ былъ (*о*нбы́л), былъ *о*нъ (бы́ло*н*), *но* все-таки (*но*фсётъки); сравн., наоборотъ, произношеніе, напр., подъ въ подобныхъ положеніяхъ: подъ нимъ (па*д*ни́м), подъ березой (пъдбирёзъй).

а въ началѣ слова: *а*прокинуть, стр. 40.

а въ 1-мъ предударн. слогѣ: *в*ода, 24, II.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2.

ъ не въ 1-мъ предударн. слогѣ: водовозъ и др., было, 24, II.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2.

П

п твердый: *п*олъ,—мягкій: *п*ить, стр. 26.

б твердый: кло*п*ъ большой, 22,—мягкій: сы*пь* больше, 22.

Р

р твердый: жа*р*ъ,—мягкій: жа*р*ить, стр. 26.

С

с твердый: *с*адъ,—мягкій: *с*ила, стр. 26.

з твердый: *с*дать, 22,—мягкій: *с*дѣлать, 22.

Т

т твердый: *т*окъ,—мягкій: *т*ина, стр. 26.

д твердый: о*т*дыхъ, 22,—мягкій: жени*т*ьба, 22.

У

у во всѣхъ положеніяхъ.
Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2, по мѣсту образованія, 20, по степени звучности, стр. 40.

Ф

ф твердый: *ф*утъ,—мягкій: *ф*иникъ, стр. 26.

в твердый: гра*ф*ъ боленъ, 22,—мягкій: потра*ф*ь ближе, 22.

Х

х твердый задненебный: слу*х*ъ, 14, — мягкій незадненебный: слу*х*и, 14 и стр. 26.

γ твердый задненебный: слу*х*ъ былъ, стр. 33.

Ц

ц только твердый: *ц*ыпленокъ, *ц*икорій, лек*ц*ія, 21.
дз только твердое: оте*ц*ъ боленъ, стр. 33.

Ч

ч только мягкій: врачъ, ночь, 21.
дж только мягкое: у*ч*ба, стр. 34.
ш передъ *н*: нарочно, конечно, молочный, гречневый и др.; однако, не всегда: точный, рѣчной, порочный и др. (*ч*, а не *щ*).
ш въ словѣ что (што).

Ш

ш только твердый: на*ш*ъ, мы*ш*ь, 21.
ж только твердый: мы*ш*ь была, 22.

Щ

щ звуковое значеніе см. 12.
ш передъ *н*: помо*щ*никъ, всено*щ*ная и др.; однако, не всегда: мо*щ*ный и др. (*щ*, а не *ш*).

Ъ

Никакого звука не обозначаетъ. Пишется и послѣ твердаго звука (чаще): носъ, ножъ, нашъ, 21 и стр. 41,—и послѣ мягкаго (рѣже): товарищъ, врачъ, рощъ, тучъ, 21 и стр. 41. Пишется также между согласной и гласной, если въ произношеніи между ними j(й), при чемъ въ этихъ случаяхъ передъ *ъ* или *мягкій* звукъ: отъѣздъ, подъѣздъ, съемка, объявить (произносится такъ, какъ если бы писалось отъѣздъ, подъемъ и т. п.), или *твердый*: двухъярусный, 15. О встрѣчающихся еще въ печати написаніяхъ вродѣ отъискать, съумѣть, см. сноску къ 15.

Ы

ы во всѣхъ положеніяхъ.

Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2, и по степени звучности, стр. 40.

Ь

Никакого звука не обозначаетъ. Пишется и послѣ твердаго звука (рѣже): рожь, мышь, рѣжь, 21 и стр. 41,—и послѣ мягкаго (чаще): пень, нянька, ночь, 17, 21 и стр. 41. Пишется также между согласной и гласной, если въ произношеніи между ними j(й): послѣ *мягкаго:* пью, питье, чья,—послѣ *твердаго:* ружье, шью, 15, 21.

Ѣ

Равна по значеніямъ буквѣ Е.—Звукъ **о** послѣ мягкаго согласс-

наго: гнѣзда, сѣдла и т. д., 18.—Особый случай: произношеніе за а въ цѣлую, поцѣлуй, 24, VII, сноска.

Э

э во всѣхъ положеніяхъ. Въ русскихъ словахъ пишется только въ началѣ слова.

Ю

jу или йу (19) не послѣ согласной, подъ удареніемъ и безъ ударенія, 15 и стр. 40: *югъ*, *мою*, *чью*, *юридическій*, *зимою*, *работаю*.

Оттѣнки: по мѣсту образованія, 20, и по степени звучности, стр. 40.

у послѣ согласной (при чемъ буква Ю—условный знакъ мягкости согласнаго, ср. Е № 2), подъ удареніемъ и безъ ударенія, 17 и стр. 40: *лютый*, *люди*, *дыню*, *милостыню*.

Оттѣнки: по мѣсту образованія, 20, и по степени звучности, стр. 40.

Я

1) **не послѣ согласной:**

Подъ удареніемъ:

ja или йа (19) *яма*, *моя*, *чья*, 15.

Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2 и по мѣсту образованія, 20.

jo рѣдкіе случаи: *ея*, стр. 43, третьягодни (тритjóвъдни), третьягодняшній (тритjóвъднышный).

Безъ ударенія:

jи или йи (19) или же jе" или йе" въ 1-мъ предударн. слогѣ: *языкъ*, 24, V.

Вмѣсто jи, йи возможенъ одинъ и: *языкъ* (изы́к).

jи или йи (19) или же одинъ и: *злыя*, *добрыя*, стр. 42.

jь или йь (19) не въ 1-мъ предударномъ слогѣ: *языка* и др. 24, V.

Вмѣсто jь или йь возможенъ въ началѣ слова и: *языка* (изыка́), а въ поударныхъ слогахъ одинъ ь: помоями (памо́ьми), 24, V, примѣч.

Оттѣнокъ jь^{a} или йь^{a} въ концѣ: *злая*, *добрая* стр. 41.

2) **послѣ согласной:**

(буква Я—условный знакъ мягкости согласнаго, ср. Е № 2).

Подъ удареніемъ:

а пять, 17.

Оттѣнки: напряж. и ненапряж., 2, и по мѣсту образов., 20.

о рѣдкіе случаи: запрягъ, трясъ (запрёкъ, трёс).
э рѣдкій случай: запрячь (неопред. накл.; встрѣчается въ печати вмѣсто запречь).

Безъ ударенія:

и или $е^{и}$ (3) въ 1-мъ предударн. слогѣ: пятакъ, 24, V.
ь не въ 1-мъ предударн. слогѣ: пятачокъ и др., 24, V.
Оттѣнокъ $ь^{а}$ въ концѣ: воля, стр. 41.

Ѳ

Равна по значеніямъ буквѣ Ф, 12, а именно:
ф твердый: *Ѳома*,—мягкій: *ѳита*.
в твердый: Саваоѳъ Богъ,—мягкій: Юдиѳь была.

Ѵ

Равна по значеніямъ буквѣ И.

Группы буквъ очень часто обозначаютъ не тѣ звуки, которые обозначаются этими же буквами въ отдѣльности. Это произошло оттого, что послѣ того, какъ правописаніе установилось, многіе звуки измѣнились въ языкѣ именно вслѣдствіе сосѣдства съ другими.

Изъ области **гласныхъ** напомню ЪИ въ значеніи **ы** въ такихъ написаніяхъ, какъ *обыграть*, которыя еще встрѣчаются въ печати вмѣсто *обыграть*, подобно *сумѣть* вмѣсто *сумѣть* (15).

Приведу нѣкоторые болѣе важные относящіеся сюда случаи изъ области **согласныхъ.**

Удвоеніе буквъ обозначаетъ одинъ звукъ *долгій*, если онъ фрикативный (стр. 13), напр., **масса**, **длинный**, или *кажущійся долгимъ*, если онъ взрывный, напр., **оттуда**, **наподдать** [1]). Вслѣдствіе звуковыхъ законовъ, касающихся глухихъ и звонкихъ (22), понятно, что, напр., долгій **с** можетъ передаваться черезъ **зс**: **разсудокъ**, или, напр., кажущійся долгимъ **д** черезъ **тд**: **отдать**.

ЖЖ передаетъ долгій **ж**: **жжетъ**, **жужжать**. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что долгій **ж** здѣсь *мягкій*, между тѣмъ какъ краткій **ж** (одна буква **ж**) является у насъ, какъ мы знаемъ (21), всегда твердымъ. Если припомнимъ, что буква **щ** передаетъ долгій мягкій **ш** (12), то видимъ, что буква **щ** передаетъ тѣ же свойства звука **ш**, которыя **жж** передаетъ въ звукѣ **ж**; разница въ томъ, что для перваго въ нашемъ правописаніи есть особая буква, а для

---

[1]) Взрывный звукъ по условіямъ своего образованія (стр. 13) не можетъ быть долгимъ и является на слухъ мгновеннымъ; впечатлѣніе же долготы производитъ маленькая пауза послѣ смыканія органовъ; такъ, тт = пауза на затворѣ + одинъ т.

второго—нѣтъ. Есть у насъ въ произношеніи и *твердые долгіе* ш и ж, но они не обозначаются ни буквой щ ни жж. Ихъ сейчасъ встрѣтимъ.

ЗЖ, СЖ передаютъ *долгій* ж, или *мягкій*: **возжи** (вожжи), **пріѣзжать** (-жжя-), или *твердый*: **изжарилъ** (ижжарьл), **сжегъ** (жжок), **сжалъ** (жжал), такъ же: **съ женой** (жжыной) и т. п.

ЗЧ, СЧ передаютъ *долгій* ш *мягкій* (т.-е. то же, что передается буквой щ): **приказчикъ** (прикащьк), **разносчикъ** (разнощьк), **счастливъ** (щясльф), **счетъ** (щот) и т. п.

ЗШ, СШ передаютъ *долгій* ш твердый: **сшилъ** (шшыл), **безшумный** (бишшумнъй).

ЖД передаетъ или жд: **пригвожденъ**, или же *долгій* ж *мягкій*: **дожди** (дажжи), **дрожди** (дрожжи; допускается и послѣднее правописаніе этого слова); при переходѣ въ глухой (22), понятно, вмѣсто ж долгаго мягкаго получится ш долгій мягкій: **дождь** (дощ).

ДЧ, ТЧ передаютъ мягкій ч, кажущійся долгимъ: **подчищалъ** (пъччищял), **лазутчикъ** (лазуччьк), **потчивалъ** (поччьвъл).

ДСТ, ТСТ передаютъ цт: **садоводство** (съдавоцтвъ), **дѣтство** (децтвъ).

Вмѣсто указанныхъ здѣсь произношеній зачастую можно встрѣтить и произношенія болѣе близкія, такъ сказать, къ буквамъ, напр., **зж, сч, сш, жд** и т. п., т.-е. **изжарилъ**, а не **ижжарилъ**, **счастье**, а не **щастье** и т. д. [1]). Не нужно только думать, что эти произношенія болѣе правильныя: они возникли искусственно у у грамотныхъ подъ впечатлѣніемъ буквъ, какъ произношенія **что**, **конечно** (вмѣсто правильныхъ **што**, **канешнъ**).

Въ этой и предшествующей главахъ мнѣ постоянно приходилось ссылаться на правильное, т.-е. общепринятое, произношеніе, а такимъ является московское литературное. Въ школѣ необходимо, на ряду съ обученіемъ правописанію (орфографіи),—что у насъ есть вездѣ,—также обученіе и правопроизношенію (орфоэпіи), чего у насъ, кажется, нигдѣ нѣтъ; можно даже встрѣтиться съ такимъ мнѣніемъ, будто наиболѣе правильно произносить такъ, какъ пишется. По этой части у насъ есть единственное общедоступное руководство, которое слѣдуетъ всячески рекомендовать: В. **Чернышевъ**. „Законы и правила русскаго произношенія, опытъ руководства для учителей, чтецовъ и артистовъ“. Изд. 2-е, Спб., 1908.

---

[1]) Конечно, нормально никто не произноситъ **сж, зч, зш** и т. п. сочетанія глухого со звонкимъ или звонкаго съ глухимъ: вмѣсто **жжок** произнесутъ **зжок**, а никакъ не **сжок** и т. п. (разумѣется, *заставить* себя произнести можно всячески).

ГЛАВА VI.

Главнѣйшіе факты исторіи русскаго правописанія.

Уясняя себѣ происхожденіе условностей, неточностей и непослѣдовательности въ русскомъ правописаніи, мы видимъ въ немъ и сохраненіе старины и введенныя въ разное время измѣненія. Неточности въ письмѣ могутъ быть самаго разнообразнаго происхожденія: и первоначальныя — отъ неумѣнья или нежеланія передать точнѣе звуки, предпочтенія иныхъ принциповъ, если они выгоднѣе на практикѣ,—и возникшія со временемъ, потому что письмо, по своей консервативности, отстаетъ отъ постоянно измѣняющагося живого языка; наконецъ, онѣ могутъ объясняться заимствованіемъ чужого письма. Современное русское правописаніе—результатъ долговременной исторіи, а исторія правописанія чрезвычайно сложное явленіе.

Въ исторіи русскаго правописанія важнѣйшимъ является самый первый фактъ: мы взяли чужое письмо, приноровленное къ звукамъ древняго церковнославянскаго языка, т.-е. того славянскаго языка, на который въ IX в. Кирилломъ и Меѳодіемъ было переведено священное писаніе. А этотъ языкъ, хоть и близко родственный русскому и въ древнѣйшее время безъ труда понятный для русскаго человѣка, все-таки языкъ иной: это одно изъ нарѣчій древняго болгарскаго языка. Въ этомъ языкѣ кромѣ общихъ обоимъ языкамъ звуковъ были и такіе, которыхъ не было въ русскомъ, а въ русскомъ—такіе, которыхъ не было въ томъ. Понятно, что буквы, которыя передавали въ книгѣ чужіе звуки, русскій читатель произносилъ по-своему; понятно также, что для нѣкоторыхъ своихъ звуковъ у русскаго писца не было буквъ, и приходилось привыкать къ условной передачѣ своихъ звуковъ чужими буквами. Напр., въ томъ языкѣ кромѣ чистыхъ **о** и **е** были **о** и **е** носовые (произносившіеся въ носъ, какъ французскія on, in); для нихъ были и особыя буквы: **ѫ** (юсъ большой) и **ѧ** (юсъ малый). Такъ какъ въ русскомъ языкѣ въ эту эпоху [1]) на мѣстѣ этихъ носовыхъ звуковъ были уже чистые, а именно звуки: **у** и **а** (послѣ мягкаго согласнаго), то какое-нибудь слово **мѫжь** русскіе читали по-своему: **мужь**, **мѧсо**—**мясо**. Или, напр., букву **s**, которая обозначала чужой звукъ слитный дз, читали за **з**: **бози** — **бози**, **помози** — **помози**. Еще примѣръ: въ томъ языкѣ передъ **е** и **и** согласные не произносились мягко, какъ въ русскомъ, но русскіе читали чужіе слоги **те**, **бе** по-своему, съ мягкими **т** и **б** (какъ теперь). Писцы, конечно, старались писать

---

[1]) А когда-то и въ русскомъ языкѣ были эти носовые гласные, но очень рано, задолго до усвоенія письменности, они перешли въ чистые **у** и **а**.

«правильно», т.-е. по-церковнославянски, но какъ они ни были тщательны, они могли ошибаться и писать иногда мужь, а не мжжь и т. п., подобно тому, какъ теперь малограмотный вмѣсто ѣ можетъ написать е.

Слѣдуетъ отмѣтить, что при томъ уваженіи, которымъ пользовалась въ древности книга,—а она первоначально была только священная,—ея языкъ, ея письмо, русскіе грамотники усвоивали себѣ иногда книжное, т.-е. искусственное произношеніе по буквамъ и стали говорить (и говоримъ до сихъ поръ): небо вм. нёбо, крестъ вм. крёстъ, дерзкій вм. дёрзкій (сравн. стр. 29), или одежда вм. одёжа, вождь вм. вожь, хожденіе вм. хоженіе, прежде вм. переже (сравн. свое опережать и чужое предупреждать), освѣщать вм. освѣчать (сравн. свѣча и чужое свѣща), мощь вм. мочь и т. п.

Церковнославянскій языкъ, на которомъ пришли къ намъ изъ Болгаріи книги, сталъ у насъ литературнымъ языкомъ, т.-е. когда русскіе стали не только переписывать, но и писать собственныя сочиненія, то они старались писать ихъ тѣмъ же языкомъ, къ которому привыкли въ книгахъ, а не тѣмъ, которымъ говорили. Это удавалось тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе начитанъ былъ авторъ въ церковныхъ книгахъ и чѣмъ ближе къ нимъ было содержаніе его произведенія по своему характеру. Поэтому въ русскихъ сочиненіяхъ духовно-религіознаго содержанія мы находимъ болѣе чистый церковнославянскій языкъ, а въ свѣтскихъ этотъ языкъ всегда имѣетъ большую примѣсь русскаго (въ словахъ, въ формахъ). Это и понятно: когда русскій авторъ писалъ церковное поученіе, житіе святого, разсужденіе на религіозную тему, онъ могъ прибѣгнуть къ словамъ и цѣлымъ выраженіямъ, вычитаннымъ изъ церковныхъ книгъ; обрабатывая же свѣтскую тему, напр., разсказывая о событіи въ лѣтописи, онъ очень часто не могъ найти книжнаго образца для своего изложенія, и на каждомъ шагу приходилось выражаться самостоятельно, своими словами. Наконецъ, никакого образца не сыщешь въ церковныхъ оборотахъ и словахъ, чтобъ написать условіе о сдачи земли въ аренду или отказать въ духовномъ завѣщаніи своимъ наслѣдникамъ, кому соболью шубу, кому серебряный ковшъ. Вотъ почему наиболѣе чистый русскій языкъ (но за то и въ менѣе складномъ изложеніи), мы находимъ въ дѣловыхъ бумагахъ, такъ называемыхъ грамотахъ (духовныхъ, вкладныхъ, заемныхъ, рядныхъ, договорныхъ и т. п).

И правописаніе мы найдемъ болѣе правильное, т.-е. церковнославянское, въ сочиненіяхъ религіознаго содержанія. Конечно, и въ нихъ, и не только въ нихъ, а даже при простой перепискѣ церковнославянскихъ книгъ, встрѣчаются, какъ я уже сказалъ, ошибки въ письмѣ, обличающія живое русское произношеніе, если у переписчика ослабѣвало вниманіе къ подлиннику. Тѣмъ больше неправильностей,

т.-е. уступокъ живому произношенію, когда образцы не передъ глазами, а въ запасѣ памяти. Наконецъ, такихъ образцовъ могло и не найтись совсѣмъ. Встрѣтилась надобность написать и «рублёвъ» (рублей), и «притерёбы» (извѣстные участки земли), и «оржаной» (ржаной), и «пироги съ рыжиками» и «у крыльца солома переняти грязная» и проч. Будь правильная школа, конечно, придумали бы «правила» съ «исключеніями», гдѣ писать ѫ, гдѣ у, указали бы, «почему» нельзя писать рубловъ, притеробы (какъ писалъ иногда писецъ, чтобы передать о послѣ мягкаго согласнаго—сочетаніе, не встрѣчавшееся въ церковнославянскомъ языкѣ) и проч. Но въ древней Руси пишущій, усвоивъ неприноровленное къ русскимъ звукамъ церковнославянское письмо, былъ предоставленъ самому себѣ и самъ долженъ былъ выходить изъ затрудненій, въ которыя его ставили живые звуки родного языка. И съ самаго начала русской письменности [1]) мы видимъ, что правильность чужого письма то и дѣло, противъ воли пишущаго, нарушается своимъ произношеніемъ.

Такъ, путемъ ошибокъ, среди постоянныхъ колебаній между вѣрностью традиціи и уступками произношенію, приноравливалось церковнославянское письмо къ русскому языку въ первые вѣка русской письменности. Въ результатѣ такого приноровленія, въ свѣтскихъ произведеніяхъ XIV вѣка, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ, мы находимъ правописаніе очень неправильное съ точки зрѣнія традиціи и очень близкое къ живому произношенію. Ему не хватало единообразія, чтобъ быть вполнѣ сложившейся системой. Приноровленіе, о которомъ говорилось, выразилось въ томъ, что 1) мы освободились отъ нѣкоторыхъ «лишнихъ» буквъ, напр., отъ ѫ, одинаково употребляя у, какъ тамъ, гдѣ оно употреблялось и по-церковнославянски, такъ и тамъ, гдѣ употреблялся ѫ; 2) если не изгнали нѣкоторыя лишнія, то стали свободно ими распоряжаться, напр., писать е вм. ѣ и ѣ вм. е (здѣсь начало тѣмъ случаямъ, о которыхъ говорилось на стр. 16), или ѧ вм. я и я вм. ѧ (здѣсь, впрочемъ, началъ устанавливаться совершенно условный пріемъ писать не послѣ согласной я, а послѣ согласной ѧ); 3) сохранивъ ненужныя буквы, придали имъ другое значеніе, напр., ъ ь стали употреблять въ качествѣ «твердаго» и «мягкаго» знаковъ (гл. IV, § 5); наконецъ, 4) допустили много написаній по выговору (примѣры во многихъ §§ главы IV).

При оцѣнкѣ этого новаго слагавшагося правописанія слѣдуетъ имѣть въ виду, что русскій языкъ къ этой эпохѣ пережилъ много звуковыхъ и другихъ измѣненій, которыя его значительно удалили отъ древнѣйшаго его вида и значительно приблизили къ тому, ко-

---

[1]) Древнѣйшая изъ сохранившихся книгъ, переписанныхъ въ Россіи,—Остромирово евангеліе 1056—1057 г.; древнѣйшая изъ сохранившихся грамотъ—1130 г.

торымъ говоримъ мы. Эту эпоху можно считать началомъ *новаго* русскаго языка. Уже давнымъ давно перестали существовать носовые гласные, звуки **ъ** и **ь** успѣли исчезнуть или перейти въ **о** и **е** (гл. IV, § 5), звукъ **ѣ** совпалъ съ **е** (§ 4), уже былъ звукъ **о** изъ **е** подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ (§ 18). Правописаніе, о которомъ мы только что сказали, несмотря на его чужое происхожденіе, можно, слѣдовательно, смѣло назвать русскимъ.

На очереди было упорядоченіе этого новаго, уже русскаго правописанія: надо было устранить колебанія, чтобъ оно вылилось въ законченную систему.

Но судьба русскаго правописанія была иная.

Къ XV вѣку усиливаются ослабѣвшія было сношенія Руси съ южными славянами (болгарами и сербами); и вотъ въ XV в. мы видимъ большой новый притокъ болгарскихъ и сербскихъ книгъ, которыя усердно читаются и переписываются на Руси. Онѣ были написаны по-церковнославянски и чрезвычайно напыщеннымъ, витіеватымъ слогомъ; но русскимъ, какъ новость, понравился этотъ слогъ, и русскіе писатели начинаютъ подражать ему въ своихъ сочиненіяхъ. Церковнославянское правописаніе въ этихъ книгахъ было уже не то, что въ древнихъ, а подобно слогу, стало чрезвычайно сложнымъ и вычурнымъ. И его, какъ моду, стали съ увлеченіемъ усваивать у насъ и вводить въ русское правописаніе чуждые пріемы «красоты ради, а не истины».

Такъ, въ этомъ и послѣдующихъ вѣкахъ опять появляется въ русскомъ письмѣ **ѫ**, опять въ иныхъ случаяхъ стали писать **ъ** и **ь** на мѣстѣ русскихъ **о** и **е**, ввели окончанія **-ый, -ій, -аго** въ прилагательныхъ вмѣсто рускихъ **-ой, -ей, -ого** (см. стр. 41), ввели **і, ѵ, ѡ** и др.; кромѣ того измѣнили самое начертаніе буквъ и стали снабжать слова разными надстрочными знаками и удареніями (югославянскими, поэтому не всегда совпадавшими съ русскими). Это эпоха, въ которую зарождаются правила, гдѣ писать **і**, гдѣ **и**, гдѣ писать **о**, гдѣ **ѡ** и т. п. Это правописаніе въ мало измѣненномъ видѣ употребляется и сейчасъ у насъ въ современной церковнославянской печати. Въ свѣтской печати часть этихъ правилъ дожило до нашего времени (напр. объ **і** и **и**), бо́льшая часть, къ счастью для нашей школы, забылась (намъ не приходится, напр., усваивать, гдѣ писать **о**, а гдѣ **ѡ**: сравн. современное церковнослав. ἐγὸ вин. п. и ἐγὼ род. п., проро́къ имен. ед. и проро́къ род. мн.

Новому важному измѣненію подверглось русское правописаніе при введеніи Петромъ Великимъ «гражданскаго» шрифта, которымъ печатаемъ мы теперь [1]), вмѣсто церковнаго, которымъ продолжаютъ печататься церковныя книги. Вводя новый шрифтъ, т.-е. мѣняя внѣшній

[1]) Первая книга, напечатанная этимъ шрифтомъ, была „Геометрія ілі пріемы ціркуля і ліпеікі“ 1708 г.

видъ самихъ буквъ, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ упростилъ письмо, хотя и не вполнѣ послѣдовательно. Онъ выбросилъ ѵ, ѫ, ѧ, з (оставилъ s), выбросилъ и (оставилъ і: печатали, напр., іsъ), но сохранилъ онъ ѯ (кс), щ, сохранилъ и двѣ пары: ѣ и е, ф и ѳ. Одновременно введены и арабскія цифры вмѣсто славянскихъ.

Послѣ письмо измѣнялось частично то въ лучшую, то въ худшую сторону. Такъ, при Петрѣ еще возстановлено и, позже возстановлено й, введено з вмѣсто s, введена опять ѵ и вновь придумана буква э. Изъ не удержавшихся нововведеній укажу і͡о въ значеніи ё: в с і͡о; буква ё изобрѣтена гораздо позже Карамзинымъ.

Петръ подвергъ измѣненію, какъ видимъ, собственно азбуку, а не правописаніе,—буквы, ихъ составъ и начертаніе, а не употребленіе; но эта реформа неизбѣжно отразилась, конечно, и на правописаніи, поскольку, напр., я стало писаться тамъ, гдѣ писался псключенный ѧ, і—тамъ, гдѣ писалось исключенное Петромъ и и т. п. Позднѣйшія частичныя измѣненія касались главнымъ образомъ самого правописанія. Что же касается старыхъ буквъ, которыя не были исключены Петромъ или которыя были возстановлены послѣ, то онѣ, только измѣнивъ свой внѣшній видъ, продолжали употребляться согласно правиламъ правописанія, сложившимся до Петра.

На стр. 55 я сказалъ, что литературнымъ языкомъ древней Руси сталъ чужой языкъ—церковнославянскій. Съ теченіемъ времени литературный языкъ все болѣе и болѣе вбиралъ въ себя русскіе элементы, и, наконецъ, въ половинѣ XVIII вѣка Ломоносовымъ въ качествѣ литературнаго утверждается русскій языкъ, т.-е. писатели начинаютъ писать такъ, какъ говорило тогдашнее образованное общество; а русскій языкъ образованнаго общества успѣлъ, въ свою очередь, вобрать въ себя много книжныхъ, т.-е. церковнославянскихъ, элементовъ; они живутъ въ немъ до сихъ поръ, и мы до того глубоко усвоили ихъ, что безъ спеціальныхъ научныхъ свѣдѣній не отличаемъ отъ исконныхъ русскихъ, и русскій языкъ отъ ихъ присутствія въ немъ не перестаетъ быть русскимъ. Намъ нѣтъ надобности долго останавливаться на исторіи литературнаго языка, но нелишне отмѣтить, что петровская реформа азбуки случилась, такъ сказать, наканунѣ ломоносовской реформы литературнаго языка. Переодѣвъ своихъ бояръ въ иноземные костюмы, Петръ и письменному языку далъ другой костюмъ (кстати: «гражданскій» русскій шрифтъ, введенный имъ, составленъ по образцу латинскаго); но не слѣдуетъ забывать, что ни шрифтъ ни правописаніе не мѣняютъ языка: языкъ петровскаго времени, хотя и въ новомъ костюмѣ, не былъ еще новымъ русскимъ литературнымъ языкомъ, а «Евгеній Онѣгинъ», хотя бы и напечатанный церковнымъ шрифтомъ, даже съ ѫ, остался бы все тѣмъ же.

Такимъ образомъ, современная азбука наша восходитъ къ пе-

тровской съ нѣкоторыми позднѣйшими поправками [1]), а правила употребленія буквъ въ большинствѣ коренятся глубже, въ меньшинствѣ же введены въ разное время гораздо позже.

Однимъ изъ самыхъ недавнихъ нововведеній являются предложенныя академикомъ Гротомъ въ руководствѣ «Русское правописаніе» (1-е изданіе 1885 г.), составленномъ имъ по порученію академіи наукъ, и принятыя въ нашемъ правописаніи хотя и не всѣми. Таково подъ удареніемъ **о** вм. **е** послѣ шипящихъ и **ц**: душ**о**й, меч**о**мъ, отц**о**въ, **-ого** вм. **-аго** въ род. п. прилагательныхъ: слѣпого и др.; однако мы и теперь продолжаемъ встрѣчать въ печати старыя написанія, въ родѣ меч**е**мъ или слѣп**а**го. Вообще, хотя современное русское правописаніе принадлежитъ къ числу установившихся правописаній (сравн., напр., русское правописаніе XIV вѣка), это не мѣшаетъ существованію въ немъ нѣкоторыхъ различій, касающихся отдѣльныхъ случаевъ и не считающихся орѳографическими ошибками. Руководство Грота составлено было съ цѣлью установить единое и наиболѣе совершенное правописаніе, но оно этой цѣли не достигло прежде всего потому, что его нововведенія не всѣ оказались наиболѣе совершенными. Но такъ или иначе, офиціально утвержденнымъ является у насъ правописаніе «гротовское», и съ нимъ согласуются школьныя грамматики; только напрасно это правописаніе въ учебникахъ и въ обществѣ называютъ «академическимъ», такъ какъ къ теперешнимъ изданіямъ руководства покойнаго Грота (а въ нихъ есть и перемѣны) академія наукъ не имѣетъ отношенія.

ГЛАВА VII.

Характеръ нашего современнаго правописанія.

Въ результатѣ той сложной и долговременной исторіи, изъ которой я привелъ главнѣйшіе факты, сложилось наше современное правописаніе со всѣми тѣми пріемами, происхожденіе которыхъ и отношеніе къ современному произношенію выяснялись въ IV-й главѣ.

Теперь обратимся къ общей характеристикѣ нашего правописанія.

На него можно смотрѣть или съ исторической точки зрѣнія, имѣя въ виду или исторію самого письма или исторію русскаго языка, или же съ точки зрѣнія современной, имѣя въ виду практику усвоенія его и пользованія имъ.

---

[1]) Азбука наша перешла и къ болгарамъ и сербамъ. Сербское правописаніе было реформировано, именно сближено съ произношеніемъ Вукомъ Караджичемъ въ первой половинѣ XIX вѣка.

I. Съ **исторической** точки зрѣнія, имѣя въ виду исторію самого **правописанія**, наше правописаніе—можно бы назвать *историческимъ*. Дѣйствительно, оно заключаетъ *церковнославянскія* написанія, среди которыхъ можно различать:

1) совпадавшія при введеніи письма и продолжающія совпадать съ русскимъ произношеніемъ; напр., с л у г а, т р а в а, д у ш а сочетанія ча, ща, употребленіе ѣ во многихъ случаяхъ и др.;

2) совпадавшія, но не совпадающія теперь, вслѣдствіе измѣненій въ самомъ русскомъ языкѣ; напр.: м е д ъ, с т о л ъ, н е с е м ъ, в о д а, сочетанія жи, ши и др.; и даже

3) никогда не совпадавшія; напр., окончанія прилагат. -а г о, -я г о.

Однако въ нашемъ правописаніи есть написанія и *нецерковнославянскія*. Въ нихъ можно различать написанія:

1) *русскія*; это плодъ измѣненій, въ разное время внесенныхъ подъ вліяніемъ русскаго произношенія, сознательно или по ошибкѣ; такова замѣна юсовъ черезъ **у**(**ю**), **а**(**я**) въ древности: г у с ь, в с ю, ч а с т ь, м я с о; таковы ошибочныя написанія, вошедшія потомъ въ правило, **е** вм. **ѣ** и **ѣ** вм. **е**, перечисленныя въ главѣ IV-й, § 4; таково **о** вм. **е** послѣ шипящихъ и **ц**, какъ д у ш о й, м е ч о м ъ, о т ц о м ъ и мног. друг.

2) *искусственныя*; таково употребленіе **і**; употребленіе **ъ** въ н о ж ъ, в р а ч ъ и т. п. въ отличіе отъ р о ж ь, н о ч ь или въ т у ч ъ, к о ж ъ, д у ш ъ и т. ц. (стр. 31); искусственное различіе -ы е, -і е, -ы я, -і я въ прилагательныхъ (стр. 42) и др.; нѣкоторыя изъ такихъ написаній случайно могутъ совпасть съ произношеніемъ, какъ н о ж ъ, но не в р а ч ъ (стр. 31).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что *историческій* принципъ, въ смыслѣ церковнославянскаго происхожденія письма, нарушенъ въ нашемъ правописаніи принципомъ фонетическимъ (по произношенію) и принципомъ полной условности (искусственность). Если бы мы теперь захотѣли писать строго исторически, намъ слѣдовало бы устранить изъ нашего правописанія всѣ измѣненія, которыя были внесены вѣками въ церковнославянское письмо для приноровленія его къ русскому языку. Образчикъ такого строго историческаго правописанія помѣщенъ въ приложеніи II-мъ, подъ № 2.

II. Съ **исторической** же точки зрѣнія, но имѣя въ виду исторію русскаго **языка**, а не письма, наше правописаніе можно бы назвать *этимологическимъ* [1]), такъ какъ оно, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ указываетъ на происхожденіе словъ или ихъ частей, — другими словами, говоритъ о *русскомъ* произношеніи въ прошломъ.

---

[1]) Этимологіей называется въ наукѣ с л о в о п р о и з в о д с т в о (слѣдовательно не то, что въ школьной грамматикѣ).

Такъ, *этимологическимъ* является у насъ, напр., правописаніе неударяемыхъ гласныхъ (гл. IV, § 24): вода, водяной, береза, выдача и т. д.; правописаніе согласныхъ передъ согласными и въ концѣ словъ (см. о глухихъ и звонкихъ § 22); правописаніе приставокъ без-, чрез- через- всюду съ з; правописаніе приставокъ из-, низ-, воз-, раз-(роз-) съ з передъ слѣдующимъ с; правописаніе ши, жи, ча, чу, ща, щу (§ 21); употребленіе буквы е (ё) для выраженія звука о: медъ (§ 18), употребленіе ѣ, ъ и ь во многихъ, но не во всѣхъ случаяхъ (§§ 4, 5) и др. Такъ какъ письмо наше заимствованное, то этимологическимъ для русскаго языка оно оказалось тамъ, гдѣ чужое церковно-славянское произношеніе случайно совпадало съ русскимъ; такимъ образомъ, вода или часъ одинаково могутъ считаться и церковно-славянскими и русскими этимологическими написаніями.

Но происхожденіе затемнено въ написаніяхъ *фонетическихъ*, вторгавшихся въ разное время въ правописаніе, по мѣрѣ измѣненія въ произношеніи. Фонетическими являются: замѣна ѣ буквой е, когда ѣ сталъ произноситься одинаково съ е (гл. IV, § 4); пропускъ ъ и ь или замѣна ихъ черезъ о и е (§ 5); измѣненіе з на с въ приставкахъ из-, низ-, воз-, раз-(роз-) передъ глухими (кромѣ с); употребленіе о вм. е послѣ шипящихъ и ц; ошибки въ употребленіи глухихъ и звонкихъ вродѣ гдѣ, здѣсь, свадьба, здоровъ (§ 22); написанія съ а подъ вліяніемъ «акающаго» произношенія вмѣсто первоначальнаго о, напр., барсукъ, калачъ, касатка, лапта, стаканъ, завтракъ, карманъ, крапива, паромъ вм. борсукъ, колачъ, косатка и т. д.; сюда же относится а въ собств. именахъ Авдотья, Алёна, Алфёръ и друг., вм. Овдотья, Олёна, Олфёръ, какъ и писали въ старину.

Затемняютъ происхожденіе и *искусственныя* написанія; такъ, противорѣчатъ происхожденію русскихъ окончаній искусственныя написанія -ый, -ій, -аго, -яго въ прилагат.; ъ въ ножъ, врачъ или въ тучъ, кожъ; приставка раз-, введенная вопреки русской роз, сохраняемой подъ удареніемъ: расписаніе, разговоръ, но роспись, розвальни, и др.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и *этимологическій* принципъ (или историческій въ смыслѣ происхожденія русскихъ словъ и ихъ частей) нарушенъ въ нашемъ правописаніи принципомъ фонетическимъ и принципомъ полной условности. Если бъ мы захотѣли теперь писать строго этимологически, намъ слѣдовало бы устранить изъ нашего правописанія все то, что не соотвѣтствуетъ происхожденію словъ русскаго языка, будь то церковнославянскія написанія или русскія по позднѣйшему выговору. При этомъ устраненіи можно было бы руководствоваться или *древнѣйшимъ* состояніемъ русскаго языка, открываемымъ наукой, или болѣе позднимъ, и именно той эпохи, которую мы назвали началомъ *новаго* русскаго языка (см.

стр. 57). Если примѣняться къ древнѣйшей эпохѣ, то строго этимологическое письмо немногимъ бы отличалось отъ строго историческаго; не нужно думать, что отличій совсѣмъ бы не было: и въ древнѣйшую эпоху русскій языкъ отличался отъ древняго церковно-славянскаго; это разные языки (ср. стр. 54). Образецъ такого правописанія помѣщенъ въ приложеніи II-мъ подъ № 3; въ немъ необходимы буквы для носовыхъ гласныхъ, необходимы ъ, ь не только въ концѣ, но и въ серединѣ слова, какъ и въ № 2; отличія отъ № 2, напр., въ словѣ «утвердилось», въ окончаніяхъ прилагательныхъ.— Если же руководствоваться указанной болѣе поздней эпохой,—что было бы не менѣе основательно,—то строго этимологическое письмо, считающееся, значитъ, тоже съ происхожденіемъ словъ, но не съ такимъ отдаленнымъ, имѣло бы видъ уже иной, дальше отъ № 1 и ближе къ современному. Образецъ такого правописанія помѣщенъ тамъ же подъ № 4; въ немъ ь—«мягкій знакъ». Это правописаніе такое, какое могло бы установиться въ XIV в., еслибъ оно тогда же было упорядочено на основѣ этимологическаго принципа (см. стр. 57); а съ произношеніемъ и тогдашнимъ оно расходилось бы во многихъ случаяхъ (напр., и тогда говорили уже где, зьдесь).

Фонетическія написанія, вторгавшіяся въ наше письмо и затемнявшія его или историческую или этимологическую основу, представляли собою, какъ мнѣ уже приходилось указывать, не что иное, какъ ошибки недостаточно грамотнаго, положившагося на свой слухъ; эти ошибки вошли потомъ въ правило. Но искажать историческія или этимологическія написанія могутъ ошибки и иного рода. А именно, ошибки могутъ возникать не подъ вліяніемъ произношенія, а подъ вліяніемъ сознаваемой говорящимъ связи даннаго слова съ другимъ, которое, однако, по происхожденію своему пишется иначе. Напр., въ сознаніи говорящій давно началъ и теперь продолжаетъ связывать слово смиреніе съ миръ, а свидѣтель съ видѣть, другими словами, «производить» смиреніе отъ миръ, а свидѣтель отъ видѣть, между тѣмъ какъ первое произошло отъ мѣра, имѣло смыслъ: «умѣренность, скромная мѣра» и писалось когда-то съмѣреніе, а второе произошло отъ вѣдѣти (знать), имѣло смыслъ: «тотъ, кто знаетъ» и писалось когда-то съвѣдѣтель. Такъ возникло теперешнее правописаніе этихъ словъ: сознаніе говорящаго связало слова, которыя по своему происхожденію не связаны. Но такая живая связь можетъ вести къ ошибкамъ въ письмѣ, основанномъ на этимологическомъ принципѣ, даже и въ томъ случаѣ, если она связываетъ слова дѣйствительно одного происхожденія; это случается тогда, когда данныя слова представляютъ разновидности одного и того же корня, успѣвшія запечатлѣться на письмѣ, но уже не различаемыя въ произношеніи. Возьмемъ наши кос-

нуться и касаться, положить и полагать, выскочить и скакать; каждая пара представляетъ слова въ разновидностями одного корня: съ **о** и **а**; эти **о** и **а** сохраняются на письмѣ, но произносятся одинаково; вслѣдствіе связи между ними, чувствуемой и теперь, возможны ошибки: косаться, предпологать, скокать или каснуться, полажить, выскачить. Совершенно такими же ошибками, но вошедшими въ правило, являются наши помогать, мокать, вмѣсто помагать (при помо́чь), макать (при мокну́ть). Также и цвѣлъ, цвѣсти первоначальныя ошибки по связи съ цвѣтъ (въ правописаніи когда-то различались разновидности одного и того же корня въ этихъ словахъ: цвьлъ, цвисти, цвѣтъ); такъ же возникло и сѣдло по связи съ сѣсть (первоначально седьло, сѣсти). Сравн. стр. 28.

Конечно, въ числѣ причинъ, вызывающихъ появленіе ошибочныхъ написаній, подобныхъ только что указаннымъ, нельзя не признавать и измѣненія въ произношеніи, но указаніемъ на одну эту причину объясненіе такихъ написаній не исчерпывается; важно отмѣтить и существованіе въ языкѣ и мысли говорящихъ *живой связи между словами, родственными по происхожденію или представляющимися родственными.* Намъ придется имѣть ее въ виду и при характеристикѣ нашего правописанія съ практической точки зрѣнія.

III. Понятно, что различные принципы, упоминаемые выше и лежащіе въ основѣ тѣхъ или иныхъ написаній, выясняются лишь при свѣтѣ исторіи правописанія и исторіи языка. Происхожденіе кое-какихъ словъ, за недостаткомъ данныхъ, и въ наукѣ, конечно, можетъ оставаться невыясненнымъ или спорнымъ вродѣ ветчина (по Гроту вядчина).

Если же, оставивъ въ сторонѣ исторію, мы посмотримъ на наше правописаніе съ **современной** точки зрѣнія, имѣя въ виду только **практику** усвоенія его и пользованія имъ, то основаніе, почему мы пишемъ такъ или иначе, окажется всюду, какъ бы мы ни писали, одно: «потому, что такъ принято». Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ не замѣчать, что въ однихъ случаяхъ правописаніе сходится, а въ другихъ расходится съ произношеніемъ (хотя здѣсь мы и можемъ ошибаться при недостаточной привычкѣ наблюдать звуки, а не буквы); пусть мы примемъ, что въ основаніи правописанія лежитъ произношеніе,—все-таки и тогда мы должны прійти къ такому заключенію: въ однихъ случаяхъ *принято* писать, какъ произносимъ, а въ другихъ — *принято* писать не такъ, какъ произносимъ.

Присматриваясь ближе къ правописанію, внѣ его исторіи, мы открываемъ въ написаніяхъ различія по отношенію къ современному языку и можемъ опять говорить о фонетическихъ, этимологическихъ и искусственныхъ написаніяхъ, но уже въ иномъ, чѣмъ выше, смыслѣ;

а именно, *фонетическими* назовемъ написанія, поддерживаемыя теперешнимъ произношеніемъ этихъ самыхъ словъ, *этимологическими*— поддерживаемыя произношеніемъ родственныхъ словъ и *искуственными* — не поддерживаемыя произношеніемъ ни этихъ самыхъ, ни родственныхъ словъ.

1) *Фонетическими*, напр., являются написанія словъ: воду, кладу, бью, травой, рыбу, мель, сужу, жаръ, эту и мн. др.: они цѣликомъ пишутся, какъ произносятся. Написаніе только части слова можетъ поддерживаться произношеніемъ этой части, хотя бы одной буквы—произношеніемъ соотвѣтствующаго ей звука. Такъ, въ вода поддерживается произношеніемъ в и да, въ водку—во и ку, въ ножъ—но, въ ножа—н и жа, въ дѣдъ—первое д, въ ровъ—ро и т. п.; правописаніе приставокъ из-, низ-, воз-, раз- съ с передъ глухими (но не передъ с) также поддерживается произношеніемъ.

Не слѣдуетъ думать, что наибольшее количество словъ, частей ихъ или отдѣльныхъ буквъ поддерживается въ письмѣ у лица, обладающаго московскимъ литературнымъ произношеніемъ: у окающаго сѣверновеликорусса, напр., все слово вода или ножа поддерживается произношеніемъ; у лица, говорящаго такимъ говоромъ, въ которомъ звонкіе въ концѣ словъ не переходятъ въ глухіе, и д въ дѣдъ и в въ ровъ поддерживается произношеніемъ.

Является вопросъ, почему же и въ такихъ случаяхъ, которые поддерживаются произношеніемъ, все-таки возможны ошибки у малограмотныхъ? Чѣмъ объясняются ошибки вродѣ «источникъ», «поденіе»? Онѣ объясняются, — кромѣ, конечно, недостаточнаго упражненія въ писаніи этихъ словъ,—одновременнымъ существованіемъ въ нашемъ правописаніи пного рода написаній, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ.

2) *Этимологическими* мы назовемъ, какъ сказано выше, написанія словъ или частей словъ, поддерживаемыя произношеніемъ другихъ словъ или частей другихъ словъ. Большинство принадлежащихъ сюда случаевъ относится къ правописанію гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ (гл. IV, § 24) и къ правописанію согласныхъ передъ согласными и въ концѣ словъ (гл. IV, § 22). Такъ, о въ вода или па́водка (род. п.) поддерживается произношеніемъ о въ водъ, водка, водный; д въ водъ, водка, паводка — произношеніемъ д въ вода, водный; еще примѣры: водяной — водъ, водянка; мн. ч. села, селить — сельскій; поливать—по́лилъ, поливка; часовой — часъ, часовъ; хлѣбъ—хлѣба, хлѣбный; кровь — крови, лавка — лавокъ, сказка — сказокъ; сдѣлать—спилить, входить—влѣзать. Правописаніе приставокъ без-, чрез-, через-, всегда съ з, въ положеніи ихъ передъ глухими (гдѣ слышится с) поддерживается произношеніемъ ихъ (съ з) передъ звонкими или передъ гласными: безпечный,

напр., поддерживается произношеніемъ словъ безбрежный, безупречный.

Поддержка, оказываемая однимъ словамъ со стороны другихъ, объясняется той связью, которая существуетъ между этими словами въ сознаніи каждаго говорящаго: они кажутся намъ родственными, происходящими одно отъ другого, какъ вода, водка, водный, паводокъ, наводненіе, или же составленными изъ однородныхъ частей, какъ спилить и сдѣлать, влѣзать и входить. На существованіе таковой живой связи между словами въ мысли и языкѣ я уже указывалъ (стр. 63). Она представляетъ собой крѣпкую опору при усвоеніи правописанія. Эта живая связь можетъ быть названа тоже *словопроизводствомъ*, или *этимологіей*, а потому и написанія, поддерживаемыя этой связью, мы назвали этимологическими. Только ее не надо смѣшивать съ *научной* этимологіей, открывающей дѣйствительное происхожденіе словъ, потому что *живая* этимологія можетъ совпадать и можетъ не совпадать съ дѣйствительнымъ происхожденіемъ словъ, а стало быть, и съ этимологіей научной. Дѣйствительно, съ одной стороны, связь, которая существуетъ между словами по происхожденію и открывается научнымъ анализомъ, можетъ и не сознаваться уже говорящими, а съ другой стороны, говорящій по разнымъ причинамъ можетъ связывать въ сознаніи такія слова, которыя происхожденіемъ на самомъ дѣлѣ не связаны. Такъ, съ одной стороны, между словами, напр., конецъ и начало существуетъ связь по происхожденію (они одного корня), какъ и между надобно и добрый, вонь и благоуханіе, но мы не чувствуемъ связи между ними, потому что они слишкомъ разошлись въ своей исторіи своими звуками или своими значеніями (а значенія словъ тоже мѣняются); съ другой стороны, мы связываемъ въ своемъ сознаніи слова разнаго происхожденія: смиреніе съ миръ, свидѣтель съ видѣть (см. выше, стр. 62). Такимъ образомъ, правописаніе смиреніе, свидѣтель этимологическое не съ точки зрѣнія происхожденія, а съ точки зрѣнія живой этимологіи. Таково же помогать, мокать. Таково же правописаніе слова оводъ, въ которомъ сознаніе видитъ корень вод, ласковый, гдѣ сознаніе видитъ суффиксъ -ов, вопреки старому правописанію, согласному съ происхожденіемъ: овадъ, ласкавый.— Подобнымъ образомъ, напр., апрѣль получилъ ѣ: иностранное слово живое сознаніе сблизило со своимъ «прѣть» («въ апрѣлѣ земля прѣетъ»). Совершенно такъ же малограмотный пишетъ «Спередонъ» вм. Спиридонъ, сблизивъ въ своемъ сознаніи это чужое слово со своими «передъ», «спереди». Нѣчто подобное представляетъ собою правописаніе славяне вм. первоначальнаго словяне, съ тою только разницей, что производство отъ «слава» — намѣренный домыселъ извѣстной эпохи, а не плодъ безыскусственнаго сближенія.

3) Написанія, никакъ не поддерживаемыя произношеніемъ, являются для насъ *искусственными;* они могли бы быть названы и «историческими», такъ какъ поддерживаются только преданіемъ, идущимъ или отъ древности, или съ недавнихъ поръ. Сюда отойдетъ громадное число случаевъ: употребленіе всѣхъ «лишнихъ» буквъ, напр., **і, ѣ** (безразлично, правильно или неправильно по происхожденію пишемъ его), отчасти **ъ** и **ь**; всѣ искусственно возникшія написанія, если они случайно не совпали вполнѣ съ произношеніемъ или не сблизились настолько, что разница и не могла бы быть передана въ практическомъ письмѣ; не совпадаютъ, напр., искусственныя написанія е я, о н ѣ, о д н ѣ, -т ь с я, в р а ч ъ, д а ч ъ (совпадаютъ теперь н а ш ъ, д у ш ъ, очень близки -ы й, -і й); сюда же отойдутъ и всѣ случаи, когда живая этимологія продолжаетъ связывать слова хотя и одного корня, но съ разнымъ правописаніемъ, какъ к а с а т ь с я и к о с н у т ь с я и т. п., или когда почему-либо нѣтъ слова, которое своимъ произношеніемъ указало бы на правописаніе, какъ б е р е з а, к о р о в а (по отношенію къ первымъ **е** и **о**), или когда живая этимологія не связываетъ словъ, дѣйствительно одного происхожденія, напр., въ н а д о б н о правописаніе перваго **о** не поддерживается родственными словами д о б р ы й, у д о б н ы й, потому что н а д о б н о уже не связывается съ ними въ сознаніи.

Съ какой бы изъ трехъ точекъ зрѣнія мы ни посмотрѣли на наше правописаніе, оно отличается *непослѣдовательностью*, происходящей отъ смѣшенія различныхъ принциповъ. Въ правописаніи, какъ практическомъ дѣлѣ, важнѣе всего точка зрѣнія практическая (III). Непослѣдовательности, оказывающіяся въ правописаніи съ этой стороны, затрудняютъ его усвоеніе. Фонетическій принципъ, первый, съ которымъ знакомится обучающійся грамотѣ, усваивая значеніе буквъ, очень скоро нарушается принципомъ живой этимологіи, когда ему придется написать в о д а или н о ж ъ; но и ему довѣриться нельзя, такъ какъ онъ нарушается тѣмъ же фонетическимъ, когда придется написать л ѣ с т н и ц а, которая, конечно, связывается въ сознаніи съ л ѣ з т ь, или с в а д ь б а, которая связывается со с в а т а т ь и т. п.; а кромѣ того онъ нарушится и искусственностями. Если при усвоеніи правописанія можно опираться на в о д н ы й для того, чтобы привыкнуть правильно писать в о д а, на п е р е м е ж а т ь с я или на п е р е м ѣ ш а т ь, чтобы писать в п е р е м е ж к у или в п е р е м ѣ ш к у,—то другими путями приходится утверждать привычку правильно писать к о р о в а или б е р е з а, е я, д о б р а г о. Въ силу этимологическаго принципа намъ сплошь и рядомъ приходится писать **о** въ соотвѣтствіи звуку **а** (в о д а), звонкую согласную въ соотвѣтствіи глухому звуку (р а з с в ѣ т ъ) и наоборотъ (о т д ы х ъ); отсюда возможность ошибокъ, вродѣ «п о д е-

ніе», «предстовлять», «преподовать», несмотря на этимологически правильный и ясно слышащійся а, или «источникъ», несмотря на ясно слышащійся с.

Тотъ, кто пишетъ не сразу слово, о которомъ думаетъ, а еще мысленно произноситъ его (а иногда даже и шепчетъ) передъ тѣмъ, какъ написать, тотъ можетъ написать то, что слышитъ, вмѣсто того, что надо написать; это ясно само собой; но именно онъ же, замѣтимъ себѣ, вмѣсто фонетическаго написанія можетъ примѣнить неожиданно какое угодно, даже искусственное, разъ уже встрѣчался съ ними; таковы ошибки вродѣ дѣйствительно видѣнной мною «проказниться» вм. проказница; возможна, значитъ, «птиться» вм. птица; такія ошибки мы называемъ обыкновенно мудрствованіями; возможны онѣ у того, кто слышитъ (мысленно) ца и невольно, по случайной ассоціаціи вспоминаетъ о ться, которымъ передаются тѣ же или почти тѣ же звуки, напр., въ разниться и биться. Подобныя ошибки возможны еще при диктовкѣ, какъ необычномъ процессѣ письма (когда слуховыя впечатлѣнія получаютъ искусственно такую роль, какой не играютъ въ нормальномъ письмѣ). Таковы же мудрствованія: «присудствіе» (по ассоціаціи съ слѣдствіе и т. п.), «учавствовать» (чувствовать) и т. п. На подобной же неожиданной для грамотнаго ассоціаціи основанъ вопросъ, предложенный мнѣ дѣвочкой, только что начинающей писать: какъ пишется «рисовать»: «ова» или «аго»? На мое удивленіе по поводу «аго» она замѣтила: пишется же «Толстáго»! Для нея, встрѣтившей въ книгѣ или газетѣ, не знаю,—правописаніе «Толстаго», одинаково возможнымъ кажется правописаніе «рисовать» и «рисаготь».

Наше правописаніе не принадлежитъ къ числу легкихъ для усвоенія, хотя оно легче французскаго и, въ особенности, англійскаго, про которое кто-то сказалъ, что по-англійски пишется какъ угодно, но только не такъ, какъ произносится. Усвоеніе нашего правописанія затрудняется непослѣдовательностями, происходящими отъ смѣшенія различныхъ принциповъ. Оно было бы легче, если бы составъ азбуки былъ *проще* («лишнія» буквы), а употребленіе буквъ, правописаніе въ собственномъ смыслѣ, было *единообразнѣе* (непослѣдовательности).

Во избѣжаніе недоразумѣнія я долженъ сдѣлать одно замѣчаніе. Я приводилъ ошибки малограмотныхъ. Конечно, ошибками нельзя доказать трудность правописанія: онѣ могутъ происходить не только отъ его трудности (можно и трудное дѣло научиться дѣлать безошибочно). Ошибки, приведенныя мною, должны служить лишь примѣрами для освѣщенія психологіи усваивающихъ наше непослѣдовательное правописаніе, а на изученіи этой психологіи должны основываться разумные методы обученія правописанію.

ГЛАВА VIII.

Процессы чтенія и письма и обученіе правописанію.

Несоотвѣтствіе между правописаніемъ и произношеніемъ и непослѣдовательность, о которой говорилось въ прошлой главѣ, затрудняютъ усвоеніе правописанія. Но какъ только мы оставимъ обучающихся письму и обратимся къ вполнѣ уже грамотнымъ, то увидимъ, что ни неточности, ни непослѣдовательности правописанія не затрудняютъ грамотнаго ни въ письмѣ, ни въ чтеніи. Сила привычки такова, что намъ начинаетъ казаться, будто усвоенное письмо какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ языку; мы не чувствуемъ неудобства отъ того, что ж ж о к (или з ж о к) пишемъ «сжегъ», р о ш—«рожь», й и j о—въ однихъ случаяхъ «ее», а въ другихъ—«ея», что какое-нибудь «запрягся» оканчивается въ языкѣ на -о к с а. Точно такъ же грамотному французу не мѣшаетъ читать и писать, что слово, напр., b e a u c o u p, состоящее изъ 4 звуковъ (боку́), пишется 8-ю буквами, или англичанину,—что слово S h a k e s p e a r e произносится «шекспир». Напротивъ, привычка къ письму мѣшаетъ намъ на первыхъ порахъ слышать звуки, если мы приступимъ къ изученію научной фонетики русскаго языка. И въ школьномъ преподаваніи мы постоянно встрѣчаемся съ привычкой переносить на языкъ то, что есть въ правописаніи. Мнѣ случилось слышать увѣреніе одного образованнаго человѣка, будто онъ произноситъ различно *и* и *і* [1]).

Грамотнымъ при чтеніи, наоборотъ, помогаютъ пониманію очень многія неточности, непослѣдовательности и искусственности, которыя затрудняютъ усвоеніе письма; такую роль играетъ ѣ, различія вродѣ м і р ъ и м и р ъ, е е и е я, ж е н и т с я и ж е н и т ь с я и т. п. Не даромъ нѣкоторые искренне, но ошибочно думаютъ, что, если исключить ѣ, то «нельзя» будетъ понять фразу «солнце село за село».

Почему же несоотвѣтствіе между буквами и звуками насъ не затрудняетъ, а, наоборотъ, можетъ помогать? Выходитъ какъ будто, что языкъ, къ посредству котораго прибѣгаютъ въ звуковомъ письмѣ (см. гл. I), оказывается не при чемъ.

Отвѣтить на это недоумѣніе—значитъ выяснить себѣ, что такое

---

[1]) Подобное недоразумѣніе скрывается въ обычномъ школьномъ названіи „сомнительная“ согласная, употребляемомъ при обученіи правописанію; оно заставляетъ думать о какихъ-то сомнительныхъ звукахъ б и ж, напр., въ г р о б ъ или п р я ж к а, гдѣ звуки п и ш самые несомнѣнные; не буду отвлекаться въ сторону практическаго вопроса, но не могу не замѣтить, что ученика можно заставить повѣрить и этому, но что насиліе надъ здравымъ смысломъ не проходитъ даромъ.

полная грамотность въ отличіе отъ полуграмотности; а для этого необходимо пониманіе, въ чемъ состоятъ психологическіе процессы чтенія и письма.

Дѣло въ томъ, что, какъ выяснено психологическими изслѣдованіями [1]), грамотный при чтеніи вовсе не читаетъ подъ рядъ букву за буквой, а схватываетъ общій образъ слова, даже нѣсколькихъ словъ; и трудно сказать, какія буквы въ словѣ играютъ при этомъ главнѣйшую роль: во всякомъ случаѣ не нужно думать, что непремѣнно—первыя. Этотъ общій образъ сразу вызываетъ въ умѣ значеніе слова. Общеизвѣстный фактъ, что мы очень часто не замѣчаемъ опечатокъ при бѣгломъ чтеніи. Малограмотный же не схватываетъ сразу общаго образа слова, иначе говоря, у него еще нѣтъ въ умѣ такихъ образовъ: онъ читаетъ букву за буквой или слогъ за слогомъ. Главнѣйшее здѣсь то, что онъ долженъ вызвать въ своей памяти звуки, изображенные буквами, а на извѣстной ступени грамотности даже прямо сказать или прошептать ихъ,—и тогда эти звуки, произнесенные или только представленные мысленно, вызовутъ значеніе слова. А звуки словъ у всякаго говорящаго связаны со значеніями: въ этомъ и состоитъ то, что называется языкомъ. Итакъ, у малограмотнаго процессъ протекаетъ дольше: зрительныя впечатлѣнія должны еще вызвать «слуховой образъ», чтобы слово было понято; грамотный же не нуждается въ такомъ посредствѣ: слуховой образъ отъ частаго упражненія выпалъ изъ его процесса. Изъ психологіи извѣстно, что подобнымъ образомъ—путемъ устраненія посредствующаго звена въ цѣпи воспоминаній—мы вырабатываемъ всѣ привычныя дѣйствія: такъ выучиваемся ходить; такъ музыкантъ привыкаетъ бѣгло играть по нотамъ, уже не думая о самихъ нотахъ; такъ, между прочимъ, мы при помощи словъ мыслимъ о предметахъ, а не о самихъ словахъ; такъ же мы выучиваемся понимать и говорить на чужомъ языкѣ: сначала чужое слово вызываетъ въ нашемъ сознаніи соотвѣтствующее слово нашего языка, а это послѣднее уже вызываетъ представленіе о предметѣ; позже посредствующій членъ—представленіе своего слова—выпадетъ, чужое слово сразу будетъ вызывать представленіе о предметѣ: мы усвоили чужой языкъ.

То же съ письмомъ. У грамотнаго значеніе слова сразу, при извѣстномъ содѣйствіи слуховыхъ воспоминаній, вызываетъ мускульныя воспоминанія движеній руки («рукодвигательныя» воспоминанія, слѣдъ той работы, которую рука производила въ прошломъ), и рука сразу пишетъ букву за буквой. Малограмотный долженъ опять вызвать сначала посредствующее воспоминаніе, а именно зрительный образъ буквъ, чтобы появились у него воспоминанія рукодвигательныя. «Одного взгляда на быстро написанный черно-

[1]) См. указатель пособій въ приложеніи IV-мъ, 4.

викъ достаточно, чтобы убѣдиться, насколько отдѣльныя буквы играютъ роль при писаніи» (проф. Томсонъ).

Отсюда выводъ: отдѣльныя буквы ни при чтеніи, ни при письмѣ, когда то и другое усвоено вполнѣ, большой роли не играютъ. Поэтому и неважно для вполнѣ грамотнаго, точно или неточно онѣ передаютъ звуки. На почвѣ привычнаго чтенія и письма по непослѣдовательному правописанію, какимъ является наше, вырабатываются совершенно новыя соотношенія между звуками и буквами, чѣмъ на первыхъ шагахъ усвоенія письма. Эти новыя соотношенія настолько сложны, что было бы очень трудно ихъ опредѣлить: трудно съ точки зрѣнія соотношенія между буквой и звукомъ оцѣнить привычки глаза и руки; если, однако, попытаться это сдѣлать, то мы найдемъ, что, напр., буква **о** является не только «буквой **о**», а и «безударной буквой», такъ какъ рука привыкла писать ее, а глазъ—видѣть тамъ, гдѣ не только звукъ **о**, но и безударные звуки, между прочимъ **а** (см. гл. V). И если у пишущаго нѣтъ прочнаго образа словъ, то, «разсуждая», онъ можетъ написать и п а д е н і е и п о д е н і е, п р е п о д а в а т ь и п р е п о д о в а т ь.

Но для выясненія процессовъ грамотнаго чтенія и письма и неважно было бы точное опредѣленіе всѣхъ этихъ новыхъ соотношеній между буквами и звуками, такъ какъ прочный зрительный образъ слова, гарантирующій правильное писаніе, разлагается именно не на буквы, а на иныя части. Слова дробятся у насъ при письмѣ и чтеніи на извѣстныя составныя части соотвѣтственно своему значенію, а значенія словъ слагаются изъ значеній корней, суффиксовъ, окончаній, приставокъ. Мы пишемъ и читаемъ не по буквамъ и не по слогамъ, а именно по составнымъ частямъ словъ (нѣтъ нужды, что это практическое дѣленіе и не совпадетъ съ научнымъ, т.-е. по дѣйствительному происхожденію слова; пусть, напр., въ словѣ в о з о п и т ь мы считаемъ приставкой в о з о, а не в о з). Не звуки языка вступаютъ въ соотношенія съ буквами, а составныя части словъ языка—съ зрительными образами этихъ частей. Эти части повторяются въ разныхъ словахъ (иначе бы говорящій и не сознавалъ ихъ въ своемъ языкѣ). Вотъ почему для усвоенія письма и для чтенія легче, если эти одинаковыя части пишутся одинаково; напр., легче, если окончаніе род. п. прилаг. писалось бы только о г о или только а г о (или какъ-нибудь иначе, но однообразно); единообразіемъ части в о д облегчается и письмо и чтеніе словъ: в о д ъ, в о д а, в о д о п о й, п о в о д о к ъ и т. п.; легче и для того и для другого, если бы п р і у р а л ь с к і й писалось **п р и у р а л ь с к і й**, какъ и **п р и м о р с к і й**, или если бы приставка р а з—р о з—р а с—р о с писалось по одному любому образцу. Съ указанной точки зрѣнія легче написанія с ъ у з и т ь, с ъ у м а с ш е д ш і й, б е з ъ у м н ы й. Что говорящій сознаетъ одинаковыя составныя части въ словахъ, видно изъ ошибокъ малограмотныхъ, вродѣ в ъ х о д ъ, В ъ в е д е н ь е по

образцу въѣздъ, отъвѣтъ по образцу отъѣздъ. Въ связи съ изложеннымъ понятно и недавно оставленное правописаніе г-жа Гнѣдичь при г-нъ Гнѣдичъ по образцу ночь при врачъ.

Пониманіе психологической основы въ процессѣ чтенія и письма важно въ вопросѣ о реформѣ правописанія. Еще болѣе важно оно въ вопросѣ о **методахъ обученія письму.** Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ выводъ: вполнѣ грамотнымъ можетъ считаться только письмо вполнѣ автоматическое, когда *рука* сама пишетъ, а случайная ошибка сейчасъ же замѣчается *глазомъ*. Поэтому при оцѣнкѣ разныхъ способовъ обученія разумными слѣдуетъ признать только тѣ, которые помогаютъ пріобрѣтенію навыковъ руки и глаза, а не мѣшаютъ. Я не буду вдаваться въ подробности въ этомъ вопросѣ, какъ предупредилъ въ предисловіи, но считаю полезнымъ вкратцѣ указать на то, что является логическимъ выводомъ изъ высказанныхъ общихъ положеній; при этомъ я воспользуюсь соотвѣтствующими главами книги проф. Томсона «Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его» (Одесса, 1903), написанной, какъ значится въ заглавіи, «въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія» и представляющей собою принципіальное возраженіе противъ реформы; авторъ полагаетъ, что «необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія» (таково заглавіе его брошюры, Одесса, 1905). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о реформѣ самаго правописанія, нельзя не признать, что преподаваніе правописанія дѣйствительно нуждается въ реформѣ, о чемъ въ послѣднее время высказано немало авторитетныхъ мнѣній (см. указатель въ приложеніи IV-мъ).

Правильно писать нельзя научиться путемъ одного чтенія: для письма нужны болѣе точныя воспоминанія зрительныхъ образовъ словъ. Если для того, чтобы научиться ходить, надо ходить, чтобъ научиться играть на роялѣ, надо играть на роялѣ, то ясно, что для того, чтобъ научиться правильно писать, нужно правильно писать. Необходимо возможно больше упражненій въ *правильномъ* письмѣ. Такими упражненіями является списываніе на первыхъ порахъ съ текста, напечатаннаго рукописными буквами (теперь есть такія пособія). У грамотнаго значенія словъ связаны уже прямо съ движеніями руки. Нужно при обученіи письму выбирать такіе способы, которые вели бы именно къ утвержденію такой связи; поэтому нужно, чтобъ учащійся при списываніи отдавалъ себѣ отчетъ въ смыслѣ того, что списываетъ; по достиженіи извѣстной степени грамотности путемъ списыванія необходимо возможно шире поставить «произвольное писаніе» (письма, дневникъ, «сочиненія»), при чемъ не слѣдуетъ заставлять исправлять написанное. Исправленіе ошибокъ учениками идетъ во вредъ усвоенію правильнаго письма, такъ

какъ даетъ поводъ видѣть неправильное начертаніе. Преподаватель, конечно, долженъ просматривать написанное, съ тѣмъ чтобы знать, въ какую сторону направить упражненія въ правильномъ письмѣ. Учащіеся должны имѣть орѳографическіе справочники.

Изъ тѣхъ же общихъ основаній вытекаетъ и осужденіе другихъ существующихъ способовъ обученія правописанію. Диктовка идетъ болѣе всего въ разрѣзъ съ указанными принципами, ничѣмъ не утверждая связи между значеніями словъ и ихъ правильными написаніями, усиливая какъ разъ ненужную связь съ слуховыми впечатлѣніями и вводя въ опытъ невѣрныя написанія; вотъ почему проф. Томсонъ, говоритъ, что частой диктовкой можно изъ грамотнаго сдѣлать неграмотнаго. Заучиваніе правилъ не достигаетъ цѣли, потому что правило предполагаетъ сознательное примѣненіе, что̀ не сходится съ механическимъ характеромъ грамотнаго письма. Конечно, мы безсознательно дѣлаемъ тѣ же обобщенія, которыя выражаются въ правилахъ, и съ этой стороны нѣкоторыя изъ нихъ могутъ помогать; но практически нерасчетливо то громадное число правилъ, до котораго дошли наши руководства. Къ заучиванью наизусть перечней словъ, напр., съ буквой *ъ*, примѣнимо то же, что сказано о правилахъ; оно предполагаетъ сознательную справку въ этомъ перечнѣ не только при словѣ съ буквой *ъ*, но и при каждомъ словѣ съ буквой *е*. Про исправленіе неправильныхъ написаній, нарочно для этого напечатанныхъ въ пособіи, можно сказать, что нельзя придумать лучшаго средства для утвержденія безграмотности; оно годилось бы для приготовленія опытныхъ корректоровъ. Понятно само собой, что и угадыванье буквъ или выборъ изъ двухъ напечатанныхъ одна подъ другой (что̀ кто-то назвалъ «орѳографической провокаціей») идетъ въ разрѣзъ съ принципами утвержденія правописанія, которое должно заключаться, такъ сказать, въ глазу и рукѣ.

Противъ диктовки возражаютъ не только какъ противъ способа обученія, но и какъ противъ способа провѣрки, такъ какъ писаніе подъ диктовку принципіально ненормальное: условія его совершенно иныя благодаря именно сильному возбужденію слуховыхъ представленій (ср. стр. 69).

Противъ списыванья приводятъ обыкновенно возраженіе какъ противъ механическаго занятія. Какъ ни почтенно стремленіе сдѣлать занятія сознательными, принципіально это возраженіе основано на недоразумѣніи: вѣдь самъ процессъ грамотнаго письма есть процессъ механическій; наконецъ, и списываніе допускаетъ разнообразіе въ пріемахъ, и возможны такіе, которые до извѣстной степени парализовали бы механичность, поскольку она не вселяетъ охоты. Но это уже подробности, на которыхъ я не имѣю возможности здѣсь останавливаться.

Сказанное объ обученіи правописанію можно бы заключить такъ: если теперь трудно дается въ школѣ правописаніе, то не только

потому, что оно само трудно, но также и потому, что нѣкоторые способы обученія ему этому способствуютъ; можно сказать, что если правописаніе все-таки усваивается такъ или иначе, то не *благодаря* этимъ способамъ, а *несмотря* на нихъ. Въ школѣ немало письменныхъ упражненій, но много ли изъ нихъ такихъ, которыя не преслѣдовали бы именно орѳографической цѣли? «Бѣдствіе школы», говоритъ проф. Томсонъ, «въ томъ, что учатъ не навыку писать, а разными окольными путями добиваются того, чтобы буквы были на своихъ мѣстахъ» [1]). Смѣло можно сказать, что если мы будемъ учить только правописанію, при какомъ угодно облегченномъ правописаніи, то никогда ему не будемъ выучивать, по крайней мѣрѣ, прочно; и, наоборотъ, широко поставивъ письмо въ школѣ съ цѣлью упражненія въ выраженіи мыслей и привязавъ къ этому обильному письму обученіе правописанію, какъ побочную цѣль, мы будемъ выучивать и правописанію. Пусть не кажется это парадоксомъ: вспомнимъ, что писаря правильно пишутъ иногда исключительно только благодаря практикѣ. Дѣло школы—ея программъ и преподавателей—поставить на разумныхъ началахъ практику письма.

ГЛАВА IX.

Сравнительное достоинство различныхъ принциповъ правописанія въ связи съ вопросомъ о его реформѣ.

Мы видѣли въ главѣ VII-й, что, съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на наше правописаніе, оно является непослѣдовательнымъ. Непослѣдовательности съ точки зрѣнія собственно-исторической безразличны для практики; непослѣдовательности же съ точки зрѣнія современнаго произношенія и живой этимологіи затрудняютъ, какъ говорилось, усвоеніе правописанія. Но мы знаемъ также, что усвоившихъ правописаніе уже не затрудняютъ его недостатки, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они даже помогаютъ имъ (при чтеніи).

Однако вопросъ о реформѣ правописанія поднимался неоднократно, всякій разъ встрѣчая перваго и самаго естественнаго врага въ привычкѣ пишущихъ и читающихъ, для которыхъ всякое новое правописаніе было бы неудобно, «смѣшно» или даже «противно», какъ нѣкоторые говорятъ.

Мы будемъ имѣть въ виду только такую реформу, которая предпринималась бы съ цѣлью облегчать учащимся усвоеніе правописанія; реформа, преслѣдующая иную какую цѣль, едва ли бы заслуживала широкаго общественнаго вниманія.

Если правописаніе само по себѣ трудно для усвоенія, то вполнѣ

[1]) „Реформа въ ущербъ грамотности“... стр. 18.

естественно желаніе облегчить это усвоеніе путемъ реформы самаго правописанія; если, далѣе, трудности очевидно зависятъ отъ непослѣдовательности, то естественно стремиться къ этому облегченію путемъ устраненія непослѣдовательностей, или, что то же, путемъ установленія въ немъ единообразія съ точки зрѣнія того или другого принципа. Но какому изъ борющихся въ нашемъ правописаніи принциповъ отдать предпочтеніе?

Можно себѣ представить наше правописаніе реформированнымъ различнымъ образомъ, и каждый разъ одинаково съ цѣлью единообразія. Можно представить себѣ его реформированнымъ съ цѣлью единообразія съ точки зрѣнія *собственно-исторической*, путемъ устраненія всего того, что вѣками вошло въ церковнославянское письмо и приноровляло его къ русскому языку (см. стр. 60 и въ приложеніи II образчикъ № 2); оно явилось бы тогда въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ новое церковнославянское правописаніе, употребляемое теперь въ нашихъ церковныхъ книгахъ, такъ какъ мы знаемъ (см. гл. VI), что это послѣднее уже результатъ немалыхъ измѣненій, внесенныхъ въ древнее письмо. Кажется, никто не мечтаетъ о такой реформѣ. Нечего и говорить, что она не облегчила бы усвоенія, несмотря на достигнутое единообразіе.

Можно представить себѣ наше правописаніе реформированнымъ примѣнительно къ современному произношенію, т.-е. съ послѣдовательно проведеннымъ *фонетическимъ* принципомъ. Естественно при этомъ выбрать именно московское литературное произношеніе. Возможно допустить и нѣкоторыя колебанія въ написаніяхъ согласно колебаніямъ въ этомъ произношеніи. Но строго фонетическое письмо—это то, что мы называли фонетической транскрипціей и что по своей сложности можетъ быть совсѣмъ непригодно для практики. Правда, степень точности можетъ быть различна; но, какъ ни уменьшать степень точности такого письма, приспособляя его для практики, это уменьшеніе не можетъ итти далѣе извѣстныхъ границъ, за которыми письмо перестало бы быть фонетическимъ; напр., оно перестало бы быть такимъ, если допустить обозначеніе разныхъ звуковъ одной буквой (для примѣра припомнимъ столь распространенный у насъ полуглухой звукъ, который мы въ транскрипціи условно передавали буквою ъ). Слѣдовательно, строгая послѣдовательность въ фонетическомъ отношеніи приводитъ къ необходимости ввести лишнія буквы въ азбуку или придать новое значеніе старымъ, за ненадобностью исключаемымъ изъ азбуки, напр., ъ, или і, или ѣ. Примѣръ фонетической транскрипціи разной степени точности см. въ приложеніи I-мъ.

Можно представить себѣ, наконецъ, наше правописаніе реформированнымъ съ точки зрѣнія *научно-этимологической*, устранивъ все то, что противорѣчитъ происхожденію словъ. Но мы уже говорили, что происхожденіе можно брать болѣе отдаленное и болѣе близкое,

или начало новаго русскаго языка (см. стр. 61—62 и въ приложеніи II образчики №№ 3 и 4); и реформировать современное правописаніе можно было бы двояко: примѣнительно къ тому или другому. Такая реформа примѣнительно къ *отдаленному* происхожденію русскаго языка не облегчила бы, а затруднила бы усвоеніе, поскольку потребовалось бы различать на письмѣ въ большемъ, чѣмъ теперь, числѣ случаевъ то, что не различается уже въ языкѣ, напр., сверхъ **ѣ** еще **у** и **я** старыя и **у** и **я** изъ носовыхъ гласныхъ, **о** и **е** старыя и **о** и **е** изъ **ъ** и **ь** и др.; такая реформа потребовала бы новыхъ буквъ и упражненій для усвоенія ихъ употребленія. Такая же реформа, но примѣнительно къ болѣе *близкому* происхожденію нашего языка, не только не потребовала бы введенія новыхъ буквъ, но и позволила бы устранить нѣкоторыя существующія. Этимъ она облегчила бы усвоеніе. Но она потребовала бы исправленія многихъ написаній согласно происхожденію, въ родѣ **борсук**, **колач** и т. п. (стр. 61), **овад**, **ласкавый** (стр. 65), **помагать** (стр. 63), **задхлый** (стр. 34), **тощно** (вм. **тошно**), **кде**, **сдесь** (стр. 34) и т. п., потребовала бы въ прилагательныхъ муж. р. употребленія русскихъ окончаній: **доброй**, **синей**, **доброго**, **синего** и нѣкоторыхъ другихъ перемѣнъ. Подобныя измѣненія, конечно, не облегчили бы, но и не затруднили бы усвоенія, такъ какъ безразлично, разумѣется, усваивать **калач** или **колач** и т. д., **добрый** или **доброй** и т. п. Кстати замѣчу, что подобное этимологическое правописаніе употребляютъ нѣкоторые любители,—конечно, изъ ученыхъ, такъ какъ для этого необходимо знаніе исторіи русскаго языка (они приближаются къ моему образцу № 3, но по извѣстнымъ научнымъ соображеніямъ не устраняютъ **ѣ** и возстановляютъ **ѣ** и **е**, гдѣ нужно этимологически).

Мы видимъ, что правописаніе можно сдѣлать единообразнымъ, послѣдовательно проведя любой принципъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что есть границы, за которыми теоретическое усовершенствованіе правописанія въ смыслѣ его послѣдовательности приноситъ уже съ собой практическія неудобства, именно для усвоенія. Наконецъ, нельзя не видѣть, что не грозитъ затрудненіями усвоенію послѣдовательность только *этимологическаго* принципа при условіи, если не примѣняться къ отдаленному происхожденію русскаго языка, а такъ какъ эта послѣдовательность позволяетъ устранить нѣкоторыя лишнія буквы изъ азбуки, то она можетъ усвоеніе и облегчить. Итакъ, вопросъ о томъ, какой изъ борющихся въ нашемъ правописаніи принциповъ, послѣдовательно проведенный, могъ бы облегчить усвоеніе, слѣдуетъ рѣшить въ пользу этимологическаго. Ниже мы увидимъ преимущества его же и съ другихъ сторонъ (стр. 79).

Мы разсуждали о возможности облегчить усвоеніе правописанія при условіи строгой послѣдовательности того или иного принципа. Но если съ практической точки зрѣнія строгую послѣдовательность

вполнѣ возможно принести въ жертву легкости усвоенія, то не оказалось ли бы самымъ легкимъ для усвоенія такое правописаніе, которое было бы основано на *фонетическомъ* принципѣ, но *съ отступленіями* отъ него въ тѣхъ случаяхъ, когда точность является уже неудобствомъ? Реформированное такимъ образомъ правописаніе уже не явилось бы единообразнымъ; оно заключало бы въ себѣ написанія фонетическія и написанія условныя и не заключало бы написаній этимологическихъ (написанія въ родѣ рыбы, утку не могли бы разсматриваться тогда какъ этимологическія, потому что они остались бы и тогда безъ перемѣнъ только потому, что случайно совпадаютъ съ произношеніемъ). Я замѣтилъ выше (стр. 74), что фонетическое правописаніе съ извѣстнаго рода отступленіями уже перестаетъ быть фонетическимъ; но дѣло не въ названіи; по преобладающему въ немъ принципу будемъ называть его *фонетическимъ* и прибавимъ: *упрощеннымъ*. Упрощенное фонетическое правописаніе не должно требовать новыхъ буквъ, напр., оно можетъ довольствоваться передачей черезъ **й** и звука j и звука **и** неслогового, или одной буквой для звука **г** и звука γ (гл. IV, § 13) и т. п.; словомъ, можетъ помириться съ неразличеніемъ на письмѣ нѣкоторыхъ звуковыхъ различій. Такимъ же образомъ въ немъ можно было бы допустить передачу полуглухихъ звуковъ (обозначавшихся у насъ въ транскрипціи черезъ **ъ** и **ь**) при помощи какихъ-либо буквъ, употребляющихся и въ другихъ значеніяхъ; для одного изъ этихъ звуковъ (ъ) пришлось бы выбрать одну изъ буквъ **а** и **о** и писать:

или съ **а**:	вотка,	вада,	вадавос
	сат,	сады,	садавоцтва
или съ **о**:	вотко,	вада,	водавос
	сат,	сады,	содавоцтво.

Выбравъ для другого звука (ь) букву **е** или **и**, можно подобнымъ же образомъ прикинуть такое правописаніе къ словамъ съ неударяемыми **е** и **и**. Необходима и еще условность, стоящая въ связи съ выборомъ извѣстной разновидности въ произношеніи за образцовую: необходимо или тѣхъ, кто произноситъ нису и т. п. (гл. IV, § 3), заставить писать несу, или, наоборотъ, тѣхъ, кто произноситъ несу, писать нису. Правописаніе, чтобъ быть общимъ, не можетъ допускать писанія «какъ угодно». Для такихъ мелкихъ колебаній въ произношеніи, какъ, напр., звѣзды или звёзды, возможно, конечно, допустить, какъ и допускаютъ принципіальные сторонники фонетическаго правописанія [1]), колебанія и въ написаніи.

---

[1]) Напр., проф. Брандтъ („О лженаучности нашего правописанія“, стр. 4. Я лично не могу, вопреки проф. Брандту, отнести сюда же колебанія семъ при семь).

Трудно сказать, легче ли или труднѣе было бы подобное упрощенное фонетическое правописаніе въ сравненіи съ нашимъ теперешнимъ, если изъ этого послѣдняго исключить «лишнія» буквы. Казалось бы, что то, что̀ повѣряется слухомъ, для первоначальнаго усвоенія легче: нош, нажа, скаску, сказать, зделай и т. п. случаи употребленія глухихъ и звонкихъ; также, можетъ быть, и однообразное фонетическое обозначеніе мягкости согласныхъ, напр., всюду посредствомъ **ь** было бы на дѣлѣ не труднѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда: пьать, льудьи, льот («ледъ» и «летъ»), льйот («льетъ»), льить, льес, ульйи, майо, майей, въ связи съ чѣмъ ненужными бы оказались буквы **э, я, ю:** ету («эту»), йель, йат, майа, йук, майу, кутьйа, кутьйу и т. п. [1]). То, что̀ не повѣряется слухомъ, условности, одинаково легки или трудны, какого бы онѣ происхожденія ни были, лишь бы примѣнялись послѣдовательно; поэтому трудно рѣшить, легче ли утвердить привычку, напр., писать на мѣстѣ полуглухого звука условно букву **а** (допустимъ, что выбрана именно она): **ваденой**, **павадак** («паводокъ»), или утвердить привычку по требованію этимологіи, какъ теперь, писать здѣсь **о:** **водяной**, **паводокъ**. Конечно, оцѣнивая оба эти послѣдніе пріема, мы не забываемъ, что написанія **водяной**, **паводокъ**, **паводка** прибавимъ: **водъ**, **водка**, **водный**, поддерживаютъ единство зрительнаго образа **вод** во всѣхъ этихъ словахъ, а написанія **вот**, **вотка**, **воднай**, **ваденой**, **павадак**, **паватка** разрушаютъ его; но это соображеніе, очень цѣнное при разсужденіи о процессѣ чтенія по современному правописанію, мѣшаетъ намъ оставаться исключительно на почвѣ вопроса о сравнительной легкости усвоенія письма фонетическаго или этимологическаго. Несомнѣнно, будь у насъ иной строй правописанія, выработался бы нѣсколько иной и процессъ чтенія, поскольку глазу приходилось бы считаться съ различіями въ зрительныхъ образахъ и сводить ихъ воедино въ сознаніи, подобно тому какъ разница **пек**, **печ** въ **пеку** и **печешь**, **ног** и **нож** въ **нога**, **ножка**, **ножной**, **мороз** и **мораж** въ **морозъ** и **замораживать** и т. п. не мѣшаетъ мысли при чтеніи.

Оставивъ въ сторонѣ это соображеніе и оцѣнивая со стороны легкости усвоенія то и другое правописаніе такъ, какъ если бы у насъ не было никакого, нельзя фонетическое упрощенное признать

---

[1]) Конечно, разъ допускать условности въ упрощенное фонетическое правописаніе, зная, что точное все равно не годится для практики, то можно пойти и дальше; можно передъ *и* и *е* не обозначать мягкость согласной: льуди, пень; это было бы непослѣдовательно, но, можетъ быть, легче; при этомъ пришлось бы сохранить *э*: эта, шэрсть. Образецъ одной изъ возможныхъ варіацій упрощеннаго фонетическаго правописанія помѣщенъ въ приложеніи II-мъ, № 5: въ немъ нѣтъ *я, ю,* мягкость передъ *е* и *и* не обозначается, для полуглухихъ звуковъ приняты буквы *а* и *е*.

болѣе труднымъ. Весьма вѣроятно, если бъ намъ пришлось теперь впервые примѣнять письмо къ нашему языку, то оно оказалось бы фонетическимъ съ большей или меньшей степенью точности. Это вполнѣ естественно. Вѣдь и древнее церковнославянское письмо, изобрѣтенное Кирилломъ, было фонетическимъ въ эпоху его перваго примѣненія къ славянскому языку.

Однако такое отрѣшеніе отъ дѣйствительности въ постановкѣ вопроса можно было допустить только для того, чтобъ объективнѣе оцѣнить свойства различныхъ правописаній. Въ дѣлѣ же реформы никакъ нельзя не считаться съ тѣмъ, что у насъ извѣстное установившееся правописаніе существуетъ, хотя бы реформа и предпринималась въ цѣляхъ облегченія усвоенія, т.-е. ради «малыхъ сихъ», еще не владѣющихъ никакимъ правописаніемъ. Для успѣха реформы внѣ школы не маловажно, насколько новое правописаніе удалится отъ прежняго. Интересы усваивающаго правописаніе школьника и интересы уже усвоившаго правописаніе читателя настолько различны, даже прямо противоположны, что реформатору чрезвычайно затруднительно согласить наибольшее облегченіе перваго съ наименьшими жертвами второго. Во всякомъ случаѣ реформатору приходится разсчитывать на эти жертвы. При одновременномъ существованіи двухъ правописаній, что̀ неминуемо должно послѣдовать за проведеніемъ реформы, для владѣющихъ однимъ и принужденныхъ обращаться и къ другому важно, чтобы оба они покоплись на однихъ устояхъ, расходясь въ частностяхъ, хотя бы и немалочисленныхъ.

Современное наше правописаніе, при всей его непослѣдовательности, обнаруживаетъ ясно свой главный устой—этимологическій, въ смыслѣ живой этимологіи (см. стр. 65). Реформа правописанія на фонетическомъ принципѣ требуетъ упомянутыхъ жертвъ гораздо больше, такъ какъ разрываетъ связи съ существующимъ правописаніемъ самымъ кореннымъ образомъ.

Мы видѣли, что этимологическій принципъ, даже послѣдовательно проведенный, могъ бы облегчить усвоеніе при условіи, если примѣняться къ происхожденію новаго русскаго языка (стр. 75). Такимъ образомъ, съ одной стороны происхожденіе новаго русскаго языка, съ другой—живая связь словъ въ современномъ сознаніи указываютъ реформатору тотъ устой, который онъ долженъ поставить въ основу новаго правописанія: *реформированное правописаніе должно остаться этимологическимъ въ своей основѣ.*

Живая этимологія въ большинствѣ случаевъ сходится съ дѣйствительнымъ происхожденіемъ словъ. Въ случаяхъ же, гдѣ она расходится съ нимъ, реформаторъ, вполнѣ естественно, отдастъ предпочтеніе ей, какъ живой связи, сознаваемой говорящимъ; онъ оставитъ безъ исправленія, напр., «свидѣтель», такъ какъ разрывать связь этого слова съ «видѣть», хотя бы и ошибочную по происхожденію (стр. 62), значитъ не только измѣнять привычное на-

писаніе, но и затруднять усвоеніе; но онъ можетъ оставить безъ исправленія и случаи въ родѣ «барсукъ», «калачъ» и т. п. (стр. 75), такъ какъ измѣненіе привычнаго написанія въ такихъ одинокихъ словахъ безразлично для усвоенія.

Оставить незыблемымъ этимологическій устой въ правописаніи важно еще и съ другихъ точекъ зрѣнія.

По условіямъ общественной и государственной жизни письмо необходимо должно быть одинаково у гораздо бо́льшаго количества людей, чѣмъ языкъ, и невозможно въ практическомъ письмѣ отдать исключительное предпочтеніе одному мѣстному нарѣчію. Этимологическое правописаніе въ цѣломъ является условнымъ для всѣхъ нарѣчій, въ частностяхъ совпадая то съ тѣмъ, то съ другимъ. Напр., этимологическое написаніе в о д а совпадаетъ съ сѣверновеликорусскимъ произношеніемъ, не совпадая ни съ литературнымъ в а д а, ни съ южновеликорусскимъ в а д а или в ы д а, но оно отражаетъ ту связь этого слова, которая существуетъ въ сознаніи говорящихъ на всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ съ словомъ в о д у или в о д ъ или в о д н ы й; подобнымъ образомъ с е л о, совпадая съ произношеніемъ въ однихъ сѣв.-великор. говорахъ и съ однимъ изъ московскихъ, не совпадаетъ ни съ сѣв.-великор. (въ другихъ говорахъ) с ё л о, ни съ южновеликор. с я л о или с и л о, ни съ (другимъ) московскимъ с и л о, но отражаетъ связь во всѣхъ этихъ говорахъ съ с е л ь с к і й; подобнымъ образомъ какое-нибудь р у к а в ъ, совпадая съ произношеніемъ въ однихъ говорахъ, не совпадаетъ съ произношеніемъ р у к а ф въ другихъ, но вездѣ отражаетъ связь этого слова съ р у к а в а и т. п. Этимологическое правописаніе такимъ образомъ представляетъ собою какъ бы искусственное объединеніе разныхъ произношеній, по крайней мѣрѣ великорусскихъ, въ одномъ письмѣ. Мы знаемъ, что это вышло, такъ сказать, случайно, вслѣдствіе того, что письмо не мѣняется одновременно съ измѣненіемъ языка. Правописаніе сложилось тогда, когда существующіе теперь говоры не обособились еще такъ рѣзко; можно быть увѣреннымъ, что если бы оно сложилось вѣкомъ или двумя позже, оно не было бы такимъ; напр., если бъ оно возникло въ Москвѣ въ XV в., оно непремѣнно отразило бы въ своей основѣ аканье [1]) и измѣненія, завершившіяся къ этому времени въ произношеніи глухихъ и звонкихъ согласныхъ. Указанное достоинство этимологическаго принципа немаловажно; нарочно трудно было бы придумать теперь такое «общерусское», точнѣе—«общевеликорусское» правописаніе.

Примѣчаніе. Въ связи съ только что сказаннымъ слѣдуетъ обратить вниманіе на одну частность. Мы знаемъ (ср. стр. 75), что этимологическая послѣдова-

---

[1]) Теперь аканье мы видимъ отразившимся лишь въ позднѣйшихъ ошибкахъ, нарушающихъ этимологическую основу, въ родѣ б а р с у к ъ и т. п. (стр. 61).

тельность примѣнительно къ происхожденію новаго русскаго языка допускаетъ исключеніе изъ азбуки ъ, одной изъ двухъ буквъ и или і, не говоря уже объ v, ѣ, ѳ. Но соображеніе о томъ, что правописаніе должно быть „общерусскимъ", удерживаетъ нѣкоторыхъ сторонниковъ упрощенія его отъ исключенія ѣ на томъ основаніи, что въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ на мѣстѣ ѣ постоянно или часто слышится звукъ и: вира, вирить, невиста, дат. п. невисти, или вера, верить, невеста, невисте (Акад. Соболевскій, „Упрощеніе русской орѳографіи", въ Вѣстн. и Библіот. Самообразованія, 1904 г., № 21). Ссылаются и на малорусскій языкъ, гдѣ тоже на мѣстѣ ѣ звукъ и. Смыслъ этихъ возраженій противъ исключенія ѣ таковъ: его нельзя исключить потому, что не на всемъ пространствѣ русскаго языка онъ совпалъ съ е. Однако, нигдѣ уже нѣтъ какого-либо *особаго* звука на мѣстѣ ѣ, а или е или и; въ литературномъ же языкѣ и большинствѣ мѣстныхъ говоровъ именно е.

Когда мы на стр. 77 разсуждали о сравнительной легкости усвоенія фонетическаго и этимологическаго правописанія такъ, какъ если бы у насъ не было никакого, то замѣтили, что и при фонетическомъ правописаніи, когда однородныя части словъ писались бы различно (вотка, вада и т. п.), выработался бы такой процессъ чтенія, который отличался бы отъ нашего въ частностяхъ, но одинаково бы приводилъ къ пониманію читаемаго. Но благодаря этимологической основѣ нашего правописанія у насъ вырабатываются тѣ подробности процесса чтенія, которыя описаны на стр. 70. Поэтому, если реформа не должна разрывать связи съ установившимся правописаніемъ кореннымъ образомъ, то сохраненіе этимологической основы пріобрѣтаетъ новое преимущество: оно не разрушитъ въ частяхъ родственныхъ словъ единства зрительныхъ образовъ, посредствомъ которыхъ мы привыкли читать. Повторю примѣры, приведенные на стр. 77, въ этимологическомъ, но не теперешнемъ правописаніи: **вод, водной, водяной**, паводок, паводка, **водка**, что фонетически было бы **вот, воднай, ваденой**, павадак, паватка, **вотка**; прибавлю **груздь, грузди, хлеб, хлеба, нож, ножа**,— фонетически: грусьть, грузьди (или грузьдьи), хлеп, хлеба, **нош, нажа**.

Итакъ, во избѣжаніе слишкомъ крутой ломки установившагося правописанія реформа должна оставить неприкосновеннымъ этимологическую основу правописанія. Если бы даже у насъ не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, что упрощенное фонетическое правописаніе для усвоенія легче,—и тогда мы должны были бы признать, что лишать правописаніе этой основы все-таки не слѣдуетъ въ виду тѣхъ преимуществъ, которыя этимологическое правописаніе имѣетъ помимо своей давности, и что слѣдуетъ пожертвовать интересами школы. Но облегченіе для усвоенія достигается, какъ мы видѣли, не только при сохраненіи этимологической основы, но даже при болѣе послѣдовательномъ проведеніи этимологическаго принципа

чѣмъ въ современномъ правописаніи. Этимологическое правописаніе примѣнительно къ происхожденію новаго русскаго языка допускаетъ устраненіе ъ, ѣ, ѳ, сохраненіе одной буквы для и. Упрощеніе правописанія путемъ устраненія лишнихъ буквъ не повредило бы общерусскому характеру правописанія, но оно затронуло бы интересы читателя, такъ какъ съ замѣной однихъ буквъ другими или съ удаленіемъ ъ зрительные образы словъ мѣняются; если же при помощи исключаемыхъ буквъ различалось что-либо на письмѣ, что совпадаетъ въ произношеніи, то глазъ лишается возможности различать, и пониманіе замедляется. Въ особенности это касается ѣ (есть и ѣсть, мѣла и мела, сѣла и село, въ полѣ и въ полѣ и др.), въ гораздо меньшей мѣрѣ другихъ буквъ. Реформаторъ, убѣжденный въ томъ, что лишнія буквы затрудняютъ усвоеніе правописанія, что время на ихъ усвоеніе тратится непроизводительно, считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на жертву со стороны читателя.

ГЛАВА X.

Вопросъ о реформѣ правописанія въ послѣднее десятилѣтіе.

I.

Я имѣю здѣсь въ виду исторію только той попытки, которая десять лѣтъ тому назадъ была предпринята московскимъ педагогическимъ обществомъ (теперь уже не существующимъ), и не буду касаться болѣе раннихъ, коллективныхъ и единоличныхъ, возникавшихъ неоднократно, начиная съ XVIII вѣка. Это именно та самая реформа, завершенія которой нетерпѣливо ждутъ въ учительской средѣ. Считаю полезнымъ вкратцѣ изложить ходъ дѣла и сущность предполагавшихся измѣненій особенно въ виду того, что въ обществѣ вообще и въ учительской средѣ въ частности распространено много недоразумѣній на этотъ счетъ, вплоть до мнѣнія, будто предлагалось каждому писать, какъ хочетъ.

Педагогическое общество осуществило ту работу, которая давно уже намѣчалась въ другомъ московскомъ обществѣ — учебномъ отдѣлѣ о-ва распространенія техническихъ знаній и иниціатива которой принадлежитъ извѣстному, теперь уже покойному, московскому преподавателю Вл. П. Шереметевскому. Прочитавъ въ 1883 г. въ учебномъ отдѣлѣ докладъ «Объ орѳографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементарномъ, въ особенности», онъ предлагалъ образовать кружокъ для разработки вопроса объ орѳографіи; позже въ программѣ занятій комиссіи преподавателей русскаго языка при учебномъ отдѣлѣ поставленъ былъ на видное мѣсто

вопросъ о ходатайствѣ объ упрощеніи правописанія и объ отмѣнѣ обязательнаго слѣдованія руководству Грота. Намѣреніе это не было тогда осуществлено. Вопросъ этотъ опять былъ поднятъ во вновь возникшемъ педагогическомъ обществѣ (въ отдѣленіи русскаго языка и словесности), въ составъ котораго вошли почти всѣ члены учебнаго отдѣла. Ближайшимъ поводомъ послужилъ докладъ, прочитанный въ 1899 г. проф. Брандтомъ «О лженаучности нашего правописанія». Для составленія проекта упрощенія правописанія была избрана спеціальная комиссія. Выработанный ею проектъ былъ обсужденъ и утвержденъ обществомъ съ измѣненіями въ маѣ 1901 г., а осенью того же года направленъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ образованіи комиссіи изъ компетентныхъ лицъ для разсмотрѣнія вопроса. Проектъ разосланъ былъ также въ различныя общества: ученыя, просвѣтительныя и педагогическія съ просьбой поддержать ходатайство; этимъ вызвано было обсужденіе вопроса о правописаніи въ подобныхъ обществахъ въ Петербургѣ, Одессѣ, Ригѣ и Казани; на различныхъ учительскихъ съѣздахъ въ 1902 и 1903 гг. единодушно признавалась своевременность реформы. На ходатайство московскаго педагогическаго общества министерство въ февралѣ 1903 г. отвѣтило отказомъ, и дѣло казалось похороненнымъ.

Но вотъ въ 1904 г. по вопросу объ упрощеніи правописанія была образована спеціальная комиссія при академіи наукъ подъ предсѣдательствомъ ея президента вел. кн. Константина Константиновича. Поводами къ созыву комиссіи послужили однородныя обращенія въ академію съ двухъ сторонъ, отъ казанскаго педагогическаго общества и отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній съ вопросомъ, признаетъ ли академія наукъ правописаніе, рекомендованное академикомъ Гротомъ *своимъ* и *обязательнымъ* для школъ всѣхъ вѣдомствъ, и съ просьбой поставить на обсужденіе вопросъ объ упрощеніи русскаго правописанія. Оказалось, что академія отнюдь не считаетъ правописаніе Грота своимъ, академическимъ, отступаетъ отъ него въ своихъ изданіяхъ, что руководство Грота было составлено, дѣйствительно, по порученію академіи, но не отъ имени академіи и что, наконецъ, академія не имѣетъ возраженій противъ мысли о желательности замѣнить это правописаніе другимъ, болѣе простымъ и систематичнымъ. Многимъ казалось и кажется, что именно академія наукъ должна установить правописаніе; но это недоразумѣніе: не дѣло академіи, какъ ученаго учрежденія, выносить рѣшенія по такому вопросу, не научному, а практическому; поэтому вполнѣ естественно, что академія могла взять починъ въ этомъ дѣлѣ, но рѣшеніе предоставила особой комиссіи. Въ первомъ (и единственномъ пока) засѣданіи комиссіи 12 апрѣля 1904 г., кромѣ предсѣдателя, участвовало 50 лицъ изъ академиковъ, профессоровъ, приватъ-доцентовъ, педагоговъ средней школы, представителей начальныхъ училищъ, литераторовъ

и делегатовъ отъ различныхъ вѣдомствъ, а также различныхъ органовъ печати. Комиссія въ этомъ засѣданіи исключила изъ состава азбуки буквы ъ, ѣ, ѳ, постановила оставить одну букву для звука и и избрала изъ своей среды подкомиссію для дальнѣйшей разработки вопроса. Подкомиссія выработала (не окончательно) проектъ упрощенія правописанія, который въ маѣ того же года былъ отпечатанъ подъ названіемъ «Предварительное сообщеніе орѳографической подкомиссіи» и разосланъ «лицамъ, интересующимся судьбой русскаго правописанія» съ просьбой о присылкѣ замѣчаній; подкомиссія предполагала возобновить свои занятія осенью, принять во вниманіе замѣчанія, какія будутъ сдѣланы, съ тѣмъ, чтобы потомъ представить докладъ на обсужденіе комиссіи.

Но этимъ занятіямъ не суждено было скоро возобновиться. Событія послѣдующихъ лѣтъ отвлекли вниманіе общества отъ орѳографической реформы, и занятія академической подкомиссіи возобновились, какъ объ этомъ сообщалось въ печати, только въ концѣ 1910 г. Результаты ея работъ 1910—1911 гг. еще не опубликованы.

Таковъ вкратцѣ ходъ дѣла. Дальнѣйшую судьбу реформы предугадать невозможно. Проектъ подкомиссіи въ окончательномъ своемъ видѣ, конечно, долженъ поступить на обсужденіе комиссіи и будетъ или принятъ или отвергнутъ. Такъ какъ реформа предпринята первоначально въ интересахъ школы, то интереснѣ главнымъ образомъ вопросъ, какое значеніе для школы будетъ имѣть принятіе комиссіей упрощеннаго правописанія. Значитъ ли это, что упрощенное правописаніе станетъ обязательнымъ или возможнымъ въ школѣ? Отнюдь нѣтъ. Никакая авторитетная комиссія не можетъ сдѣлать чего-либо обязательнымъ для школы. Это зависитъ отъ тѣхъ вѣдомствъ, въ которыхъ состоятъ тѣ или иныя школы. Кромѣ того тутъ является очень важный принципіальный вопросъ, насколько возможно вообще реформу начинать со школы, можетъ ли школа обучать не общепринятому правописанію? И во всякомъ случаѣ судьба реформы, предпринятой ради школы, зависитъ отъ того, какъ она будетъ принята въ обществѣ, въ печати,—всѣми, кто свободно можетъ пользоваться тѣмъ или инымъ правописаніемъ.

II.

Въ чемъ же состоитъ проектированное упрощеніе правописанія и какіе общіе принципы положены въ основу реформы? Общіе принципы изложены въ «Докладѣ» московскаго педагогическаго общества (напечатанъ въ «Вопросахъ воспитанія и обученія», вып I, 1901 г.) и остались непзмѣнными также и въ послѣдующихъ стадіяхъ разработки вопроса. Они сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Правописаніе не должно отождествляться ни съ научно-фонетической транскрипціей, ни съ свободно-фонетическимъ письмомъ: оно должно быть *опредѣленной системой*, *нетрудной* для усвоенія и годной для *ясной*, хотя и не абсолютно точной передачи звуковъ *живой* рѣчи.

2) Русское правописаніе не должно отражать особенностей какого-нибудь діалектическаго произношенія.

3) Устойчивость и единообразіе нашей орѳографіи могутъ быть достигнуты путемъ сохраненія *этимологическаго начала*, но лишь поскольку оно проявляется въ современномъ литературномъ языкѣ.

4) Упрощеніе должно выразиться:

а) въ устраненіи изъ состава азбуки буквъ, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ звукахъ современнаго языка;

б) въ устраненіи произвольныхъ правилъ, введенныхъ въ наше правописаніе безъ достаточныхъ основаній.

5) Единообразіе письма не исключаетъ нѣкотораго разнообразія въ несущественныхъ и спорныхъ случаяхъ; напр., при опредѣленіи слитнаго и раздѣльнаго написанія словъ, въ орѳографіи иностранныхъ словъ, при переносахъ и т. п.

Обращаясь теперь къ проектированнымъ измѣненіямъ въ русскомъ правописаніи, я изложу ихъ по «Предварительному сообщенію орѳографической подкомиссіи», а не по московскому проекту, такъ какъ этотъ послѣдній хотя и легъ въ основу работъ академической подкомиссіи, но все-таки подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ; правда, и проектъ, въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ «Предварительномъ сообщеніи» 1904 года, не является, какъ я указалъ выше, окончательнымъ, однако это послѣднее, что̀ было опубликовано. Въ скобкахъ привожу ссылки на тѣ мѣста книги, гдѣ мнѣ приходилось говорить объ этихъ случаяхъ правописанія.

А. Составъ азбуки.

Исключаются буквы: **ѣ**, **ъ**, **ѵ**, **і**, **ѳ** (гл. IV, §§ 4, 5, 12).

Б. Употребленіе буквъ.

1) **ь** употребляется какъ знакъ мягкости и какъ знакъ отдѣлительный: шью, объявлять. Употребленіе **ь** излишне въ концѣ словъ за **ж** и **ш**: рож, плеш, ходиш, даш, лиш, сплош, настеж (гл. IV, § 21), а также и за **ч** и **щ**: ноч, толоч, печ, реч, точ в точ, вещ, помощ.

2) Желательно (но не обязательно) употребленіе буквы **ё**.

3) Послѣ **ж**, **ч**, **ш**, **щ**, **ц**, гдѣ слышится **о**, пишется **о**: крючок, пчолка, чорный, щолк, ещо, жолтый, лжот, свежо,

мешок, шол, шолк, лицо, отцов; но: пчела, чернила, щенок, вышел, желток, сердце, немцев (гл. IV, § 18).

4) Пишется рости, росту, ростущее, ростить, рощение, но растение, какъ книжное, т-е. церковнославянское слово.

5) Пишутся съ **с** и **з** такія слова, какъ переписчик, разносчик, извозчик, съ **ж** слово мужчина [1]).

6) Пишется идти, придти, но: дойти, пойти, уйти и др., гдѣ не слышится двойное **т** [1]).

7) Приставки **из, низ, воз, раз, роз,** подобно **без, чрез, через,** не мѣняютъ **з** на **с:** возприятие, разположение, низпослать, источник, разсада и т. п. Тамъ, гдѣ составъ слова не ясенъ, т.-е. гдѣ приставка тѣсно срослась съ корнемъ, возможно сохранить фонетическое написаніе, напр., восток (стр. 34).

В. Правописаніе грамматическихъ окончаній.

1) Въ прилагат. муж. р. **-ой, -ей:** слепой, доброй, упругой, великой, тихой; синей, зимней, свежей, лучшей, прочей, ходячей, лисей, княжей (стр. 41—42).

2) Тамъ же **-ого, -его:** слепого, доброго, тихого; синего, свежего, лучшего, прочего, лисьего, княжьего (стр. 42).

3) Во множ. ч. прилагат. **-ые, -ие** для всѣхъ родовъ: добрые люди, тѣсные улицы, доблестные войска, глубокие моря (стр. 42).

4) Пишется **они, одни** для всѣхъ родовъ, также одних, одним, одними (стр. 43).

5) Пишется **ее** и для род. и для вин. п. (стр. 43).

По вопросу о *слитномъ и раздѣльномъ* написаніи словъ предположено допустить то и другое въ нарѣчіяхъ, составленныхъ изъ сложенія существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ съ предлогами: в даль и вдаль, в течение и втечение, с верху и сверху, в двое и вдвое. Соединительную черту предположено употреблять передъ **то** и **ли,** а также передъ сокращенными формами союзовъ **же, бы** и **ли** (**ж, б** и **ль**).

При *переносѣ* словъ предположено ограничить *свободу* слѣдующими правилами: 1) одна согласная, а въ группѣ — послѣдняя не отдѣляется отъ слѣдующей гласной; 2) въ сложныхъ словахъ слѣдуетъ имѣть въ виду ихъ составъ, при чемъ однако часть, переносимая въ слѣдующую строку или оставляемая на строкѣ, должна составлять слогъ.

---

[1]) Пунктъ 5-й и идти, придти въ 6-мъ—по требованію живой этимологіи, въ виду иду, приду.

Въ приложеніи III-мъ помѣщенъ образецъ этого новаго правописанія; при этомъ я взялъ образчикъ, приложенный къ московскому «Докладу», и внесъ въ него измѣненія, согласно «Предварительному сообщенію орѳографической подкомиссіи».

Проектированное правописаніе, какъ видно, основано на *этимологическомъ* принципѣ, какъ и существующее наше, но примѣнительно къ происхожденію новаго русскаго языка, какъ я выражался ранѣе. Оно поэтому не разрываетъ связи и съ живой этимологіей. Но въ проектѣ не предположено, по крайней мѣрѣ пока, исправленіе всѣхъ тѣхъ написаній отдѣльныхъ словъ, въ которыхъ утвердились ошибки противъ этимологіи (см. стр. 75); съ точки зрѣнія, впрочемъ, живой этимологіи, написанія вродѣ барсук, калач, паром и др. не являются непослѣдовательностью, такъ какъ эти слова все равно одиноки въ языкѣ. Предположенныя измѣненія окончаній доброй и доброго соотвѣтствуютъ происхожденію этихъ русскихъ грамматическихъ формъ, но они послѣдовательны и съ точки зрѣнія живой этимологіи, такъ какъ поддерживаются произношеніемъ тѣхъ же окончаній въ худой, худого. Измѣненіе окончаній **-ій, -яго (аго)** на **-ей, -его,** не поддерживаемое произношеніемъ, но нисколько не противорѣчащее ему, основано на происхожденіи и является вполнѣ послѣдовательнымъ, разъ **-ый, -аго** замѣнить черезъ **-ой, -ого.** Возстановляется также этимологическій принципъ въ случаяхъ употребленія буквъ въ пунктахъ 4, 5, 6, 7. Въ новомъ правописаніи *фонетическими* явятся написанія пункта 1 безъ ь, пункты 2 и 3; *искусственнымъ* останется **-ые, -іе** во множ. ч. прилагательныхъ (ближе къ произношенію было бы **-ыи, -іи,** при чемъ конечное и связывалось бы съ и въ окончаніяхъ многихъ существительныхъ, а также въ одни, свои, мои, наши, ваши, чьи и др.) и ь въ случаяхъ вродѣ шью, двухъярусный. Устраненіе однѣ и ея освобождаетъ наше правописаніе отъ лишнихъ искусственныхъ написаній.

Оцѣнивая проектированное правописаніе съ точки зрѣнія легкости усвоенія, мы видимъ, что облегченіе достигается упрощеніемъ азбуки, большей послѣдовательностью нѣкоторыхъ написаній и удаленіемъ нѣкоторыхъ искусственностей. Для читателя же оно, конечно, приноситъ немало затрудненій; большинство ихъ въ томъ, что съ исключеніемъ нѣсколькихъ буквъ и упраздненіемъ нѣкоторыхъ искусственностей стираются видимыя различія словъ (ее и ея, миръ и міръ, добрые и добрыя и др., а главное, конечно, есть и ѣсть и т. п.). Любопытно отмѣтить, какъ то, что кажется подлежащимъ отмѣнѣ или измѣненію въ первую голову (напр., ѣ), способно вызвать самыя упорныя возраженія, и какъ съ

тѣмъ, разумность чего приходится доказывать (д о б р о й, д о б р о г о, о д н и, е е и съ другими измѣненіями, не настолько задѣвающими интересы читателя), мирятся легче. Такъ различны точки зрѣнія усваивающаго и усвоившаго правописаніе.

Въ заключеніе характеристики проектированнаго правописанія надо сказать, что, являясь съ практической стороны *болѣе легкимъ* для усвоенія, съ теоретической—оно *послѣдовательнѣе* и *національнѣе* существующаго; но и оно, понятно, не свободно отъ непослѣдовательностей (напр., п ч о л к а, щ о т к а при л ён—одинъ и тотъ же звукъ **о** послѣ мягкаго согласнаго во всѣхъ трехъ случаяхъ).

III.

Слухи о попыткѣ реформировать правописаніе, а потомъ опубликованіе проектовъ вызвали въ печати оживленный обмѣнъ мнѣній противниковъ и сторонниковъ реформы. Въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ высказанъ былъ цѣлый рядъ взглядовъ—и серьезныхъ и поверхностныхъ. Возникли толки въ обществѣ. Правильному отношенію къ вопросу въ широкихъ кругахъ мѣшало часто незнакомство съ ходомъ дѣла, съ характеромъ и цѣлью упрощенія правописанія; заблуждались многіе, и подчасъ тѣ, кто могъ бы и не заблуждаться. А при знакомствѣ со всѣмъ этимъ, все-таки мѣшалъ иногда недостатокъ теоретическихъ свѣдѣній о природѣ языка, о природѣ письма, объ отношеніи письма къ языку. Возникавшія на этой почвѣ отношенія къ реформѣ, сочувствіе или несочувствіе, одинаково мало заслуживаютъ вниманія. Очень вскорѣ, а въ послѣднее время все болѣе и болѣе, къ оцѣнкѣ того или иного отношенія къ реформѣ стали примѣшиваться соображенія, ничего общаго не имѣющія съ сущностью самаго дѣла: однимъ сочувствіе реформѣ стало представляться опаснымъ вольнодумствомъ, другіе въ несочувствіи реформѣ стали видѣть только признакъ отсталости; трудно сказать, какой изъ этихъ противоположныхъ взглядовъ вреднѣе для дѣла.

Изъ всѣхъ соображеній, приводившихся въ печати противъ реформы, мы выберемъ только наиболѣе серьезныя и исходящія изъ сущности самаго дѣла. При этомъ оставимъ въ сторонѣ возраженія противъ отдѣльныхъ пунктовъ проектированнаго упрощенія и ограничимся только возраженіями противъ реформы вообще.

1) Реформа задумана для облегченія учащихся. Сторонники ея исходятъ изъ того положенія, что русское правописаніе трудно, и что полная грамотность не достигается не только въ начальной школѣ, но и въ средней; въ доказательство они ссылаются на преподавательскій опытъ, на статистическія обслѣдованія и на авторитетныя мнѣнія. Это «орѳографическое бѣдствіе» еще не давало бы

само по себѣ права измѣнять правописаніе, если бы не были очевидны его несовершенства и съ теоретической стороны,—несовершенства, которыя въ большинствѣ случаевъ какъ разъ и являются причиной трудности. Преодолѣніе такихъ трудностей, по мнѣнію сторонниковъ реформы, является трудомъ непроизводительнымъ, съ которымъ опять-таки можно было бы помириться, если бы на правописаніе, въ ущербъ другимъ занятіямъ, не тратилось бы того громаднаго количества времени и силъ, которое дѣйствительно тратится и въ начальной школѣ и въ младшихъ классахъ средней.

Противники реформы полагаютъ, что въ ней *нѣтъ серьезной необходимости;* они говорятъ, что русское правописаніе вовсе не такъ трудно, и допускаютъ, что «орѳографическое бѣдствіе» преувеличено; во всякомъ случаѣ они предлагаютъ искать выхода въ улучшеніи методовъ обученія правописанію, а не въ измѣненіи того, что установилось вѣками и вошло въ привычку. Такъ думалъ А. С. Бѣлкинъ, критикъ московскаго «Доклада» [1]), такъ думаетъ проф. Томсонъ, указывая, что «при правильной постановкѣ преподаванія правописаніе усваивается въ значительной степени помимо преподавателя русскаго языка, даже помимо непосредственнаго участія школы, такъ что сами ученики не замѣчаютъ даже тѣхъ затрудненій, на которыя жалуются теперь всѣ. Учителю остается только придумывать средства, чтобы оберегать учащихся отъ неправильныхъ зрительныхъ и рукодвигательныхъ воспоминаній письма; а въ писаніи они упражняются поневолѣ, разъ они въ школѣ» (сравн. стр. 73). Кромѣ того по поводу трудностей, преодолѣваемыхъ учащимися, проф. Томсонъ напоминаетъ, что «не та школа лучшая, которая облегчаетъ всякій трудъ, а та, которая разумно закаливаетъ и подготовляетъ наибольшую трудоспособность». Но сторонники реформы не противъ труда: они предпочитаютъ только воспитывать ученика на трудѣ осмысленномъ и продуктивномъ и думаютъ упрощеніемъ правописанія освободить въ школѣ время именно для такого труда. Разъ трудности усвоенія правописанія наносятъ ущербъ существеннымъ задачамъ обученія, то онѣ, можетъ быть, не выкупаются и удобствами при чтеніи.

2) Нѣкоторые боятся, что реформа правописанія *повредитъ правильности языка.* Если это опасеніе основано на простомъ смѣшеніи языка съ правописаніемъ, то оно не заслуживаетъ упоминанія; но если думающіе такъ имѣютъ въ виду дѣйствительно встрѣчающійся фактъ вліянія письма на языкъ, чѣмъ объясняется возникновеніе неправильныхъ произношеній, вродѣ «что», «конечно»—съ ч, или у школьниковъ «ея», «того», «злого» (какъ пишется), то надо замѣтить, что эти случаи немногочисленны, что, напротивъ, несмотря

---

[1]) См. Указатель въ приложеніи IV-мъ, 1.

на разницу письма съ языкомъ, мы вообще не говоримъ, какъ пишемъ (не «бкаемъ», «не произносимъ «сад», «сказка», «ея» и т. п.); и если ужъ бояться этого, то нужно бы, наоборотъ, привѣтствовать реформу, устраняющую многія несогласныя съ произношеніемъ написанія и не вводящую ни одного такого новаго; болѣе того: слѣдовало бы упрекать проектъ, что онъ не устраняетъ этимологическаго начала и не строитъ измѣненій на фонетическомъ принципѣ.

3) Однимъ изъ самыхъ сильныхъ возраженій противъ реформы является указаніе на *трудность переходнаго времени*. Съ этимъ связанъ и вопросъ о способахъ проведенія реформы. Отъ одновременнаго существованія двухъ правописаній проистекаютъ затрудненія и для учащихся и для усвоившихъ уже прежнее правописаніе. Проф. Томсонъ, самый серьезный противникъ реформы (сильный тѣмъ, что въ возраженіяхъ своихъ исходитъ изъ самаго существа дѣла), въ связи съ критикой ея написавшій очень полезную книгу по теоріи правописанія (см. стр. 71), готовъ допустить, что проектированное правописаніе могло бы дѣйствительно дать извѣстное облегченіе учащимся, хотя и не считаетъ существующее само по себѣ труднымъ. «Если же положить на вѣсы всѣ тѣ послѣдствія, которыя введеніе въ школу такой небывалой реформы должно повлечь за собою, то эта реформа не только окажется совершенно несостоятельной, но можно смѣло сказать—совершенно неосуществимой». Ученики были бы лишены возможности выработать какое-либо однообразное (хотя бы и упрощенное) правописаніе, обучаясь въ школѣ писать по одному и встрѣчая въ печати другое. Во избѣжаніе этого нужно, чтобъ одновременно съ проведеніемъ реформы орѳографіи въ школѣ были бы перепечатаны всѣ школьные учебники по исторіи, по закону Божію, хрестоматіи, грамматики, географическія карты и проч.; нужно перепечатать всѣхъ классическихъ авторовъ; нужно, чтобъ журналы и газеты печатались по новому... Это зависитъ отъ издателей, лицъ, пользующихся авторскими правами, редакторовъ, которые не могутъ итти противъ привычки публики.

«А десятки и даже сотни тысячъ домашнихъ библіотекъ»,—продолжаетъ проф. Томсонъ,—«хотя бы и очень скромныхъ размѣровъ, составленныхъ нерѣдко на послѣдніе гроши въ наслѣдство дѣтямъ?» «Но этимъ дѣло не ограничивается: необходимо, чтобы весь преподавательскій персоналъ», а кромѣ того «бонны, гувернантки, матери, отцы и всѣ лица, дающія дѣтямъ первоначальное обученіе, занялись бы изученіемъ новаго правописанія и съ готовностью и убѣжденностью обучали ему». Если учащіеся будутъ встрѣчаться со старой орѳографіей рядомъ съ новой, то они не усвоятъ никакой. «Слѣдовательно, въ результатѣ не только неграмотность подрастающаго поколѣнія, но и разрушеніе выработаннаго долгими годами почти уже единообразнаго правописанія русскаго народа». «Пра-

вописаніе слишкомъ важный факторъ въ общественной жизни народа, чтобы въ рѣшеніи связанныхъ съ нимъ вопросовъ школа могла имѣть рѣшающее значеніе. Изъ-за ея интересовъ нельзя подвергать народъ всѣмъ затрудненіямъ, связаннымъ съ отсутствіемъ единообразнаго правописанія» (Томсонъ, «Къ теоріи...», гл. XXVIII).

Для тѣхъ, кто привыкъ уже къ старому правописанію, но пожелалъ бы читать и писать по-новому, процессъ чтенія и въ особенности письма значительно замедлился бы; такія лица временно впали бы въ состояніе малограмотности, такъ какъ по необходимости должны были бы вызывать при чтеніи слуховые образы, а при письмѣ писать не цѣлую фигуру слова (или, по крайней мѣрѣ, его частей), а отдѣльныя буквы (ср. изложенное на стр. 69); кромѣ того, по мѣрѣ усвоенія новаго уменьшалась бы прочность владѣнія и старымъ; такое состояніе продолжалось бы въ русскомъ обществѣ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, поскольку образованнымъ людямъ пришлось бы прибѣгать и къ книгамъ старой печати. Трудно учесть всю сумму вреда, который пронстекъ бы для культуры отъ такого погруженія грамотныхъ въ состояніе полуграмотности, но проф. Томсонъ указываетъ на неизбѣжность такого вреда и предлагаетъ взвѣсить, искупитъ ли облегченіе усвоенія всѣ послѣдствія реформы. По его мнѣнію, возможно лишь частичное измѣненіе правописанія; одновременно можно пустить только одно или нѣсколько *незначительныхъ* измѣненій, при чемъ учащіеся должны были бы посвящаться и въ старыя и въ новыя написанія; при такихъ условіяхъ предложенныхъ теперь упрощеній хватило бы на цѣлое столѣтіе, если не больше («Къ теоріи...», гл. XXIX). «Окончательное правительственное узаконеніе новаго и исключеніе стараго въ *школѣ* является умѣстнымъ только тогда, когда въ обществѣ рѣшительный перевѣсъ на сторонѣ новаго» (гл. XXXII).

Такимъ образомъ, одновременное существованіе двухъ правописаній мѣшало бы учащимся становиться грамотными, а переходъ къ новому правописанію со стороны тѣхъ, у кого «въ нервныхъ путяхъ и мускулахъ руки» есть уже другое правописаніе, грозилъ бы задержкой въ культурѣ.

Сторонники реформы не закрываютъ глазъ на трудности переходнаго времени и указаніе на нихъ считаютъ самымъ вѣскимъ возраженіемъ. Однако понимая, что проведеніе реформы правописанія дѣло не шуточное, они вполнѣ сознательно считаютъ возможнымъ временно поступиться единообразіемъ правописанія, если это необходимо для осуществленія столь важнаго дѣла, какимъ является освобожденіе времени въ школѣ для полезной работы. Трудно учесть всю ту пользу, которую принесло бы это для культурнаго успѣха въ будущемъ, но сторонникамъ реформы она представляется несо-

мнѣнной. Поэтому они убѣждены, что *школа* должна одна изъ первыхъ принять новую орѳографію.

4) Въ спорахъ по вопросу о реформѣ приходится слышать иногда доводы: «вѣдь измѣнили же свою орѳографію французы, нѣмцы, англичане...» и наоборотъ: «вѣдь не измѣняютъ же своей орѳографіи французы, нѣмцы, англичане». Трудно сказать, какъ возникло недоразумѣніе одной изъ сторонъ, но одинъ изъ поводовъ думать, что во Франціи проводится широкая реформа орѳографіи, подобно нашей, подали въ 1901 г. слухи о циркулярѣ французскаго министерства народнаго просвѣщенія, которымъ допускались на экзаменахъ нѣкоторыя послабленія, касающіяся, впрочемъ, не основныхъ явленій орѳографіи, а правилъ согласованія и другихъ синтаксическихъ, въ которыхъ въ самомъ языкѣ наблюдаются колебанія (вродѣ de bon pain или du bon pain, de bons fruits или des bons fruits, les fleurs qu'elles ont cueilli или cueillies и т. п.). Что же касается измѣненій болѣе существенныхъ и, главное, касающихся самого правописанія, то ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Англіи такихъ широкихъ реформъ произведено не было, но во всѣхъ названныхъ странахъ отдѣльными лицами и кружками предпринимались попытки реформы въ смыслѣ сближенія его съ произношеніемъ; пропагандировались и пропагандируются взгляды реформистовъ обыкновенно путемъ спеціальныхъ журналовъ, употребляющихъ новую орѳографію. Отдѣльныя незначительныя измѣненія время отъ времени вводились, разумѣется, всюду. Когда противники реформы у насъ ссылаются на примѣръ англичанъ, не измѣняющихъ своей орѳографіи, несмотря на ея чрезвычайную трудность, то сторонники не безъ основанія возражаютъ, что примѣръ Англіи поучителенъ въ обратномъ смыслѣ: онъ показываетъ, до какого разлада можетъ дойти письмо съ языкомъ, если время отъ времени не исправлять правописанія. Существенная реформа, замѣнившая историческое правописаніе фонетическимъ, была, дѣйствительно, произведена въ первой половинѣ XIX в. въ Сербіи.

IV.

Наконецъ слѣдуетъ сказать о *требованіяхъ, предъявляемыхъ къ грамотности* учащихся въ низшей школѣ. Московское педагогическое общество, возбуждая вопросъ о реформѣ правописанія, находило, что слѣдовало бы понизить самыя требованія, особенно по отношенію къ начальной школѣ, о чемъ предполагалось возбудить особое ходатайство («Докладъ», стр. 7). Подобныя пожеланія высказывались и на различныхъ съѣздахъ преподавателей. Ограниченіе требованій къ правописанію въ начальной народной школѣ признаетъ жела-

тельнымъ и проф. Томсонъ («Къ теоріи...», глава XXXVI). «Въ начальныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ не можетъ быть достигнута полная грамотность», говоритъ онъ, понимая подъ грамотностью не умѣнье правильно ставить буквы, а навыкъ излагать правильно свои мысли на письмѣ. «Значитъ, и школа не должна преслѣдовать цѣли, которыя завѣдомо недостижимы, а должна дать по правописанію только то, что она въ состояніи дать при существующихъ условіяхъ, не жертвуя другими интересами обучающихся. Она должна обставить дѣло такъ, чтобы то, что учащіеся пишутъ въ школѣ, писалось бы правильно, и чтобы по выходѣ изъ училища у нихъ осталось бы въ рукахъ пособіе, заключающее въ себѣ и нужную грамматику и словарчикъ для правописанія, въ которомъ они умѣли бы справляться, когда впослѣдствіи понадобится имъ писать правильно и другія слова, не встрѣчавшіяся въ школѣ». Если же «въ народныхъ школахъ требуютъ безошибочнаго правописанія, зная, что до полной грамотности доводить въ нихъ учащихся нельзя», это значитъ, что «возводится въ главное и существенное то, что само по себѣ вовсе не такъ существенно, и лишь потому, что оно доступно и ясно всѣмъ, между тѣмъ какъ то, что составляетъ суть дѣла, доступно лишь при сложномъ анализѣ и не дается опредѣленному подсчету по яснымъ внѣшнимъ признакамъ».

Приходится слышать, что на Западѣ въ народныхъ школахъ достигаютъ правильнаго письма въ короткій срокъ обученія. «Это совершенно несправедливо», говорилъ академикъ Коршъ въ засѣданіи орѳографической комиссіи, «не достигаютъ грамотности и тамъ. Самое грамотное письмо въ народныхъ школахъ — это у сербовъ, довольно грамотное у чеховъ, но это объясняется именно простотой сербскаго и чешскаго правописанія и его соотвѣтствіемъ живому языку. Правда, и въ Германіи въ послѣднее время стали достигать въ школахъ болѣе или менѣе грамотнаго письма, но тамъ дѣти начинаютъ учиться съ шестилѣтняго возраста и учатся 6—8 лѣтъ, тогда какъ у насъ 3—4 года. Во Франціи же и Англіи обученіе правописанію въ народныхъ школахъ приводитъ къ такимъ результатамъ, что когда приходится читать письмо простолюдина француза или англичанина, то безъ тщательной критики текста ничего нельзя понять, и нужно обладать немалымъ остроуміемъ, чтобы добиться, что этотъ молодецъ имѣетъ въ виду сказать своимъ удивительнымъ сочетаніемъ буквъ. О ново-греческомъ правописаніи я уже и не говорю» («Протоколъ...», стр. 57—58).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Два образца фонетической транскрипціи. (См. стр. 11.)

1. Говоръ Казанскаго уѣзда.

Объясненіе знаковъ. Читать надо всюду такъ, какъ напечатано. Значенія ъ и ь см. гл. IV, §§ 9 и 10 и $е^{и}$ — § 3; точка надъ гласной обозначаетъ неполноту звука, ' надъ согласной—мягкость, ' удареніе; $т^{ц}$, $с^{ш}$ — звуки средніе между т и ц, с и ш (шепелявость).

Поку́чълас я па́сало́мшику сы́на мово́ учы́т; ста́ршъй съ робя́тъми во́дитца: года́-те сы́ну пришли́, ёво́ при́де^{и}ли́т^{ц} на́до к мѣ́сту, во́т чово́! Хут^{ц} и помру́, он оста́ньтца. Мы прихо́дъм в Оси́нъфку, вёрст $с^{ш}$е́м от Кра́сно́й Го́рки-те, пре́ж бы́ли ф Кра́сну Го́рку, а топе́р в Оси́нъфку. Вёрсты́ чоты́ри ли, пя́т^{ц} ли д Оси́нъфки. У миня́ робя́ты-те: о́дному́ шошто́й го́т, а друго́й с ма́лыми во́дитца; како́й чьловѣ́к бу́де, ишшо́ не зна́м; учы́тца охо́та ёму́, да фсё на́до хло́пота́т^{ц}. Хут^{ц} бы въ бизде́ньжно́е учы́льшша́ одда́т^{ц} ёво́. (Перепечатано съ небольшими измѣненіями изъ Хрестоматіи по великорусской діалектологіи Н. Дурново и Д. Ушакова, М., 1910 г., стр. 99.)

2. Мое произношеніе (московское литературное).

Объясненіе знаковъ. Система транскрипціи нѣсколько иная. Не употребляются буквы я, ю, е, ё, поэтому мягкость согласныхъ (гл. IV, § 17) вездѣ обозначается одинаково значкомъ ' надъ согласной; различается j и й (§ 19); ь не употребляется потому, что въ этихъ случаяхъ (§ 10) у меня именно разновидность и полуглухое, которое я обозначаю и̇. Точка надъ гласной обозначаетъ полуглухость звука. Объ $ы^{и}$ см. стр. 45, объ $ь^{а}$—стр. 41. Напряженіе я обозначаю только въ э, именно оно обозначается э̂; напряженіе другихъ гласныхъ я для простоты оставляю неотмѣченнымъ. Черточка надъ согласной обозначаетъ долгій или кажущійся долгимъ звукъ (см. стр. 52). Значеніе ъ и обозначеніе ударенія словъ тѣ же, что и въ № 1.

Пр̇ишла́ ва́жнъйь^{а} мы́ш ыз го́ръдъ к прасто́й мы́шы́. Праста́йь^{а} мы́ж жыла́ ф по́л̇и̇ и дала́ свајэ̂'й го́с̇т̇йи̇, што бы́лъ: гаро́хъ и пшы^{и}н̇и́цы́. Ва́жнъйь^{а} мы́ш пагры́злъ и сказа́лъ: ат̄аво́ ты и худа́, штъ жы^{и}т̇jо́ твајо́ б̇э̇днъйь^{а}, пр̇и̇хад̇и̇ ка мн̇э̇, пъсматр̇и̇, как мы́ жы^{и}в̇о́м. Во́т пр̇ишла́ праста́йь^{а} мы́ж в го́с̇т̇и̇. Дъждал̇и́с по́т пълъм по́ч̇и̇. Л̇у́д̇и̇ пајэ̂'л̇и̇ и ушл̇и̇. Ва́жнъйь^{а} мы́ш в̄'ила́ иш̄'э̂'л̇и̇ свају́ го́с̇т̇йу́ в го́р̇н̇и̇цу́, и о́б̇и̇ вл̇э̂'з̇л̇и̇ на сто́л. Праста́йь^{а} мы́ш н̇и̇кагда́ н̇и̇ в̇ида́лъ тако́й йиды́ и н̇и зна́лъ, за што́ вз̇а́ц̄ъ. Ана́ сказа́лъ: твајá пра́вдъ, на́шъ жы^{и}т̇jо́ плахо́йь^{а}, ја н̇и̇р̇ийду́ та́гжъ в го́ръд жы́^{и}т̇. То́л̇ка́ ана́ сказа́лъ этъ, затр̇о́с̄ъ сто́л, и в д̇в̇э̂'р̇и̇ вашо́л ч̇и̇лав̇э̇к са с̇в̇э̂'ч̇къй и ста́л лав̇и̇т̇ мышэ̂'й. Нас̇и̇лу́ ан̇и̇ ушл̇и̇ ф ш̄'э̇лку́. Н'э̇д, гъвар̇и̇т пъл̇ива́йь^{а} мы́ш, мајо́ жы^{и}т̇jо́ ф по́л̇и̇ лу́ч̄'и̇. Хът̇ у м̇ин̇а́ сла́ткъй йиды́ и н̇э̇т, дъ за то́ ја́ и стра́хъ тако́въ н̇и зна́йу́. (Текстъ взятъ изъ Новой азбуки Л. Толстого, стр. 65, изд. 28-е, 1910 г.)

II. Образцы различныхъ правописаній.

№ 1.

Современное.

Отъ прежняго времени утвердилось много и добраго и худого.

Нельзя дверь растворять безъ разрѣшенія.

Входъ въ лѣтній, плохой, старый домъ воспрещенъ.

Летаютъ пчелы и птички.

Гдѣ здѣсь мелочная лавка?

№ 2.

Строго-историческое.

См. стр. 60.

Отъ прѣжьняго врѣмени утврьдило сь мъного и добраго и худаго.

Нѣ льзя двьрь растворять безъ разрѣшения.

Въходъ въ лѣтьнии, плохыи, старыи домъ въспрѣщенъ.

Лѣтаѫть бъчелы и пътичькы.

Къде сьдесь мѣлочьная лавъка?

№ 3.

Строго-этимологическое.

(Отдаленное происхожденіе.) См. стр. 62.

Отъ прѣжьнего врѣмени утвьрдило сь мъного и доброго и худого.

Нѣ льзя двьрь розтворять безъ розрѣшения.

Въходъ въ лѣтьней, плохой, старой домъ възпрѣщенъ.

Лѣтаѫть бъчелы и пътичькы.

Къде сьдесь мѣлочьная лавъка?

№ 4.

Строго-этимологическое.

(Не отдаленное происхожденіе.) См. стр. 62.

От прежьнего времени утвердилось много и доброго и худого.

Не льзя дверь розтворять без розрешения.

Вход в летьней, плохой, старой дом возпрещон.

Летают бчолы и птичьки.

Кде сьдесь мелочьная лавка?

№ 5.

Фонетическое упрощенное.

См. стр. 77, подстрочн. примѣчаніе.

Ат прежнева времени утьвердилас многа и добрава и худова.

Нельзьа дьверь растварьать без разрешэнийа.

Фхот в летний, плахой, старай дом васприщон.

Летают пчьолы и птичьки.

Где зьдесь мелачьнайа лафка?

№ 6.

Проектированное новое.

См. стр. 86 и приложеніе III.

От прежнего времени утвердилось много и доброго и худого.

Нельзя дверь растворять без разрешения.

Вход в летней, плохой, старой дом возпрещон.

Летают пчолы и птички.

Где здесь мелочная лавка?

III. Образецъ проектированнаго новаго правописанія.

См. стр. 86.

Осенние впечатления в деревне.

Солнце с каждым днём греет слабее, и небо всё чаще и чаще покрывается облаками. В обнажонных лесах не услышишь уже весёлого птичьего пения; в помертвелых лугах не полюбуешся пёстрым разнообразием трав и цветов; с полей уж давно убрали рож и даже яровые хлѣба, и всюду, куда ни взглянеш, торчит лиш одна соломенная щетина. Из свинцовых туч безпрестанно льётся мелкой дождь, превращая улицу в грязную лужу. Резкой ветер пронзительно свищет в ветвях оголённых деревьев и заставляет лёгкие деревянные ворота с визгом разкачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, разстилающейся иногда по деревне и её окрестностям, едва виднеются ветхие избушки.

На улицах полнейшее безлюдье. Все прячутся, кто куда может, лиш бы укрыться от этого осеннего ненастья. Окончив свои полевые работы, крестьяне с радостью отдыхают в тёплых избах. Продрогшие куры приютились под навесом сараев, завернув свою голову под тёпленькое крылышко. Воробьи забились в свои мягкие гнёзда. Угрюмые дворняжки также свернулись комком под телегами, сиротливо стоящими у плетня.

Представьте себе всю эту картину, и вы поймёте, какое грустное чувство должен испытывать непривычной посетитель, случайно попавшей в нашу деревню поздней осенью.

IV. Указатель книгъ и статей.

1. По вопросу о реформѣ правописанія.

1) Для ознакомленія съ ходомъ послѣдней реформы главнѣйшія источники и пособія:

Докладъ Педагогическаго Общества, состоящаго при Имп. Моск. Унив., по вопросу объ упрощеніи русск. орѳографіи, въ «Вопросахъ воспитанія и обученія (Труды Педаг. О-ва)», в. 1, М., 1901 г.

Составленъ П. И. Сакулинымъ. Содержаніе: 1) необходимость упрощенія русскаго правописанія, 2) ходъ работы, 3) принципы предлагаемаго упрощенія, 4) проектируемые случаи упрощенія. Основныя положенія. Образецъ новаго правописанія.

Протоколъ перваго засѣданія комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, состоявшагося 12 апр. 1904. Спб., 1905 г.

Подробное изложеніе преній и постановленій комиссіи. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 1904 г., №№ 101 и 102, помѣщено „Извлеченіе“ изъ этого протокола.

Предварительное сообщеніе орѳографической подкомиссіи, Спб., 1904 г.

Заключаетъ въ себѣ перечень проектированныхъ случаевъ упрощенія съ мотивировкой.

П. Сакулинъ. Вопросъ объ упрощеніи русской орѳографіи. «Вѣстникъ Воспитанія», 1904 г., № 6.

Изложеніе хода реформы и мнѣній сторонниковъ и противниковъ ея.

Е. Ѳ. Карскій. Къ вопросу о реформѣ русск. орѳографіи. Русск. Филологич. Вѣстникъ, 1904 г.. т. LII.

Научная оцѣнка проекта реформы.

2) О прежнихъ попыткахъ реформы и о другихъ новыхъ проектахъ ея:

Я. К. Гротъ. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. 2-е изд. Спб., 1876 г., 3-е въ его «Трудахъ», т. II, Спб., 1899 г.

В. Чернышевъ. Упрощеніе русскаго правописанія, Спб., 1905.

Содержаніе: 1) современное состояніе русск. правописанія, 2) историческій очеркъ вопроса объ его упрощеніи.

3) О современномъ состояніи нашего правописанія:

В. Чернышевъ. Только что названная брошюра.

Р. Ѳ. Брандтъ. О лженаучности нашего правописанія. «Филологич. записки» 1901 г., №№ 1 и 2 и отдѣльно, Воронежъ, 1901 г.

Содержитъ критику этимологическаго и защиту фонетическаго правописанія.

Поварской Юрій. Проста ли русская орѳографія? «Природа и люди», 1911 г., № 12.

Коротенькій популярный очеркъ.

4) О реформахъ иностранныхъ орѳографій:

Я. К. Гротъ. Спорные вопросы (ч. II, гл. III). См. выше.

В. Ѳ. Лазурскій. Вопросъ объ упрощеніи орѳографіи у англичанъ, французовъ и нѣмцевъ. Одесса, 1903 г. (изъ «Лѣтоп. Ист.-Филол. О-ва»).

А. И. Томсонъ. «Къ теоріи правописанія» и т. д. (полное заглавіе см. ниже), гл. XXX.

Ф. Озле. Реформа французскаго правописанія. Труды Харьковск. Педагог. О-ва, в. VII, 1901 г.

5) Противники реформы:

А. И. Томсонъ. Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его въ связи съ проектированнымъ упрощеніемъ русскаго правописанія. Одесса, 1903 г.

Объ этой книгѣ см. выше стр. 71 и 88—90. Читателю этой книги, не знакомому съ принципами проектированнаго упрощенія, во избѣжаніе недоразумѣнія слѣдуетъ имѣть въ виду, что авторъ, излагая теоретическія основы письма или возражая противъ нарушенія единообразія въ правописаніи, критикуетъ часто между прочимъ и фонетическія написанія не потому, чтобы проектъ былъ построенъ на фонетическомъ принципѣ.

Его же. Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Одесса, 1904 г.

Его же. Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія. Одесса, 1905 г.

Краткое, но исчерпывающее, изложеніе взглядовъ Томсона въ статьѣ **В. Н. Щепкина** Къ реформѣ русск. правописанія. «Русскія Вѣдомости», 1904 г., №№ 267 и 281.

А. С. Бѣлкинъ. Вопросъ объ упрощеніи русск. орѳографіи въ Московск. Педагогич. О-вѣ. Журн. Мин. Нар. Просв., 1902 г., январь.

А. С. Будиловичъ. О московскомъ проектѣ упрощ. русск. орѳографіи. Сборн. Учен.-литер. О-ва при Юрьевск. Унив., 1902 г., т. V.

Его же. Замѣтка по вопросу объ упрощеніи русск. правоп. «Вѣстн. Европы», 1904 г., май.

Его же. Академія наукъ и реформа русск. правоп. «Русск. Вѣстн.», 1904 г., іюль.

6) Сторонники реформы:

П. Н. Сакулинъ. Указанная выше статья.

Его же. Отвѣтъ критику доклада объ упрощеніи русск. орѳ. (Бѣлкину). Журн. Мин. Нар. Просв., 1902 г., авг.

Р. Ѳ. Брандтъ. О проектѣ упрощенія русск. орѳографіи. Журн. Мин. Нар. Просв., 1902 г., августъ.

Его же. Мнѣнія о русскомъ правописаніи Ягича, Корша, Будиловича и Томсона. «Филологич. Записки», 1904 г., II.

Его же. Къ школьной злобѣ дня. «Утро Россіи», 1911 г., № 11.

В. И. Чернышевъ. Рецензія на книгу проф. Томсона. Журн. Мин. Нар. Просв., 1903 г., окт.

Его же. Письма о старой и новой орѳографіи. Спб., 1904 г.

А. И. Соболевскій. Упрощеніе русск. орѳ. «Вѣстникъ и Библіотека самообразованія», 1904 г., № 21.

Не указываю мелкихъ газетныхъ и журнальныхъ статей тѣхъ же и другихъ авторовъ, принимавшихъ участіе въ полемикѣ по вопросу о реформѣ; многія изъ нихъ названы въ статьѣ П. Н. Сакулина въ «Вѣстн. Воспитанія» 1904 г., № 6.

2. О грамотности учащихся въ связи съ вопросомъ о реформѣ.

М. П. Щепкинъ. Докладъ въ М. Педаг. О-вѣ. «Русскія Вѣдомости», 1901 г., № 23.

И. П. Казанскій. Итоги опыта изслѣдованія грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Вопросы воспит. и обуч. (Труды Моск. Педаг. О-ва)», в. 1, 1901 г.

А. П. Флеровъ. Родной языкъ въ школѣ и зло современнаго правописанія. Педагогич. сборн. военно-учебныхъ заведеній, 1903 г.

Доклады на различныхъ съѣздахъ:

Труды 1-го съѣзда преподават. рус. яз. въ военно-учебн. заведеніяхъ 1903 г.

Труды 3-го съѣзда дѣятелей по технич. и профессіональному образованію 1903—4 г., IV секція, ч. II.

Труды 1-го съѣзда учителей городскихъ училищъ по положенію 1872 г. 1909 г.

3. Нѣкоторые проекты реформы отдѣльныхъ лицъ.

А. Д. Колтановскій. Реформа русской азбуки. Винница, 1900 г.

А. Г. Герасимовъ. Подарокъ неизгнаннаго неба. «Рожок-сам-гудок.» М., 1901 г.

П. Сорочинскій. Проектъ новой системы азбуки, орѳографіи и грамматики. Варшава, 1903 г.

К. А. Сорокін. Упросчонная русская азбука. I. Правописаніе. 2-е изд., Спб., 1907 г.

В. И. Соколовъ. Опытъ систематизаціи звуковъ нашей рѣчи и проектъ реформы гражданской азбуки. М., 1909 г.

См. еще указанную въ отд. 1 брошюру **В. Чернышева** Упрощеніе и т. д.

4. По вопросу о постановкѣ обученія правописанію.

Э. Мейманъ. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ, ч. III. М., 1910 г. (лекція 15).

А. И. Томсонъ. Указанная въ отд. 1 книга «Къ теоріи» и т. д.

Доклады **Ц. П. Балталона** и **А. П. Флерова** въ указанныхъ въ отд. 2 Трудахъ съѣзда преп. военно-уч. зав.

Методы первоначальнаго обученія, ч. I (ст. **Н. К. Кульмана** «Русскій языкъ») въ серіи «Педагогическая академія въ очеркахъ и монографіяхъ».

В. П. Шереметевскій. Объ орѳографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементарномъ, въ особенности, въ «Сочиненіяхъ», М., 1897 г. или въ его «Статьяхъ по метод. нач. преподав. р. яз.», М., 1910 г.

А. Д. Алферовъ. Родной языкъ въ средней школѣ. М., 1911 г. (гл. VII).

А. В. Поповъ. Методика русскаго языка. М., 1911 г.

Н. В. Чеховъ. Новѣйшія теченія въ обученіи русскому языку въ начальной школѣ. Бесѣды съ учителями и учительницами. Изд. журн. «Для народнаго учителя». М., 1911 г.

А. Трошинъ. Психологическія основы процесса чтенія. Спб., 1900 г.

5. Для пріобрѣтенія научныхъ свѣдѣній о языкѣ.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній Харьковск. О-ва Грамотности, т. VII. (Языкознаніе). Изд. Сытина. М., 1911 г.

В. А. Богородицкій. Общій курсъ русской грамматики (изъ университетскихъ чтеній). Изд. 3-е. Казань, 1911 г.

В. К. Поржезинскій. Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. Пособіе для старшихъ классовъ средней школы. М., 1910.

А. В. Михайловъ. Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма. Варшава, 1911 г.

В. Чернышевъ. Законы и правила русскаго произношенія. Изд. 2-е. Спб., 1908 г.

6. О неудовлетворительности постановки преподаванія грамматики съ точки зрѣнія науки.

Н. К. Кульманъ. Статья «Русскій языкъ», указанная въ отдѣлѣ 4.

Новикова. Руководство къ книгѣ «Русскій языкъ» (имѣю въ виду приложенную сюда статью **проф. Д. Н. Кудрявскаго** «Школьная и научная грамматика»). Спб., 1910 г.

Доклады **Л. В. Щербы** и **Н. К. Кульмана** въ указанныхъ въ отд. 2 Трудахъ съѣзда преп. военно-уч. зав. и приложенная къ нимъ лекція **акад. Ф. Ѳ. Фортунатова.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 5
Глава I. Письмо и правописаніе 7
Глава II. Фонетическая транскрипція и обычное письмо 9
Глава III. Понятіе о физіологіи звуковъ рѣчи . . 11
Глава IV. Отношеніе русскаго правописанія къ русскому языку 13
§ 1. Гласные звуки 14
§ 2. Напряженные и ненапряженные оттѣнки гласныхъ звуковъ . . —
§ 3. Буква **о** въ значеніи **а**, буква **е** въ значеніи **и** 15
§ 4. Буквы **ѣ**, **і**, **ѵ** . . . . . —
§ 5. Буквы **ъ** и **ь** 17
§ 6. Буква **й** 18
§ 7. О названіи „полугласная“ . . . . . —
§ 8. Лишніе гласные звуки 19
§ 9. Полуглухой гласный звукъ . . . . . —
§ 10. Еще полуглухой гласный звукъ 20
§ 11. Выводъ изъ наблюденій надъ гласными . . . . . —
§ 12. Согласные звуки. Буквы **щ** и **ѳ** . . . . . —
§ 13. Звукъ **γ** 22
§ 14. Незадненебные **г**, **к**, **х** . . . . . —
§ 15. Звукъ **j** 23
§ 16. Мягкость согласныхъ 25
§ 17. Обозначеніе мягкости согласныхъ на письмѣ. Значеніе буквъ **я**, **ю**, **е** (**ѣ**) 26
§ 18. Звукъ **о** послѣ мягкихъ согласныхъ. Значеніе буквы **ё** 27
§ 19. Звуки **j** и **й** 29
§ 20. Еще оттѣнки звуковъ **а**, **у**, **о** . . . . . —
§ 21. Шипящіе и **ц** 30
§ 22. Глухіе и звонкіе согласные 32
§ 23. Выпаденіе согласныхъ 34
§ 24. Гласные безъ ударенія 35
§ 25. Правописаніе нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаній 40

Стр.

Глава V. Звуковое значеніе буквъ 44
Глава VI. Главнѣйшіе факты исторіи русскаго правописанія 54
Глава VII. Характеръ нашего современнаго правописанія 59
Глава VIII. Процессы чтенія и письма и обученіе правописанію 68
Глава IX. Сравнительное достоинство различныхъ принциповъ правописанія въ связи съ вопросомъ о его реформѣ . . 73
Глава X. Вопросъ о реформѣ правописанія въ послѣднее десятилѣтіе 81

Приложенія.

I. Два образца фонетической транскрипціи 93
II. Образцы различныхъ правописаній 94
III. Образецъ проектированнаго новаго правописанія 95
IV. Указатель книгъ и статей:

1) По вопросу о реформѣ правописанія . . . . . —
2) О грамотности учащихся въ связи съ вопросомъ о реформѣ . . 98
3) Нѣкоторые проекты реформы отдѣльныхъ лицъ . . . . . —
4) По вопросу о постановкѣ обученія правописанію 99
5) Для пріобрѣтенія научныхъ свѣдѣній о языкѣ . . . . . —
6) О неудовлетворительности постановки преподаванія грамматики съ точки зрѣнія науки 100

УЧЕБНЫЯ КНИГИ,

изданныя В. С. СПИРИДОНОВЫМЪ.

АЛЕКСАНДРОВЪ, А. Н., преподав. Нижегородскаго реальнаго училища. **Теорія словесности.** Курсъ IV класса реальныхъ училищъ. М. 1909 г. Ц. **30** к.

ГУЛЯЕВЪ, А. И., преподаватель Московскаго Промышленнаго училища. **Краткій учебникъ политической экономіи.** Для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается политическая экономія. М. 1910 г. Ц. **75** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., декабрь.)

ДОБРЫНИНЪ, К. И., инспекторъ Рославльской мужской гимназіи. **Первые уроки по русской исторіи.** Для низшихъ училищъ. Съ 33 рисунк. Изданіе 2-ое. М. 1912 г. Ц. **35** к., въ папкѣ **50** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (въ 1-мъ изданіи) къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., апрѣль.)

ДОБРЫНИНЪ, К. И. Элементарный курсъ русской исторіи. Для учениковъ I и II классовъ мужскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и для городскихъ училищъ. Съ 95 рисунками. Изданіе 3-е. М. 1911 г. Ц. **80** к., въ папкѣ **1** р.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г., май.)

ДОБРЫНИНЪ, К. И. Древняя исторія. Часть I. **Древній Востокъ и героическая Греція.** Курсъ III класса мужскихъ гимназій. Со 110 рисунк. и 2 картами. Изданіе 3-е. М. 1910 г. Ц. **80** к., въ папкѣ **1** р.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (во 2-мъ изданіи) въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 г., августъ.)

ДОБРЫНИНЪ, К. И. Древняя исторія. Часть II. **Греція и Римъ.** Курсъ IV класса мужскихъ гимназій. Съ 71 рисунк. и 2 картами. М. 1910 г. Ц. **80** к., въ папкѣ **1** р.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., май.)

ДОБРЫНИНЪ, К. И. Краткій курсъ русской исторіи (съ дополненіями изъ всеобщей). Для III класса женскихъ гимназій. Съ 53 рисунками. М. 1911 г. Ц. **60** коп., въ папкѣ **75** коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено къ употребленію въ женскихъ гимназіяхъ въ качествѣ руководства. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г., сентябрь.)

ДОБРЫНИНЪ, К. И. Древній міръ. (Востокъ.—Греція.—Римъ.) Для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій. Съ 66 рис. М. 1910 г. Ц. **80** к., въ папкѣ **1** р.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., сентябрь.)

КУЛЬБЕРГЪ, Н. Нѣмецкая грамматика. Для средне-учебныхъ заведеній. Часть I. Этимологія. Изданіе 2-е. М. 1910 г. Ц. **50** к., въ переплетѣ **65** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (въ 1-мъ изданіи) въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1909 г., декабрь.)

ТО ЖЕ. На нѣмецкомъ языкѣ. М. 1910 г. Ц. **60** к., въ переплетѣ **75** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., іюль.)

Гл. ... Библ-ка

КУЛБЕРГЪ, Н. Нѣмецкая грамматика. Для средне-учебныхъ заведеній. Часть II. Синтаксисъ. М. 1910 г. Ц. **50** к., въ переплетѣ **65** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., май.)

ТО ЖЕ. На нѣмецкомъ языкѣ. М. 1910 г. Ц. **40** к., въ переплетѣ **55** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., октябрь.)

КУЛЬБЕРГЪ, Н. Краткая нѣмецкая грамматика. Для средне-учебныхъ заведеній, духовныхъ семинарій и училищъ, а также для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ и торговыхъ школъ. Этимологія и синтаксисъ. М. 1910 г. Ц. **60** к., въ переплетѣ **75** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., декабрь.)

ЛѢТНИКЪ, А. Л., преподаватель Московской VI мужской гимназіи. **Пятизначныя таблицы логариѳмовъ чиселъ. (Отъ 1 до 10000.)** Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1911 г. Ц. **25** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ пособія для среднихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г., май.)

ПОСТНИКОВЪ, А. П. Элементарный курсъ электротехники. Изданіе 2-е, исправленное. Со 100 чертеж. М. 1906 г. Ц. **1** р. **50** к., въ пер. **1** р. **65** к.

Рекомендовано Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. (въ 1-мъ изданіи) для ученическихъ, старш. возр., и для основныхъ библіот. всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіот. учительск. институтовъ и семинарій, для городскихъ училищъ и для безпл. нар. читаленъ.

Отдѣломъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по техническому и профессіональному образованію признана заслуживающей вниманія педагогическихъ совѣтовъ какъ низшихъ техническихъ, такъ и ремесленныхъ училищъ и школъ ремесленныхъ учениковъ—въ качествѣ пособія при изученіи элементарной электротехники. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 г., февраль.)

ПОСТНИКОВЪ, А. П. Систематическій курсъ практическихъ работъ по общей химіи. Съ 18 чертеж. М. 1907 г. Ц. **60** к., въ переплетѣ **75** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено, въ качествѣ пособія, для реальныхъ училищъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1907 г., ноябрь), а также, въ качествѣ учебнаго пособія, для низшихъ и среднихъ химико-техническихъ училищъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., мартъ.)

Главнымъ Управл. Военно-Учебн. Зав. рекомендована, въ качествѣ учебнаго пособія, для старш. классовъ кадетскихъ корпусовъ. (Отнош. отъ 24 мая 1908 г., за № 11129.)

ПОСТНИКОВЪ, А. П. Начала теоретической механики. Для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Съ 50 чертежами. М. 1908 г. Ц. **1** р.

Главнымъ Управл. Военно-Учебн. Зав. допущено въ фундаментал. библіот. кадетскихъ корпусовъ. (Отнош. отъ 12 іюля 1911 г., за № 14945.)

СОСНИЦКІЙ, АРКАДІЙ. Теорія словесности. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 4-е, исправленное. М. 1911 г. Ц. **60** к., въ переплетѣ **75** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1911 г., мартъ.)

УШАКОВЪ, Д. Н., прив.-доц. Москов. Универ. **Русское правописаніе.** Очеркъ его происхожденія, отношенія его къ языку и вопроса о его реформѣ. М. 1911 г. Цѣна **50** к.

СКЛАДЪ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. С. СПИРИДОНОВА и А. М. МИХАЙЛОВА.

МОСКВА, Моховая, уг. Тверской, д. Варварин. Акц. О-ва. Тел. 120-95.

Въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ **П. В. Луковникова**, Лештуковъ переулокъ, 2.

Гос. Центр. Историческ... Библиот...